

- [Агата Кристи](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
-

Агата Кристи
Агент "Н" или "М"

Глава первая

В передней Томми Бирсфорд разделся, аккуратно, не спеша, водрузил пальто на вешалку и все так же неторопливо повесил шляпу на соседний крючок. Потом расправил плечи, изобразил на лице бодрую улыбку и вошел в гостиную, где жена его вязала шерстяной подшлемник цвета хаки.

Стояла весна 1940 года.

Миссис Бирсфорд взглянула на мужа, и спицы еще быстрее замелькали у нее в руках. Помолчав с минуту, она спросила:

— Что нового в газетах?

— Блицкриг надвигается, — ответил Томми. — Дела во Франции плохи.

— Да, что и говорить, невесело, — подтвердила Таппенс.

Они опять помолчали. Затем Томми поинтересовался:

— Ну? Что же ты ни о чем не спрашиваешь? Кому сейчас нужна эта тактичность?

— Верно, — согласилась Таппенс. — Излишняя тактичность раздражает. Но ведь ты разозлишься еще больше, если я начну задавать вопросы. Да и зачем? У тебя и так все на лице написано. Ну, ладно, выкладывай. Ничего не вышло?

— Ничего. Я никому не нужен. Честное слово, Таппенс, когда сорокашестилетнему мужчине дают понять, что из него песок сыплется — это уж слишком. Армия, флот, авиация, министерство иностранных дел — всюду одно и то же: вы слишком стары. Может, позднее вы нам понадобится.

— Со мной та же история, — вздохнула Таппенс. — Вы хотите быть сестрой милосердия? В вашем возрасте? Нет, благодарим вас. На другую работу? Тоже нет. Они предпочтут мне любую сопливую девчонку, которая и ран-то в глаза не видела и даже бинт стерилизовать не умеет. А ведь я же три года провела на фронте: была и сиделкой и операционной сестрой, водила грузовик и даже генеральскую машину. И, смею утверждать, всюду неплохо справлялась. А теперь я, оказывается, всего-навсего пожилая надоеда, которая не желает тихо сидеть дома и вязать.

— Хорошо, хоть Дебора при деле, — попытался Томми утешить жену.

— Да, у нее все в порядке, — согласилась мать Деборы. — Уверена, что она справляется. И все-таки кажется, Томми, что я бы ей ни в чем не уступила.

— Она, пожалуй, другого мнения, — усмехнулся Томми.

— Дети иногда бывают просто невыносимы, — вздохнула Таппенс. — Особенно когда стараются быть чуткими.

— Терпеть не могу, когда Дерек делает мне скидку на возраст, — проворчал Томми. — Всем своим видом он словно говорит: «Бедный старый папа!»

Сердито фыркнув, Таппенс тряхнула темноволосой головой, и клубок шерсти скатился с ее колен на пол.

— Выходит, мы ни на что больше не годны? Да? А может, нам просто вбивают это в голову? Впрочем, мне самой подчас кажется, что мы вообще никогда ни на что не годились.

— Похоже, — отозвался Томми.

— Допустим. Но ведь было же время, когда мы считали, что делаем важное дело. Теперь я начинаю подозревать, что все это нам просто приснилось. Да было ли это на самом деле, Томми? Правда ли, что однажды немецкие шпионы трахнули тебя по голове и похитили? Правда ли, что однажды мы с тобой выследили опасного преступника, задержали его и завладели важнейшими секретными документами? Правда ли, что некая признательная страна нас щедро вознаградила? Да, нас — тебя и меня. Тех самых Бирсфордов, которыми все пренебрегают, которые никому больше не нужны?

— Угомонись, дорогая. Разговорами делу не поможешь.

— И все-таки, — смахнув слезинку, сказала Таппенс, — больше всего меня обидел наш друг мистер Картер.

— Но он же написал нам весьма любезное письмо.

— И ничего не сделал — даже надежды не подал.

— Так ведь он сейчас не у дел, как и мы. Состарился, поселился в Шотландии и ловит себе рыбку.

— Секретная служба могла бы все же что-нибудь для нас придумать, — не сдавалась Таппенс.

— А может, мы уже и не справимся, — возразил Томми. — У нас теперь, пожалуй, пороку не хватит.

— Не знаю. По-моему, мы все те же. А впрочем, когда дойдет до дела... Но все-таки очень хочется чем-то заняться. Ужасно, когда все время только думаешь и думаешь.

В квартиру позвонили. Таппенс открыла дверь и увидела на пороге широкоплечего мужчину с пышными светлыми усами на румяном жизнерадостном лице. Незнакомец быстрым взглядом окинул хозяйку дома и приятным голосом осведомился:

— Миссис Бирсфорд?

— Да.

— Моя фамилия Грант. Я друг лорда Истхемптона. Он посоветовал мне обратиться к вам и вашему мужу.

— Очень рада. Входите, пожалуйста. — Таппенс провела посетителя в гостиную. — Знакомьтесь — мой муж. А это мистер Грант. От мистера Кар... простите, от лорда Истхемптона.

Прежний псевдоним шефа Секретной службы был для Таппенс привычнее, чем настоящий титул их старого друга. Мистер Грант оказался приятным человеком и держался непринужденно. Таппенс вышла из комнаты, но вскоре вернулась с бутылкой шерри и рюмками. А еще через несколько минут, воспользовавшись паузой, мистер Грант спросил Томми:

— Я слышал, вы ищете себе дело, Бирсфорд?

— Да, ищу. Вы имеете в виду... — У Томми загорелись глаза.

Грант рассмеялся и покачал головой:

— Боюсь, не то, что вы думаете. Этим пусть занимаются молодые, энергичные ребята или те, кто работает у нас уже давно. А вам я могу предложить лишь довольно скучную работу: будете сидеть в канцелярии, подшивать бумаги, перевязывать папки красной тесьмой, расставлять по полкам и прочее.

— Понятно, — лицо у Томми вытянулось.

— В конце концов, это лучше, чем ничего, — подбодрил его Грант. — Словом, загляните ко мне на днях. Министерство снабжения, комната двадцать два. Что-нибудь для вас подыщем.

Зазвенел телефон. Таппенс сняла трубку.

— Алло... Да... Что такое?

На другом конце провода кто-то кричал. Таппенс изменилась в лице.

— Когда?... Ох, боже мой!.. Разумеется, дорогая, сейчас буду.

Миссис Бирсфорд положила трубку.

— Это Морин.

— Я так и подумал. Ее голос узнаешь даже отсюда.

Едва переведя дыхание, Таппенс продолжала:

— Ради бога простите, мистер Грант, но я должна бежать — моя приятельница упала и вывихнула ногу. Надо пойти помочь ей.

— О чем речь, миссис Бирсфорд! Разумеется.

Таппенс улыбнулась гостю, схватила пальто, наспех оделась и убежала. Входная дверь захлопнулась.

— Посидите еще, — сказал Томми и долил гостю шерри.

— Спасибо. — Грант взял рюмку, пригубил, помолчал и наконец

заметил:

— А знаете, я отчасти даже рад, что вашей жене пришлось уйти. Так мы сэкономим время.

— Не понимаю, — удивленно уставился на него Томми.

— Видите ли, Бирсфорд, — неторопливо начал Грант, — я пригласил вас заглянуть ко мне в министерство, потому что уполномочен сделать вам одно предложение.

— Вы имеете в виду...

— Истхемптон рекомендовал вас, — кивнул Грант. — Сказал, что вы — самый подходящий человек.

— Я вас слушаю. — Томми перевел дух.

— Никто не должен ничего знать. Даже ваша жена. Понятно?

— Раз вы настаиваете — хорошо. Но раньше мы работали вместе.

— Знаю. Но мое предложение адресовано только вам.

— Ясно.

— Официально вам предлагается, как я уже сказал, канцелярская работа в шотландском филиале министерства. Он расположен в запретной зоне, куда вы не можете взять жену. На самом же деле вы поедете совсем в другое место.

Томми выжидательно молчал.

— Вы читали в газетах о пятой колонне? — спросил Грант. — Вам известно хоть в общих чертах, что означает это выражение?

— Враг внутри страны.

— Совершенно верно, Бирсфорд. Начиная войну, мы были оптимистами. Я не говорю о тех, кто знал, с чем мы имеем дело. Они-то всегда понимали, как хорошо подготовлен и решителен противник, как силен он в воздухе, какая у него слаженная военная машина. Я имею в виду нацию в целом, добродушного, демократически настроенного англичанина, у которого в голове форменная неразбериха и который верит в то, во что ему хочется верить, — что Германия долго не выдержит, что она на грани революции, что танки у немцев из жести, а сами они от недоедания свалятся с ног на первом же марше и так далее. Так вот, война повернулась совсем по-другому. Уже в начале ее нам пришлось туговато, а теперь становится и вовсе худо. Народ — матросы, летчики, солдаты в окопах — держится стойко, но готовили нас к войне и руководили нами скверно. Самое худшее в этом смысле уже позади. Мы исправили ошибки, постепенно ставим нужных людей на нужные места, словом, начинаем воевать как следует. И мы выиграем войну... если только раньше не проиграем ее. Опасность же проиграть ее грозит нам не извне. Нам грозит

та же опасность, что сгубила Трою: деревянный конь в наших стенах. Если угодно, назовем его пятой колонной. Это мужчины и женщины, порой высокопоставленные, порой никому не известные, но одинаково преданные нацизму...

Грант наклонился вперед и тем же приятным сдержанным голосом закончил:

— И мы не знаем, кто они.

— Но... — запротестовал Томми.

— Конечно, — с ноткой нетерпения в голосе перебил его Грант, — всякую мелюзгу арестовать мы можем. Это просто. Но дело не в ней — есть другие. Кое-что мы о них знаем. Нам известно, что, самое меньшее, двое из них занимают ответственные посты в Адмиралтействе, один состоит при штабе генерала Г., трое служат в военно-воздушных силах, двое работают у нас в Интеллидженс сервис и имеют доступ к секретным документам. Откуда иначе просачивались бы к противнику сведения о том, что происходит в верхах?

Открытое лицо Томми выразило полное смятение.

— Но чем же я могу вам помочь? — растерянно выдавил он. — Я не знаю никого из этих людей.

— Совершенно верно, — кивнул Грант. — Вы не знаете никого из них. Но ведь и они вас не знают.

Помолчав, чтобы смысл слов успел дойти до собеседника, он продолжал:

— Эти лица, высокопоставленные лица, знают большинство наших сотрудников. Отказать им в информации мы не имеем права. Окончательно зайдя в тупик, я отправился к Истхемпτονу. Он давно в отставке, болеет, но голова у него по-прежнему светлая. Он вспомнил о вас. Когда-то вы работали на нас, но с тех пор прошло лет двадцать с лишком. Ваше имя никак не связано с нами. В лицо вас никто не знает. Ну, беретесь?

— Вы еще спрашиваете! Разумеется, берусь, хоть и не знаю, чем могу быть вам полезен: я ведь всего-навсего дилетант.

— Дилетант нам и нужен, дорогой Бирсфорд: у профессионала здесь связаны руки. Вы замените одного из лучших агентов, которого когда-либо имела наша Секретная служба.

Томми вопросительно посмотрел на гостя. Грант кивнул.

— Он умер во вторник в больнице святой Бригитты. Попал под грузовик. Несчастный случай — не случайный, конечно.

— Понятно, — медленно произнес Томми.

— Поэтому у нас есть основания предполагать, — невозмутимо

продолжал Грант, — что Фаркуар кое-что пронюхал, напал, наконец, на какой-то след. Но какие сведения он добыл — об этом мы, к несчастью, почти ничего не знаем: он пришел в сознание всего за несколько минут до смерти, пытался что-то сказать, но успел произнести только: «Н. или М., Сонг-Сузи».

— Не слишком вразумительно, — вздохнул Томми.

— Но все-таки вразумительнее, чем вам кажется, — улыбнулся Грант. — Об Н. и М. мы уже слышали раньше: это два наиболее опасных и осведомленных немецких шпиона. Их задача — создавать в чужой стране пятую колонну и быть связными между нею и Германией. Нам известно, что Н. — мужчина, а М. — женщина. Кроме этого мы знаем лишь, что они важные эмиссары Гитлера. В одной шифровке, перехваченной нами перед началом войны, встретилась такая фраза: «Для Англии предлагаю Н. и М. Полномочия неограниченные».

— Понятно. Значит, Фаркуар...

— Похоже, он вышел на след одного из них. Кого именно — этого мы, к сожалению, не знаем. «Сонг-Сузи» звучит, конечно, несколько странно. Но, во-первых, у бедняги Фаркуара было далеко не блестящее французское произношение; во-вторых, в кармане у него нашли обратный билет до Лихемптона. Это курортный городок на южном побережье. Куча гостиниц и пансионатов, в том числе один, который называется «Сан-Суси».

— Сонг-Сузи — Сан-Суси, — повторил Томми. — Понимаю.

— Что именно? — поинтересовался Грант.

— Вы хотите, — пояснил Томми, — чтобы я поехал туда и... ну, как бы получше это выразиться... поразнюхал, что к чему?

— Совершенно верно.

Томми вздохнул и расправил плечи.

— Попробую. Только я ведь не из сообразительных.

— Мне говорили, что когда-то вы справлялись, и неплохо.

— Чистая удача! — поспешно вставил Томми.

— Что ж, на нее мы и рассчитываем.

— А что такое «Сан-Суси»? — осведомился Томми.

— Ничего особенного — пансион как пансион, — пожал плечами Грант. — Там таких много. Пожилые дамы, отставные полковники, безупречные старые девы, несколько иностранцев. Словом, публика самая разная.

— И среди нее Н. или М.?

— Не обязательно. Возможно, лицо, связанное с ними. Но вполне вероятно, Н. или М. собственной персоной. Пансион на морском курорте

— не приметней места и не придумаешь.

— И вы не имеете представления, кого я должен искать — мужчину или женщину? Грант покачал головой.

— Ну что ж, попытаюсь, — сказал Томми.

— Желаю удачи, Бирсфорд. А теперь перейдем к деталям.

Через полчаса, когда запыхавшаяся Таппенс, сгорая от любопытства, вбежала в комнату, Томми был уже один. Он сидел в кресле и со скептическим видом что-то насвистывал!

— Ну? — выпалила Таппенс, вложив в этот слог целую гамму чувств.

— Ну, — несколько неопределенно ответил Томми, — мне дали работу. Канцелярскую. Дебри Шотландии, все засекречено и так далее, но, в общем, не слишком заманчиво.

— Мы оба или только ты?

— К сожалению, только я.

— Черт бы тебя побрал! Какая низость со стороны нашего мистера Картера! Но что же это такое — шифровка, дешифровка? Смотри, Томми, на такой работе легко свихнуться. Сначала теряешь сон и ночи напролет твердишь: «Девять, семь, восемь-три, четыре, пять-два» или еще что-нибудь в том же духе, а потом у тебя сдают нервы, и ты попадаешь в сумасшедший дом.

— Я-то не попаду.

— Рано или поздно попадешь, — мрачно заверила его Таппенс. — А мне можно с тобой? Просто так, в качестве жены? Чтобы вечером подавать тебе домашние туфли и разогревать ужин?

Томми стало совсем неловко.

— Прости, старушка, мне страшно не хочется тебя оставлять, но...

— Но ты должен, — закончила Таппенс.

— В конце концов, у тебя тоже есть дело, — робко вставил Томми. — Будешь вязать.

— Вязать? — переспросила Таппенс. — Я? Вязать? — и, схватив подшлемник, она швырнула его на пол. У Томми сжалось сердце. Однако Таппенс тут же взяла себя в руки и честно признала, что муж ее должен был принять предложение, не считаясь с нею.

Три дня спустя Томми отбыл в Абердин. Таппенс проводила его на вокзал. Глаза у нее подозрительно блестели, несколько раз она даже моргнула, но в общем выдержала характер и улыбалась до самого конца. Лишь когда поезд тронулся и Томми увидел на убегающем перроне одинокую фигурку жены, он почувствовал, что у него подступает комок к горлу: он покидает Таппенс. Усилием воли Томми взял себя в руки: приказ

есть приказ. Прибыв в Шотландию, он на завтра сел на Манчестерский поезд и еще через день был в Лихемптоне. Здесь он переночевал в центральном отеле, а наутро начал обход частных гостиниц и пансионатов, присматривая себе комнату и справляясь об условиях. «Сан-Суси» оказался кирпичной виллой в викторианском стиле, расположенной на склоне холма. С верхнего ее этажа открывался живописный вид на море. В холле слегка пахло пылью и кухней, ковер на полу был потертый, и все-таки пансион выглядел приятней остальных родственных заведений, которые Томми успел обойти.

Хозяйка пансиона миссис Перенна приняла Томми в своем кабинете — неряшливой — комнатушке, где стоял письменный стол, заваленный бумагами. У самой миссис Перенны, брюнетки средних лет, вид был тоже довольно неопрятный: копна растрепанных вьющихся волос и кое-как подкрашенные губы плохо сочетались с самоуверенной улыбкой и двумя рядами ослепительно белых зубов.

Томми сослался на свою престарелую кузину мисс Медоуз — года два тому назад она останавливалась в «Сан-Суси». Как же, как же, миссис Перенна прекрасно помнит мисс Медоуз. Такая милая старушка, хотя, впрочем, совсем не такая уж старая. Очень подвижная, а чувство юмора какое! Томми осторожно поддакнул. Он знал, что мисс Медоуз действительно существовала — к подобным деталям Секретная служба чрезвычайно внимательна.

Как поживает милая мисс Медоуз?

Томми с огорчением сообщил, что мисс Медоуз больше нет в живых. Миссис Перенна сочувственно прищелкнула языком, и лицо ее приняло подобающее скорбное выражение. Это, однако, не помешало ей тут же обрести прежнюю словоохотливость. Разумеется, у нее найдется подходящая комната. Мистер Медоуз останется доволен. Прелестный вид на море. Мистер Медоуз совершенно прав — сейчас лучше быть подальше от Лондона.

Не переставая болтать, миссис Перенна отвела Томми наверх, показала ему несколько комнат и назвала цену. Томми изобразил на лице уныние. Хозяйка объяснила, что все фантастически дорожает. Томми объяснил, что доходы его, к сожалению, сократились, а при теперешних налогах и прочих обстоятельствах...

— Ах, эта ужасная война! — простонала миссис Перенна.

Томми согласился и прибавил, что, по его мнению, Гитлера надо повесить. Миссис Перенна поддакнула и прибавила, что справляться с хозяйством сейчас страшно трудно — введены карточки, мясо стало

редкостью. Но ради родственника мисс Медоуз она готова сбавить пол-гинеи в неделю. Томми забил отбой и обещал подумать. Миссис Перенна проводила его до ворот, болтая еще оживленнее, чем раньше. В общем, она показалась Томми чересчур назойливой, однако он не мог не признать про себя, что в своем роде она довольно привлекательна. Интересно, кто она по национальности? Не чистокровная англичанка, это уж точно: фамилия у нее не то испанская, не то португальская. Впрочем, это указывает лишь

на национальность мужа. Возможно, она ирландка, хотя и говорит без акцента: недаром она такая живая и многословная. В конце концов было решено, что мистер Медоуз переберется в пансион на следующий же день.

В шесть вечера Томми был на месте. Миссис Перенна встретила его в холле и тут же отдала распоряжение насчет его багажа придурковатой служанке, которая уставилась на приезжего, выпучив глаза и широко разинув рот. Затем хозяйка провела Томми в помещение, именуемое ею гостиной.

— Разрешите представить вам нашего нового постояльца, — с ослепительной улыбкой возгласила миссис Перенна, обращаясь к пяти особам, которые сидели в комнате, подозрительно поглядывая на незнакомца. — Мистер Медоуз — миссис О'Рорк.

Усатая дама устрашающих размеров, с маленькими, как бусинки, глазками одарила Томми сияющей улыбкой.

— Майор Блетчли.

Майор Блетчли смерил Томми взглядом и слегка наклонил голову.

— Мистер фон Дайним.

Молодой чопорный блондин с голубыми глазами встал и поклонился.

— Мисс Минтон.

Дама не первой молодости, увешанная бусами, оторвалась от вязанья, улыбнулась и хихикнула.

— И, наконец, миссис Бленкенсоп.

Еще одна вязальщица, сосредоточенно созерцавшая неоконченный подшлемник, подняла темноволосую растрепанную голову. У Бирсфорда перехватило дыхание, комната поплыла у него перед глазами. Он встретил взгляд дамы — вежливый равнодушный взгляд совершенно постороннего человека. Восхищение охватило Томми.

Перед ним сидела Таппенс.

Глава вторая

Томми так и не понял, как он выдержал тот вечер: он боялся лишний раз взглянуть в сторону миссис Бленкенсоп. К обеду явилось еще трое обитателей «Сан-Суси»: пожилая пара, мистер и миссис Кейли, и миссис Сирот, приехавшая сюда с дочуркой из Лондона и явно тяготившаяся пребыванием в Лихемптоне. За столом ее посадили рядом с Томми. Она тут же впилась в него зеленоватыми водянистыми глазами и чуточку гнусавым голосом спросила:

— Как вы думаете, в городе уже безопасно? Все возвращаются домой, правда?

Но прежде чем Томми успел ответить на этот бесхитростный вопрос, в разговор вмешалась другая его соседка — особа, увешанная бусами:

— А я считаю, что, имея детей, рисковать нельзя. Подумайте о своей милой крошке Бетти! Скоро, по-моему, немцы применяют новые газы.

— И каких только глупостей не болтают о газах! — оборвал мисс Минтон майор Блетчли. — Эти субъекты и не подумают возиться с газами. Крупнокалиберные фугаски и зажигательные бомбы — вот на что теперь их ставка. Как в Испании.

Весь стол упоенно отдался спору. Из общего хора выделился высокий голос Таппенс:

— Мой сын Дуглас рассказывал, что...

«Что еще за Дуглас? И почему Дуглас?» — подумал Томми.

После скудного, хотя и с претензиями обеда общество в полном составе перебралось в гостиную. Дамы опять принялись за вязание, а Томми пришлось выслушать длинный и скучный рассказ о подвигах майора Блетчли на северо-западной границе Индии.

Молодой блондин с ярко-голубыми глазами встал и пошел к двери. На пороге он задержался и слегка поклонился собравшимся.

Майор Блетчли прервал повествование и сказал Томми:

— Обратили внимание на парня, который только что вышел? Он эмигрант. Бежал из Германии всего за месяц до войны.

— Он немец?

— Чистокровный. Не еврей. Отец его попал в беду — критиковал нацизм. Два брата сидят в концлагере. Парень удрал как раз вовремя...

Но тут Бирсфордом завладел мистер Кейли, который завел нескончаемый разговор о своем здоровье и так увлекся, что ускользнуть

Томми удалось лишь перед самым отходом ко сну.

На другое утро Томми встал рано и отправился прогуляться к морю. Он быстро дошел до мола и уже повернул обратно, как вдруг заметил, что навстречу ему движется знакомая фигурка. Томми учтиво приподнял шляпу.

— Доброе утро... э-э... миссис Бленкенсоп, если не ошибаюсь?

Вокруг не было ни души.

— Встреча Ливингстона со Стэнли, — отпарировала Таппенс.

— Как ты сюда попала? Это же чудо! Форменное чудо!

— При чем здесь чудо? Просто хорошая голова. Надеюсь, это послужит вам уроком — тебе и твоему чванному мистеру Гранту.

— Конечно, послужит. Но выкладывай скорее, как ты ухитрилась выкинуть такую штуку? Я прямо сгораю от любопытства.

— Все очень просто. Как только Грант заговорил о нашем мистере Картере, я сразу поняла, в чем дело. Я сообразила, что тут пахнет не канцелярской работой и что меня к этой работе не допустят. Поэтому я решила принять свои меры: пошла за шерри, спустилась к Браунам и позвонила Морин. Велела ей вызвать меня к телефону и объяснила, что говорить. Она сделала все как надо — визжала так, что на всю комнату было слышно. Ну, а дальше сыграла свою роль я: заболела подруга, я должна уйти, ах, какая досада — и в полном расстройстве выбежала из комнаты. Хлопнула входной дверью, сама осталась в передней, шмыгнула в спальню и приоткрыла дверь в гостиную — ту, что заставлена комодом.

— И все слышала?

— Все, — самодовольно подтвердила Таппенс.

— И даже виду не показала?

— Конечно нет. Я хотела проучить вас — тебя и твоего мистера Гранта. Мистер Картер не поступил бы со мной так подло. Нет, теперь Секретная служба уже не та, что в наше время.

— Но мы снова в ней, и она опять обретет былой блеск, — торжественно возразил Томми. — А почему ты выбрала фамилию Бленкенсоп?

— А что? Фамилия как фамилия.

— Какая-то странная!

— Первая, которая пришла мне в голову. И потом очень удобно для белья.

— При чем тут белье?

— Идиот! С какой буквы начинается фамилия Бленкенсоп? С той же, что Бирсфорд. Метки на белье! Патриция Бленкенсоп — Пруденс

Бирсфорд. А почему ты выбрал фамилию Медоуз?

— Во-первых, — начал Томми, — у меня на кальсонах не вышиты мои инициалы. А во-вторых, я ее не выбирал: мне так приказано. Мистер Медоуз, респектабельный джентльмен с незапятнанным прошлым. Я уже выучил свою биографию наизусть.

— Очень мило, — заметила Таппенс. — Ты женат или холост?

— Я вдовец, — с достоинством поправил ее Томми. — Моя жена скончалась десять лет тому назад в Сингапуре.

— Почему в Сингапуре?

— Все мы где-то умираем. А чем тебе не нравится Сингапур?

— Да нет, ничем. Вероятно, это вполне подходящее место для смерти. Я тоже вдова.

— Где и от чего умер твой муж?

— Ах, не все ли равно! Наверное, в какой-нибудь частной лечебнице. Кажется, от цирроза печени.

— Понятно. Все это очень грустно. А чем занимается твой сын Дуглас?

— Служит на флоте.

— Это я уже слышал вчера вечером.

— У меня еще два других — Раймонд и Сирил, младшенький. Один в авиации, другой в пехоте.

— А если кто-нибудь возьмет да наведет справки об этих несуществующих Бленкенсопах?

— Они вовсе не Бленкенсопы. Бленкенсоп был моим вторым мужем. Фамилия первого — Хилл. В телефонной книге целых три страницы Хиллов. Всех Хиллов никому не проверить.

— Это твоя всегдашняя беда, Таппенс, — вздохнул Томми. — Ты вечно перебарщиваешь. Два мужа, три сына — это слишком много. Запутался в мелочах.

— Не запутаюсь. А сыновья мне еще пригодятся. И запомни: мне пока что никто не отдает приказов. Я ввязалась в дело ради собственного удовольствия, и я это удовольствие получу.

— Похоже, — согласился Томми и мрачно добавил: — впрочем, если хочешь знать мое мнение, вся эта история — просто фарс.

— Почему ты так думаешь?

— Вот ты живешь в «Сан-Суси» дольше, чем я. Скажи по совести: разве тебе пришло бы в голову, что среди тех, кто сидел вчера за столом, скрывается опасный агент противника?

— Маловероятно, — задумчиво ответила Таппенс. — Хотя, конечно,

этот молодой человек...

— Карл фон Дайним? Но ведь эмигранты находятся под надзором полиции.

— Верно. И все же как-то можно устроиться... А этот молодой человек очень недурен собой... А что ты скажешь насчет миссис Перенны?

— Да, — задумчиво протянул Томми. — Это штучка. Не спорю, к ней надо присмотреться.

Таппенс перешла на деловой тон:

— А как будет с нами? Как мы будем сотрудничать?

— Нельзя, чтобы нас слишком часто видели вместе.

— Конечно. Если кто-нибудь заподозрит, что мы знакомы друг с другом не со вчерашнего дня, — все пропало. По-моему... Да, пожалуй, так будет лучше... Сделаем вид, что я за тобой охочусь.

— Охотишься за мной?

— Вот именно. Ты стараешься уклоняться от встреч, но это не всегда удается: ты — мужчина, и к тому же рыцарь по характеру. У меня уже было два мужа, теперь я подыскиваю третьего. Словом, ты вдовец, которого ловят. Иногда я где-нибудь настигаю тебя — в кафе, на прогулке, и всех это очень забавляет.

— На мой взгляд, приемлемо, — одобрил Томми.

— Мужчина, за которым гонятся, — извечный предмет насмешек. Это-то нам и на руку: завидя нас вместе, любой лишь улыбнется и скажет: «Нет, вы только поглядите на беднягу Медоуза!»

Неожиданно Томми схватил Таппенс за руку:

— Смотри! Вон там!

Впереди, у одной из купальных кабинок, стоял молодой человек с девушкой. Оба были поглощены разговором.

— Карл фон Дайним! — прошептала Таппенс. — Интересно, кто эта девушка?

— Кто бы она ни была, такую красавицу встретишь не часто.

Таппенс кивнула и неторопливо оглядела незнакомку. Смуглое темпераментное лицо, пуловер в обтяжку, подчеркивающий стройные формы. Говорит пылко, выразительно. Карл фон Дайним слушает.

— По-моему, тебе пора удалиться, — негромко бросила Таппенс.

Томми повернулся и зашагал в другую сторону. В конце эспланады он наткнулся на майора Блетчли. Тот подозрительно взглянул на Томми и буркнул:

— Доброе утро!

— Доброе утро!

— Я вижу, мы с вами ранние птички, — заметил Блетчли.

— Привычка — я ведь жил на Востоке. Правда, давно, но все-таки до сих пор встаю рано.

— И правильно делаете, — одобрил майор. — Ей-богу, на нынешнюю молодежь тошно смотреть! По утрам горячая ванна, завтрак в десять, а то и позже. Немудрено, что немцы колотят нас! Армия у нас уже не та, что раньше. Там их держат в вате, только что на ночь грелками не обкладывают. Тьфу! Смотреть тошно!

Блетчли углубился в воспоминания. Томми вежливо слушал, пока майор не закончил негодующей тирадой:

— И вы думаете, мой опыт кому-нибудь теперь нужен? Никому. Меня никуда не берут — слишком стар, черт побери! А я мог бы еще растолковать кое-кому из этих щенков, что такое война.

Томми счел за благо переменить тему.

— Что представляет собой эта... э-э... миссис Бленкенсоп, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь — именно Бленкенсоп. Недурна собой, только старовата и слишком много болтает. Славная женщина, но глупа. Больше ничего о ней не знаю: в «Сан-Суси» Она всего несколько дней. А почему она вас интересует?

— Я только что встретил ее, — пояснил Томми. — Вот и подумал: неужели она всегда встает так рано?

— Затрудняюсь ответить. Обычно женщины не любят гулять до завтрака, — сказал майор и добавил: — И слава богу!

— Аминь! — подхватил Томми. — Надеюсь, я был с нею не слишком груб. Терпеть не могу вести светские разговоры до завтрака. К тому же мне хотелось закончить прогулку.

— Согласен с вами, Медоуз, совершенно согласен. Женщины — хорошее дело, но только не до завтрака. Глядите в оба, старина, — хихикнул Блетчли, — миссис Бленкенсоп — вдова.

— Серьезно?

— Мы-то с вами знаем, что такое вдовушки! Она уже схоронила двух мужей и, по-моему, подыскивает третьего. Будьте начеку, да, начеку — вот мой совет.

С этими словами майор Блетчли бодро повернул обратно и в самом радужном настроении отправился в «Сан-Суси» завтракать.

Тем временем Таппенс неторопливо прошла мимо купальни, довольно близко от поглощенной разговором юной пары. До нее донеслось несколько слов. Говорила девушка.

— Будь осторожен, Карл. Малейшее подозрение...

Таппенс уже вышла за пределы слышимости. Многозначительная фраза?.. Безусловно. Однако истолковать ее можно и в самом невинном смысле. Таппенс повернула назад, снова прошла мимо молодых людей и расслышала обрывок еще одной фразы.

— Самодовольные, противные англичане...

Миссис Бленкенсоп удивленно приподняла брови. Эмигрант Карл фон Дайним, бежавший от нацистских преследований, нашел в Англии кров и убежище. Как он может слышать такое и не возразить? Неумно и нечестно!

Таппенс опять повернула, но на этот раз она не успела еще дойти до купальни, как парочка неожиданно рассталась: девушка перебежала через дорогу и стала удаляться от берега, а Карл фон Дайним направился навстречу Таппенс.

Не остановись она в замешательстве на какую-то долю секунды, немец, вероятно, не узнал бы ее. Теперь же он щелкнул каблуками и поклонился.

— Добрый день, мистер фон Дайним! — защебетала Таппенс. — Прекрасное утро, не правда ли?

— О да! Замечательная погода.

— Я не часто гуляю до завтрака, но сегодня не удержалась. Прошлась совсем немного, а такой аппетит разыгрался...

— Вы в «Сан-Суси»? Я провожу вас, если позволите.

И немец с чопорным видом зашагал рядом с миссис Бленкенсоп.

— Тоже решили нагулять аппетит? — осведомилась Таппенс.

Фон Дайним угрюмо покачал головой.

— Нет, я уже позавтракал. Я иду на работу.

— На работу?

— Да. Я — ученый, химик.

«Так вот кто ты такой!» — подумала Таппенс, украдкой глянув на спутника.

— Я приехал в вашу страну, спасаясь от нацистов, — глухим голосом продолжал молодой человек. — Денег у меня почти не было, знакомых — никаких. Англия приютила меня, и я стараюсь делать для нее, что могу.

Взор его был устремлен в пространство. Таппенс чутьем уловила, что ее спутником подспудно движет какое-то сильное чувство.

— Понимаю, понимаю, — уклончиво поддакнула она. — Это очень похвально.

— У меня два брата в концлагере, — сказал фон Дайним. — Отец погиб там же. Мать умерла от горя и страха.

«Он говорит так, словно заучил все это наизусть», — подумала Таппенс и снова украдкой взглянула на спутника. Фон Дайним все так же бесстрастно глядел в пространство. С минуту они шли молча. С ними поравнялись двое мужчин. Один из них смерил Карла взглядом, и Таппенс услышала, как он бросил другому:

— Пари держу: этот парень — немец.

Кровь бросилась фон Дайниму в лицо. На какую-то секунду он потерял самообладание.

— Слышите?.. Слышите, что они говорят? — взорвался он.

— Не говорите глупостей, милый мальчик! — повелительно оборвала его миссис Бленкенсоп, неожиданно для себя превращаясь в Таппенс. — Нельзя же хотеть слишком многого.

— Что вы имеете в виду? — недоумевая, уставился на нее Карл.

— Вы — эмигрант и должны стойко переносить невзгоды. Вы живы — это главное. Живы и на свободе. А неприятности неизбежны: наша страна ведет войну, вы же — немец. Можно ли требовать от первого встречного, чтобы он, грубо говоря, умел отличать хорошего немца от плохого немца?

Фон Дайним по-прежнему не сводил с Таппенс ярко-голубых глаз, в которых читалась подавленная горечь. Неожиданно он улыбнулся.

— Когда-то о краснокожих говорили: «Хороший индеец — мертвый индеец». А я, чтоб считаться хорошим немцем, должен не опаздывать на работу. Извините. Всего доброго!

Еще один чопорный поклон, и Карл удалился. Таппенс глядела ему вслед и думала: «Миссис Бленкенсоп, вы дали маху. Извольте быть повнимательней. А сейчас — в „Сан-Суси“».

Двери пансиона были распахнуты настежь. Из холла доносился голос миссис Перенны:

— И передашь ему, что я думаю насчет последней партии маргарина. Ветчину возьми у Куиллера — в последний раз она у него была на два пенса дешевле. Да получше выбирай капусту... — Заметив Таппенс, миссис Перенна прервала разговор. — Доброе утро, миссис Бленкенсоп! Я смотрю, вы ранняя птичка. Еще не завтракали? В столовой уже накрыто. — И, указав на свою собеседницу, хозяйка пансиона добавила: — Моя дочь Шейла. Вы еще ее не видели: она была в отъезде и вернулась только вчера вечером.

Таппенс с любопытством взглянула на девушку. Живое, красивое лицо, только сейчас оно не дышит трагической силой, а выражает скуку и досаду. «Моя дочь Шейла». Шейла Перенна.

Таппенс прощбетала какие-то любезности и проследовала в

столовую. Там уже завтракали трое: миссис Сирот, ее дочурка и необъятная миссис О'Рорк.

— Доброе утро, — поздоровалась Таппенс.

— Доброе утро и вам! — сердечно отозвалась миссис О'Рорк, начисто заглушив робкое приветствие миссис Спрот, после чего с нескрываемым интересом уставилась на Таппенс. — Хорошее дело — прогулка перед завтраком. Всегда нагуливаешь волчий аппетит! — заметила она.

— Это очень вкусный хлеб с молочком, моя маленькая, — уверяла свое чадо миссис Спрот, пытаясь сунуть ложку в ротик мисс Бетти.

Однако наследница Спротов, ловко парировав эту попытку поворотом головы, по-прежнему не сводила с Таппенс больших круглых глаз. Она указала на новоприбывшую пальцем, ослепительно улыбнулась ей и булькающим голосом объявила:

— Га... Га... Бу...

— Вы ей нравитесь! — вскричала миссис Спрот, взирая на Таппенс с таким восхищением, словно судьба особо взыскала миссис Бленкенсоп своими щедротами. — Обычно она дичится чужих.

— У этих ангелочков собственный язык, — прогудела миссис О'Рорк. — Бетти, милочка, скажи «мама».

Бетти решительно взглянула на миссис О'Рорк, насупилась и авторитетно изрекла:

— Бяка!

— Нет, вы только посмотрите, как она старается! Какая славная девочка!

Миссис О'Рорк торжественно поднялась, одарила Бетти свирепой улыбкой и, грузно переваливаясь, удалилась из комнаты.

Склонив головку набок и поглядывая на Таппенс, Бетти опять что-то проворковала.

— Она так и тянется к вам, миссис Бленкенсоп, — чуточку ревниво удивилась миссис Спрот.

Отворилась дверь, и вошел майор Блетчли в сопровождении Томми.

Таппенс немедленно приняла кокетливый вид.

— А, мистер Медоуз! Видите, я вас все-таки обогнала. Но вам еще найдется, чем позавтракать, — вскричала она и грациозным жестом указала ему на место рядом с собой.

— О!.. Гм... Благодарю, — невнятно пробурчал Томми, располагаясь на другом конце стола.

— Бу! — заявила Бетти Спрот, и молоко брызнуло в физиономию майора Блетчли, немедленно засиявшую телячьим восторгом.

— Ну, как сегодня чувствует себя мисс Ку-ку? — осведомился он и, закрывшись газетой, повторил: — Ку-ку!

Бетти радостно закудаhtала. Сомнения все сильнее одолевали Таппенс, «Здесь какая-то ошибка, — думала она. — Тут нет шпионов. Тут их просто не может быть».

Глава третья

Мисс Минтон сидела на веранде и вязала. Это была худая угловатая особа с жилистой шеей. Она носила светло-голубые джемпера, бусы или цепочки на шее и твидовые юбки, неизменно и удручающе обвисавшие сзади.

— Доброе утро, миссис Бленкенсоп, — радушно поздоровалась она с Таппенс. — Хорошо спалось?

Миссис Бленкенсоп не скрыла, что первые две-три ночи ей всегда плохо спится на чужой постели. Мисс Минтон нашла, что это удивительное совпадение — с нею происходит то же самое. Миссис Бленкенсоп подтвердила, что совпадение действительно удивительное, и добавила:

— Что за прелестная вязка!

Мисс Минтон продемонстрировала свою работу. Да, вязка довольно оригинальная и к тому же очень простая. Если миссис Бленкенсоп угодно, она ее в два счета обучит. О, мисс Минтон так любезна, только она, миссис Бленкенсоп, ужасно непонятливая. Вязать по рисунку она совсем не умеет, справляется только с самыми простыми вещами, вроде подшлемников. Но даже здесь она ухитрилась что-то напутать. Да вот, взгляните...

Мисс Минтон устремила многоопытный взор на вязанье цвета хаки и тут же вежливо объяснила, в чем ошибка. Таппенс рассыпалась в благодарностях. Мисс Минтон приняла благодушно-покровительственный вид. О, не за что, не за что — она так давно занимается вязанием.

— А я вот начала только во время этой ужасной войны, — призналась Таппенс. — Теперь так остро осознаешь, что ты просто обязан что-то сделать для победы.

— Еще бы!.. Кстати, вчера вы, по-моему, сказали, что у вас сын на флоте?

— Да, мой старший. Замечательный мальчик, хотя матери и не к лицу говорить такие вещи. Второй мой сын в авиации, а Сирил, самый младший, в пехоте.

— Боже мой! Как вы, наверно, за них переживаете!

«Дерек, родной мой! — подумала Таппенс. — Ты — там, в аду, в этой мясорубке, а я тут прикидываюсь дурой — изображаю чувства, которые и без того испытываю». И самым наставительным тоном сказала вслух:

— Быть мужественными — наш долг. Будем надеяться, что все это скоро кончится. На днях я слышала от одного очень авторитетного лица,

что немцам не продержаться больше двух месяцев. В Германии страшная нехватка сырья. Еще немного, и нацистам конец.

На веранде появилась чета Кейли. Мистер Кейли опустился в кресло, и супруга укрыла ему колени пледом.

— Что вы сказали? — раздраженно спросил он.

— Мы говорим, что до осени война обязательно кончится, — ответила мисс Минтон.

— Чепуха! — отрезал мистер Кейли. — Эта война затянется самое малое лет на шесть.

— Что вы, мистер Кейли! — запротестовала Таппенс. — Неужели вы всерьез так думаете?

Мистер Кейли подозрительно завертел головой.

— По-моему, здесь дует. Не лучше ли передвинуть кресло в угол?

Названная операция была немедленно произведена с помощью миссис Кейли, женщины с вечно озабоченным лицом, все помыслы которой, казалось, были устремлены к одной цели — предупреждать желания мистера Кейли. Она захлопотала вокруг супруга, манипулируя подушками и пледом и непрерывно осведомляясь:

— Ну, как теперь, Альфред? Тебе удобно? Не хочешь ли надеть темные очки — сегодня очень яркое солнце?

— Нет, не хочу, — сердито буркнул Кейли. — Ну что ты так суетишься, Элизабет? Мое кашне у тебя? Да не это — шелковое. Ладно, на худой конец сойдет и это. Впрочем, нет, принеси другое. Я боюсь перегреть горло — па таком солнце нельзя сидеть в шерстяном шарфе.

И мистер Кейли вновь обратился к политическим проблемам.

— Да, милые дамы, я кладу на войну шесть лет, — повторил он, с удовольствием внимая протестам собеседниц. — Не обольщайтесь, не принимайте желаемое за действительное. Я знаю Германию. И, смею утверждать, знаю хорошо. До того как уйти на покой, я часто наезжал туда по делам. Мне знаком там каждый город — Берлин, Гамбург, Мюнхен. Уверяю вас, Германия может держаться как угодно долго. Если даже...

Мистер Кейли победоносно продолжал развивать свои взгляды. Голос его то креп, то меланхолически понижался, и паузу он сделал только раз — когда миссис Кейли принесла шелковое кашне и укутала им шею супруга. Миссис Спрот привела Бетти и усадила ее, сунув ей в руки плюшевую собачонку с оторванным ухом и кукольную кофточку.

— Посиди здесь, Бетти, и одень Бонзо — он пойдет гулять. А мама пока тоже оденется.

Голос мистера Кейли все гудел: он приводил новые и новые цифры и

статистические данные самого безотрадного свойства. Монологу его вторил веселый щебет Бетти, объяснявшейся с Бонзо на своем собственном языке. Неподалеку от нее, на перила террасы, села птичка. Бетти обвела общество взглядом и, удовлетворенно кивнув головкой, отчетливо произнесла:

— Тичка!

Затем она сунула лапу Бонзо в рукав кофточки, проковыляла к соседнему креслу, подняла подушку, спрятала под ней собачку и, захлебываясь от восторга, объявила:

— Плятай!.. Бу-бу... Плятай!

Мисс Минтон, взяв на себя обязанности переводчика, с гордостью пояснила:

— Это самая любимая ее игра. Она всегда все прячет, — и, притворяясь удивленной, воскликнула: — Где Бонзо? Где Бонзо? Куда он спрятался?

Бетти, заливаясь счастливым смехом, шлепнулась на пол.

Мистер Кейли, комментировавший проблему заменителей сырья и немецкие методы ее решения, заметил, что внимание слушателей отвлеклось, и демонстративно закашлялся. Вошла миссис Спрот, уже в шляпке, подняла Бетти с полу и удалилась вместе с ней. Мистер Кейли вновь оказался в центре внимания.

— Вы говорили, мистер Кейли... — отважилась Таппенс.

Но мистер Кейли уже обиделся.

— Эта женщина вечно оставляет ребенка одного — надеется, что за ним присмотрят другие, — холодно заметил он. — По-моему, мне все-таки стоит надеть шерстяной шарф, дорогая. Солнце уходит.

— Ах, мистер Кейли, пожалуйста, продолжайте. Это так интересно! — взмолилась мисс Минтон.

Мистер Кейли смягчился и, поплотнее укутав жилистую шею шерстяным шарфом, внушительно начал:

— Как я уже сказал, Германия так широко развила систему...

Таппенс повернулась к миссис Кейли и спросила:

— А вы что думаете о войне, миссис Кейли?

Миссис Кейли подскочила на стуле.

— Что я думаю?.. Что... Что вы имеете в виду?

— Вы тоже считаете, что война продлится шесть лет?

— Надеюсь, нет, — нерешительно выдавила миссис Кейли. — Слишком уж это долго. Впрочем, не знаю. Раз Алфред говорит...

Таппенс с трудом подавила в себе раздражение. Неужели все ее

соотечественники похожи на болтливую мисс Минтон, мелкого тирана Кейли и его безмозглую жену? А чем лучше их миссис Спрот с ее равнодушным лицом и водянистыми глазами? Что она, Таппенс, может здесь обнаружить? Разумеется, ни один из них...

Мысль ее внезапно прервалась. Она почувствовала, что кто-то встал позади нее, преграждая путь лучам солнца.

Таппенс повернула голову. На террасе, глядя на собравшихся, стояла миссис Перенна. В глазах у нее что-то поблескивало. Презрение? Да, уничтожающее презрение.

«Займусь-ка я, пожалуй, нашей хозяйкой», — решила Таппенс.

С майором Блетчли у Томми установились самые дружественные отношения.

— А клюшки для гольфа вы с собой привезли, Медоуз?

Томми сознался, что привез.

— Так я и думал. У меня на людей глаз верный... Превосходно. Мы с вами обязательно сразимся. На здешнем поле уже играли?

Томми ответил отрицательно.

— Неплохое, совсем неплохое. Разве что чуть маловато. Зато отличный вид на море, и почти всегда мало народу. Послушайте, а почему бы нам не заглянуть туда прямо сейчас? Заодно и сыграем.

— Благодарю. Я — с удовольствием.

— Честно скажу, я рад, что вы приехали, — заявил Блетчли, когда они взбирались на холм. — Здесь слишком много женщин. Это действует на нервы. Приятно, что у нас теперь еще один мужчина — так будет полегче. Кейли, сами понимаете, не в счет — это не человек, а ходячая аптека. Конечно, есть еще фон Дайним, но, скажу вам правду, Медоуз: я ему не доверяю.

— В самом деле? — удивился Томми.

— Да. Верьте моему слову, вся эта возня с эмигрантами не доведет до добра. Будь моя воля, я бы их всех интернировал.

— Не слишком ли вы суровы?

— Нисколько. На войне, как на войне. А насчет мистера Карла у меня свои соображения. Во-первых, он не еврей — это сразу видно. Во-вторых, приехал сюда ровно за месяц — заметьте, всего за месяц до начала войны. Это уже само по себе подозрительно.

— Значит, вы полагаете... — вызывая майора на откровенность, вставил Томми.

— Шпионаж! Вот чем он занимается.

— Но в здешних краях нет никаких важных военных объектов.

— В этом-то весь фокус, старина. Поселись он в окрестностях Плимута или Портсмута, его сразу бы взяли под наблюдение. А в нашей дыре его никто не заметит. Тем не менее здесь тоже побережье, верно? Нет, пет, не спорьте! Правительство слишком доверчиво. Вы приезжаете в Англию, корчите грустную мину, рассказываете, что братья у вас в концлагере, и с вами сразу начинают нянчиться. Да вы посмотрите на нашего немца — это же воплощенное высокомерие. Он — нацист, вот он кто!

На этом разговор прервался, так как собеседники добрались до клуба. В гольф Томми играл неважно, но — как он вскоре с радостью убедился — именно такой партнер и требовался его новоявленному приятелю. Майор выигрывал, и это было очень удобно.

— Недурно поиграли, Медоуз, ей-богу, недурно! Надеюсь, будем заглядывать сюда почаще. А вот и Хейдок! Он вам понравится. У него дом на холме, рядом с нами. Отставной моряк. Сейчас возглавляет местную гражданскую оборону.

Капитан 3-го ранга Хейдок оказался крупным жизнерадостным мужчиной, с обветренным лицом, ярко-синими глазами и привычкой не говорить, а кричать. Знакомству с Томми он обрадовался.

— Теперь Блетчли не будет так одиноко в «Сан-Суси». Еще один мужчина — настоящее спасение для него. Там же у вас отбою нет от дам, верно, Блетчли?

— Не знаю. Я не дамский угодник, — отозвался майор.

— Вздор! — загремел Хейдок. — Просто там женщины не в вашем вкусе, вот и все. Пансионные старые девы. Бездельницы, у которых одна забота — сплетничать и вязать.

— Не забывайте; есть еще мисс Перенна, — сказал Блетчли.

— Верно! Шейла — привлекательная девушка, ничего не скажешь. На мой взгляд, даже красавица.

— Я немножко беспокоюсь за нее, — признался Блетчли.

— А в чем дело? Что будете пить, Медоуз? Вы, майор?

Когда выпивка была заказана и все трое уселись на веранде клуба, Хейдок повторил свой вопрос насчет Шейлы.

— Да все этот немец! — раздраженно ответил Блетчли. — Она слишком часто проводит с ним время.

— Думаете, влюбилась в него? Гм... Это скверно. Конечно, он в своем роде красивый парень. Но все равно так не годится. Это же все равно, что связь с врагом. И где только голова у этих девчонок? Разве кругом мало англичан? — Хейдок взглянул на часы: — Скоро последние известия.

Пойдемте-ка лучше послушаем.

Сводка в этот день была скупая. Капитан Хейдок одобрительно прокомментировал последние успехи воздушных сил — первоклассные ребята, дерутся, как львы, — и принялся излагать свою излюбленную гипотезу насчет высадки немцев. Рано или поздно они выбросят десант, причем именно здесь, в Лихемптоне, где их не ожидают — слишком уж место захолустное.

— На весь городок ни одной зенитки! Позор!

Дискуссия, однако, не развернулась — майор и Томми заторопились в «Сан-Суси» ко второму завтраку. На прощанье Хейдок с самым сердечным видом предложил мистеру Медоузу заглянуть к нему. Его вилла называется «Приют контрабандистов».

— Вид чудесный, собственный пляж, в доме все удобства. Притащите его ко мне, Блетчли.

Было решено, что завтра Блетчли и Томми зайдут к Хейдоку. Посидят, выпьют.

После второго завтрака в «Сан-Суси» воцарился покой. Мистер Кейли в сопровождении преданной супруги отбыл «отдохнуть». Мисс Минтон повела миссис Бленкенсоп «в посылочный центр» — паковать и надписывать подарки для фронта. Мистер Медоуз незаметно ускользнул в Лихемптон. Прошелся по эспланаде, заглянул в киоск и взял последний номер «Панча», а затем, нерешительно потоптавшись на месте, сел в автобус с табличкой «Старая пристань». Приехав на конечную станцию, Томми вылез и прошелся по пристани. На ней не было ни души, если не считать кучки ребятишек, которые носились взад и вперед, подражая оглушительному крику чаек, да одинокого рыболова, восседавшего на самом краю пирса.

Мистер Медоуз поравнялся с ним и остановился, глядя в воду. Потом любезно осведомился:

— Что-нибудь поймали?

— Почти не клюет, — покачал головой мистер Грант и немного вытравил леску. Затем, не оборачиваясь, спросил:

— Что у вас, Медоуз?

— Пока ничего интересного. Окапываюсь, — ответил Томми.

— Хорошо. Рассказывайте.

Томми присел на ближайшую тумбу, откуда ему была видна вся пристань, и начал:

— Думаю, что пришелся ко двору. Список постояльцев у вас, наверно, уже есть.

Грант кивнул.

— Подружился с майором Блетчли. Сегодня утром играл с ним в гольф. Типичный офицер в отставке. Пожалуй, чуточку слишком типичный. Кейли, по-моему, настоящий инвалид, ипохондрик. Но, конечно, такую роль нетрудно и сыграть. Он сам рассказывал, что в последние годы не раз бывал в Германии.

— Существенно, — лаконично заметил мистер Грант.

— Затем фон Дайним.

— Надеюсь, Медоуз, вам не нужно объяснять, что Карл фон Дайним особенно интересует меня?

— Вы полагаете, он и есть Н.?

Грант покачал головой.

— Нет, мне кажется, Н. не может себе позволить быть немцем.

— Даже эмигрантом и жертвой нацизма?

— Даже им. Мы держим под наблюдением — и немцам это известно — всех подданных вражеского государства, проживающих у нас в стране. Более того — сообщаю это пока строго конфиденциально, — в самое ближайшее время все германские граждане от шестнадцати до шестидесяти лет будут интернированы. Осведомлен об этом противник или нет — не знаю, но во всяком случае такую возможность он предвидит. Поэтому Н. должен быть либо нейтралом, либо, что вероятнее, англичанином. То же, конечно, относится и к М. О Карле же фон Дайнине я думаю в другой связи: он может оказаться звеном в цепи. Н. и М. вовсе не обязательно находиться в «Сан-Суси», раз там фон Дайним. Поэтому вполне вероятно, что на след нас выведет именно он. Тем более что прочие обитатели «Сан-Суси» очень мало похожи на лицо, которое мы ищем.

— Надеюсь, сэр, вы их более или менее прощупали?

— Нет, — не без раздражения вздохнув, бросил Грант. — Именно этого я и не могу себе позволить. Конечно, стоит мне сказать слово, и наши наведут нужные справки, но я не смог идти на такой риск, Бирсфорд: я уже говорил вам, что зараза проникла и в Секретную службу. Прояви я хоть малейший интерес к «Сан-Суси», люди из пятой колонны мгновенно сообразят что к чему. Поэтому в игру вступаете вы, человек со стороны. Поэтому вам придется работать вслепую, без нашей помощи. Вы — наш единственный шанс, и я не вправе рисковать, чтобы не вспугнуть врага. Проверить я смог только одного человека.

— Кого, сэр?

— Самого Карла фон Дайнима. Это несложно — тут нам помогает заведенный порядок: Дайним проверяется не в связи с «Сан-Суси», а

просто как подданный враждебной державы.

— И что же дала проверка? — любопытствовал Томми.

Его собеседник неопределенно улыбнулся.

— Мистер Карл — именно тот, за кого выдает себя. Отец его был арестован и умер в концлагере. Старшие братья сидят и поныне. Мать год тому назад умерла с горя. Сам он бежал в Англию за месяц до войны и открыто заявил о своем желании сотрудничать с нами.

— Значит, с ним все в порядке? — спросил Томми.

— Не обязательно. Немцы славятся своей дотошностью. Если они послали к нам фон Дайнима в качестве шпиона, значит, ими сделано все для того, чтобы его рассказы о себе совпали с нашими сведениями о его прошлом. Тут возможны два варианта: либо в осуществлении плана участвует вся семья Дайнимов, что вполне вероятно — при нацистском режиме на людей всегда можно нажать; либо в «Сан-Суси» живет не Карл фон Дайним, а тот, кто играет роль Карла фон Дайнима.

— Понятно, — процедил Томми и тут же непоследовательно добавил: — Он показался мне очень славным парнем.

— Разведчики обычно такими и бывают, — вздохнул Грант. — Любопытная у нас служба. Мы уважаем противника, противник — нас, хотя и мы, и он делаем все, чтобы уничтожить друг друга.

Наступило молчание. Томми задумался над странностями войны. Его размышления прервал голос Гранта:

— Но есть враг, которого нельзя уважать. Это предатели в наших собственных рядах. Люди, готовые продать свою родину, готовые принять посты и чины из рук победившего противника.

— Неужели такие свиньи действительно находятся? — усомнился Томми.

— Да, и притом всюду. У нас, в Секретной службе, — об этом я уже говорил. В армии. На скамьях парламента. В министерствах. Мы должны выловить эту нечисть — и как можно скорее. Начинать надо не снизу — не с мелкой сошки, не с паршивцев, которые ораторствуют в парках и продают пораженческие газетенки: они все равно не знают тех, на кого работают. Мы охотимся за тузами, за теми, кто способен причинить стране непоправимый вред. И они причинят его, если мы не успеем их обезвредить.

— Успеет, сэр, — успокоил собеседника Томми.

— Почему вы так уверены?

— Вы же сами сказали — мы должны успеть. Человек с удочкой обернулся и пристально посмотрел на своего подчиненного, заново оценив

энергичную линию его подбородка. Довольный результатами, он, не повышая голоса, бросил:

— Молодец! — Затем опять вернулся к делу: — Что вы скажете о здешних женщинах? Ничего подозрительного не заметили?

— Нет. Только вот сама хозяйка мне что-то не нравится.

— Навести о ней справки я, конечно, могу, — задумчиво произнес Грант, — но, как я уже сказал, это рискованно.

— Вы правы, рисковать не стоит. Она — единственная, кто вызывает у меня подозрения. Остальные: молодая мать, суетливая старая дева, безмозглая супруга ипохондрика Кейли и старая великанша-ирландка внешне кажутся вполне безобидными.

— Это все?

— Нет. В пансионе живет еще миссис Бленкенсоп. Прибыла три дня назад.

— Ну?

— Это моя жена.

— Что?

От изумления мистер Грант даже повысил голос. Он круто повернулся, глаза его гневно сверкнули.

— Я как будто предупреждал вас, Бирсфорд, что вам запрещается посвящать в это дело жену.

— Так точно, сэр. Сейчас я все расскажу.

И Томми в нескольких словах поведал обо всем, что произошло. Он не смел поднять на шефа глаза и всячески старался, чтобы в голосе его не прозвучала тайная гордость за Таппенс. Последовала минута молчания, затем раздались странные звуки. Грант захохотал.

— Снимаю шляпу перед этой женщиной, — выдавил он наконец. — Такие попадают одна на тысячу.

— Согласен, — поддержал Томми.

— Ну и посмеется же надо мной Истхемптон, когда я ему расскажу! Он ведь предупреждал меня — не пытайтесь ее отстранить, она все равно вас проведет. Я не послушался, и вот, пожалуйста... Впрочем, это нам урок: надо всегда быть начеку. Я заранее удостоверился, что в квартире только вы и ваша жена. Я действительно слышал в трубке женский голос, умолявший вашу жену немедленно приехать. И все-таки меня надули с помощью старого как мир приема — стука захлопнувшейся двери. Да, ваша жена — умная женщина. — Грант помолчал и добавил: — Передайте миссис Бирсфорд, что я приношу ей свои извинения. Думаю, что никто, даже вы сами, не уговорит вашу жену держаться подальше от опасности.

— Не знаю, стал ли бы я это делать, — задумчиво отозвался Томми. — Понимаете, у нас с Таппенс не такие отношения. Мы всегда за все беремся вместе.

Глава четвертая

Когда перед самым обедом Таппенс вошла в гостиную, там находилась только одна обитательница «Сан-Суси» — миссис О'Рорк, восседавшая у окна наподобие гигантского Будды.

Встретила она Таппенс с отменной сердечностью.

— А, вот и вы, миссис Бленкенсоп! Присядьте и расскажите, как провели день. Вам нравится Лихемптон?

Таппенс все время казалось, что в миссис О'Рорк есть нечто колдовское: ирландка чем-то напоминала ей великаншу людоедку из детских сказок. Поэтому не без робости она ответила, что Лихемптон ей, несомненно, понравится и что ей будет здесь хорошо.

— Настолько, конечно, — грустно добавила миссис Бленкенсоп, — насколько это возможно для женщины, которая постоянно в тревоге.

— Полно! Не надо так расстраиваться, — утешила ее миссис О'Рорк. — Не сомневайтесь, ваши милые мальчики вернутся к вам целыми и невредимыми. Вы говорили, один из них служит в авиации?

— Да, Раймонд.

— И где же он сейчас? Во Франции? В Англии?

— Пока в Египте, но, судя по тому, что он написал мне в последнем письме... Конечно, он ничего прямо не говорит, но у нас с ним свой личный шифр: определенные фразы означают определенные вещи. По моему, я имею на это право.

— Разумеется, — не задумываясь, отрезала миссис О'Рорк, — это право матери.

— Понимаете, мне просто необходимо знать, где он.

Миссис О'Рорк наклонила свою буддоподобную голову.

— Полностью разделяю ваши чувства. На вашем месте я тоже обманывала бы цензуру, да, да, обманывала бы. А как ваш второй сын — тот, что на флоте?

Таппенс разразилась целой сагой о Дугласе.

— Я чувствую себя такой одинокой вдали от моих мальчиков: ведь раньше кто-нибудь из них всегда оставался со мной. Вот я и подумала — не уехать ли мне из Лондона в какое-нибудь тихое место, где хорошее обслуживание, — заключила она наконец и умолкла.

— И правильно сделали. В Лондоне жить сейчас невозможно — он такой мрачный! Кстати, я сама старая лондонка. У меня была антикварная

лавка. Может, вы даже знаете ее? На Корнэби-стрит, в Челси? На вывеске написано «Кэт Келли». Красивые у меня бывали вещи! Прелесть! Канделябры, люстры, чаши для пунша и тому подобное. И, кроме того, мебель. Прелестные вещи, и клиентура хорошая. А потом война, и все кончилось. Счастье еще, что отделалась я сравнительно небольшими убытками.

У Таппенс мелькнуло смутное воспоминание: магазинчик, набитый стеклом так, что не повернуться; низкий настойчивый голос; крупная властная женщина. Да, да, она бывала в заведении миссис О'Рорк.

— Я не из тех, кто вечно ноет, — продолжала женщина. — А таких в нашем пансионе хватает. Возьмите хоть мистера Кейли с его кашне и пледами. Вечно он плачется, что дело его пошло прахом. Но ведь это неизбежно — на то и война!.. Или маленькую миссис Спрот, которая только и знает, что хнычет о своем муженьке.

— Он на фронте?

— Как бы не так! Служит клерком в страховой конторе, получает гроши и так боится бомбежек, что с самого начала войны отправил жену сюда. Не поймите меня превратно. Я считаю, что он поступил правильно, раз у них ребенок, да еще такой милый, как Бетти. Просто миссис Спрот слишком уж беспокоится о своем супруге, хотя он навещает ее, когда Может. Она уши всем прожужжала о своем Артуре. Ему, видите ли, так не хватает ее! А по-моему, он вовсе без нее не скучает — ему наверняка есть чем заняться.

— Мне так жаль матерей! — вздохнула Таппенс. — Расстаешься с детьми — живешь в вечной тревоге; уезжаешь вместе с ними — мужу одному трудно.

— Вот именно! Кстати, и жить на два дома дороговато.

— В нашем пансионе, по счастью, цены умеренные.

— О, да. Свои деньги здесь оправдываешь. Миссис Перенна хорошая хозяйка. Только странная она какая-то.

— В каком смысле? — любопытствовала Таппенс.

— Вы, наверно, думаете, что я ужасная сплетница, — подмигнув ей, сказала миссис О'Рорк. — И то верно. Меня интересуют люди, поэтому я и стараюсь почаще сидеть в этом кресле; отсюда видно, кто входит, кто выходит, кто находится на веранде, что творится в саду... О чем это мы говорили? Ах да, о миссис Перенне и ее странностях. Быть может, я ошибаюсь, но, по-моему, у этой женщины была в жизни большая драма.

— Выдумаете?

— Убеждена. Зачем бы ей иначе напускать на себя таинственность?

«Вы из каких мест Ирландии?» — спросила я ее однажды. Так она, представляете себе, еще уперлась — мол, вовсе она не из Ирландии.

— Вы полагаете, она ирландка?

— А кто же еще? Уж я-то своих соотечественниц знаю. Могу даже сказать, из какого она графства. Так ведь нет! Заладила одно: «Я — англичанка, а муж мой был испанец»...

Миссис О'Рорк неожиданно умолкла. В комнату вошли миссис Спрот и, следом за ней, Томми. Таппенс немедленно оживилась.

— Добрый вечер, мистер Медоуз. Вы удивительно посвежели за сегодняшний день.

— Воздух и спорт — вот и весь секрет, — отозвался Томми. — Утром гольф, днем прогулка по берегу.

— А мы с дочкой утром тоже ходили на пляж, — сообщила миссис Спрот. — Бетти хотелось поплескаться в воде, но мне показалось, что на улице слишком холодно. Тогда я стала строить с ней домики из песка, а какая-то собачонка утатила мое вязанье и половину распустила. Теперь придется поднимать петли, а это так трудно и так скучно. Вязальщица ведь я никудышная.

— Как быстро, однако, подвигается ваш подшлемник, миссис Бленкенсоп! — заметила миссис О'Рорк, внезапно перенося все внимание на Таппенс. — Спицы так и мелькают у вас в руках. А ведь мисс Минтон как будто говорила, что вяжете вы не очень-то.

— На своем веку я вязала более чем достаточно, — отпарировала Таппенс с чуточку обиженным видом. — Я так и сказала мисс Минтон, но она, по-моему, очень любит всех учить.

Присутствующие сочувственно рассмеялись. Еще через несколько минут явились остальные постояльцы, и прозвучал гонг. За столом разговор перешел на более увлекательный предмет — шпионаж. Собеседники делились друг с другом классическими и давным-давно известными историями о разведчиках — о монахине, которую выдали слишком развитые бицепсы; о парашютисте-священнике, который, приземляясь, употребил в момент толчка отнюдь не благочестивое выражение; о кухарке-австриячке, прятавшей радиопередатчик в каминной трубе. Словом, шла застольная беседа, какую можно было услышать повсюду. Тем не менее, Таппенс зорко приглядывалась к лицам и поведению соседей в надежде, что кто-нибудь из них выдаст себя словом или взглядом. Однако надежды ее не оправдались.

Молчала только Шейла Перенна, но это можно было приписать ее замкнутости. За весь обед она не проронила ни слова и, едва покончив со

вторым, ушла.

После десерта общество поднялось и проследовало в гостиную, куда подали кофе. Один лишь Томми незаметно выскользнул на террасу. Там он увидел Шейлу Перенну. Девушка стояла, перегнувшись через перила, и глядела на море. Томми подошел и стал рядом. Ее частое неровное дыхание подсказало Бирсфорду, что она чем-то сильно расстроена. Он предложил ей сигарету. Шейла взяла.

— Хорошая ночь! — заметил Томми.

— Могла бы быть хорошей, — негромко, но выразительно поправила Шейла.

— Если б не война?.. Вы это имеете в виду?

— Нет. Я ненавижу войну.

— Все мы ее ненавидим.

— Да, но по-другому. А я ненавижу разговоры о ней, ненавижу этот вечный лицемерный припев — патриотический долг, патриотический долг!

— Патриотический долг? — растерялся Томми.

— Да, я ненавижу патриотизм, понятно? Мне тошно от всех этих воплей — отечество, измена родине, смерть за родину, служение родине! Какое дело человеку до страны, где он живет?

— Не знаю, какое, но есть, — просто ответил Томми.

— А вот мне — никакого. Но вы-то, конечно, из тех, кто верит в этот дурацкий фетиш и готов отдать за него жизнь.

— Настанет день, когда вы с удивлением убедитесь, как много он значит и для вас.

— Никогда! Я так настрадалась, что... — Шейла замолчала, затем резко обернулась и спросила: — Знаете, кто был мой отец?

— Нет, — с возрастающим интересом ответил Томми.

— Его звали Патрик Магуайр. Он участвовал в ирландском освободительном движении и был расстрелян как сподвижник Кейсмента. Чего ради он погиб? Для ирландцев он мученик, для англичан — изменник, а для меня — просто глупец.

— Так вот чья тень лежит на вашей жизни!

— Вы правильно сказали — именно тень. Мать переменила фамилию. Несколько лет мы прожили в Испании — мать всем говорит, что отец был наполовину испанец. Куда мы ни попадали, нам всюду приходилось лгать. Мы объехали весь континент. Наконец перебрались сюда, в Лихемптон, и открыли пансион.

— А как на все это смотрит ваша мать? — спросил Томми.

— Вы имеете в виду смерть отца? — Шейла в недоумении замолчала и

нахмурилась. — Сама не знаю: мать об этом никогда не говорит. Угадать, что у нее на уме или на сердце, очень трудно. Не понимаю, почему я разоткровенничалась с вами, — оборвала разговор Шейла. — Просто не совладала с собой.

Девушка круто повернулась и вошла в дом.

— Как видишь, Таппенс, все сходится.

Таппенс в раздумье кивнула. Вокруг не было ни души. Впрочем, если их кто-нибудь и видит — не беда. Он совершенно случайно столкнулся с нею, гуляя по берегу.

— Значит, миссис Перенна и есть М.? — спросила Таппенс.

— Да. Подходит по всем статьям.

Таппенс опять задумчиво кивнула.

— Ты прав. Она — как догадалась миссис О'Рорк — ирландка, но скрывает это. Изъездила всю Европу, потом сменила фамилию и открыла здесь пансион. Отличное прикрытие! Муж ее расстрелян англичанами как изменник. Словом, все основания для того, чтобы возглавить пятую колонну в нашей стране. Да, все сходится. Как по-твоему, девушка тоже замешана?

— Ни в коем случае, — помолчав, ответил Томми. — Иначе она бы мне ничего не рассказала. Знаешь, мне даже как-то не по себе.

— Понимаю, — сочувственно кивнула Таппенс.

— Я ведь, как и ты, не люблю врать... — Томми слегка покраснел.

— Вот уж что меня нисколько не угнетает, так это вранье, — перебила Таппенс. — По правде говоря, оно даже доставляет мне удовольствие. Гораздо тяжелее другое в те минуты, когда перестаешь врать, становишься самой собой и добиваешься того, чего иным путем ни за что не добиться. Вот как вчера у тебя с Шейлой. Потому у тебя и скверно на душе.

— Пожалуй, ты права.

— Конечно, права. Мне все это знакомо — то же самое получилось у меня с нашим немцем.

— А что ты о нем думаешь? — спросил Томми.

— По-моему, он тут ни при чем.

— Грант другого мнения.

— Ох, уж этот твой мистер Грант! — усмехнулась Таппенс. — Хотела бы я посмотреть на него, когда ты докладывал обо мне!

— Полно! Он признал свою вину, ты получила официальное задание. Чего тебе еще надо?

— Верно, — улыbnулась Таппенс. — Мы получили задание. И мы его выполним... Значит, ты считаешь, что миссис Перенна и есть то лицо,

которое мы ищем?

— Во всяком случае, это очень вероятно. Разве кто-нибудь другой вызывает у тебя подозрение?

Таппенс задумалась.

— Пожалуй, нет. Кое-кого заподозрить вообще немислимо.

— Кого именно?

— Ну, например, мисс Минтон — она типичная английская старая дева. Потом миссис Сирот и придурковатую миссис Кейли.

— Придурковатой можно прикинуться.

— Безусловно, но суетливая старая дева и молодая мамаша — такие роли, в которых нетрудно переиграть, а обе женщины ведут себя совершенно естественно. Что же касается миссис Спрот, то тут еще и ребенок...

— По-моему, даже у разведчицы может быть ребенок, — возразил Томми.

— Но не при себе, — ответила Таппенс. — Поверь, в такие дела детей не впутывают. Уж я-то знаю.

— Снимаю возражения насчет мисс Минтон и миссис Спрот, — заявил Томми. — Но вот в миссис Кейли я далеко не так уверен.

— И, пожалуй, ты прав: она действительно переигрывает — слишком уж идиотский у нее вид.

— Кейли... — задумчиво произнес Томми. — Кейли тоже вызывает известные сомнения.

— Согласна. Миссис О'Рорк?

— Что ты думаешь на этот счет?

— Затрудняюсь сказать. Кое-что в ней меня настораживает — она слишком много видит.

Таппенс вспомнила, что сказала ей толстая ирландка по поводу вязанья.

— Наконец, остается Блетчли.

— С ним я почти не разговаривала. Это уж по твоей части.

— По-моему, типичный колониальный служака в отставке.

— То-то и оно что типичный. Вся беда в том, что перед нами самые обыкновенные люди, а мы ищем в них отклонение от нормы.

— Я немножко поэкспериментировал над Блетчли, — сказал Томми.

— Каким образом?

— Очень просто — несколько совсем обычных вопросов насчет дат, мест и прочего. Скажем, он упоминает Файюм: хорошо поохотился там в таком-то году, в таком-то месяце. В другой раз, в совершенно другой связи,

я опять навожу разговор на Египет: мумии, гробница Тутанхамона, словом, что-нибудь в этом роде. Видел он эти штуки? Давно? Разумеется, спрашиваю к слову, так, чтобы не насторожить. Он отвечает, а я сопоставляю ответы.

— И он ни разу не запутался?

— Ни разу, хотя это испытание не из легких.

— Словом, Блетчли пока не попался.

— Нет. Его ответы вполне естественны.

— Итак, результаты отрицательные?

— Вот именно.

— А теперь, — объявила Таппенс, — я поделюсь с тобой своими соображениями...

По дороге в «Сан-Суси» миссис Бленкенсоп завернула на почту. Купила марок, заодно зашла в телефонную будку. Набрала некий номер и попросила мистера Фарадея — так полагалось называть мистера Гранта. Вышла она из будки улыбаясь, затем заглянула в лавку, купила шерсти для вязанья и неторопливо направилась к дому. Подходя к пансионату, Таппенс заметила какую-то женщину. Прижавшись к ограде, незнакомка заглядывала в сад; во всем ее облике было что-то напряженное и тревожное.

Таппенс инстинктивно поднялась на цыпочки, чтобы приглушить звук своих шагов, и подошла к незнакомке почти вплотную. Почувствовав кого-то у себя за спиной, та вздрогнула и обернулась.

Это была женщина высокого роста, уже немолодая — лет сорока, одетая бедно, пожалуй, даже нищенски. Лицо ее резко контрастировало с одеждой. Светловолосая, с широкими скулами, она в свое время несомненно была красавицей, да и теперь еще оставалась ею.

Появление миссис Бленкенсоп насторожило женщину: на ее лице мелькнула тень тревоги, не ускользнувшая от внимания Таппенс.

— Простите, вы кого-нибудь ищете? — осведомилась она.

— Это «Сан-Суси»? — с иностранным акцентом спросила женщина, выговаривая слова медленно, словно заучила их наизусть.

— Да. Я из этого пансиона. Кто вам нужен?

— Говорите, пожалуйста, мистер Розенштейн здесь живут, да?

— Мистер Розенштейн? К сожалению, нет, — покачала головой Таппенс. — Может быть, раньше жил? Хотите, узнаю?

Странная женщина сделала отрицательный жест:

— Нет, нет, я ошиблась. Простите, пожалуйста. — И круто повернувшись, пошла вниз по холму.

Таппенс глядела ей вслед. Что-то в этой женщине возбуждает подозрение. Речь ее не вяжется с манерой держаться. И, конечно, никакого мистера Розенштейна на самом деле не существует — незнакомка назвала первую фамилию, пришедшую ей в голову. С минуту поколебавшись, Таппенс последовала за женщиной. Почему — она и сама не понимала. Просто инстинкт подсказывал ей: «Догони».

Однако, сделав несколько шагов, она остановилась. Преследовать незнакомку — значит привлечь к себе внимание, может быть, даже выдать себя. Она заговорила с женщиной в тот момент, когда уже собиралась войти в «Сан-Суси». Если она теперь пойдет следом за уходящей, может возникнуть подозрение, что миссис Бленкенсоп совсем не то, чем кажется. Нет, миссис Бленкенсоп должна во что бы то ни стало остаться миссис Бленкенсоп.

Таппенс повернула, вошла в «Сан-Суси» и на минуту задержалась в холле. Как всегда после полудня, дом казался вымершим: Бетти спала, взрослые либо отдыхали, либо гуляли. Таппенс стояла в полутемном холле, размышляя о недавней встрече, как вдруг до ее слуха донесся слабый, но хорошо знакомый звук — где-то сняли или положили телефонную трубку. Телефон в «Сан-Суси» находился в холле. Но от линии сделан отвод в спальню миссис

Перенны — там стоит второй аппарат. Томми, вероятно, заколебался бы в такой ситуации. Таппенс не колебалась ни секунды. Она осторожно сняла трубку и поднесла ее к уху. По параллельному телефону кто-то говорил. Голос был мужской.

— ...все идет прекрасно, — услышала Таппенс. — Четвертое, как условлено.

— Хорошо, — ответил женский голос.

Аппарат снова звякнул — трубку положили на место. Таппенс нахмурилась. Кто эта женщина, говорившая по телефону? Миссис Перенна? Трудно сказать — по одному слову голос не опознаешь. Вот если бы послушать еще хоть несколько секунд... На освещенный квадрат пола легла тень. Таппенс вздрогнула и положила трубку. В дверях раздался голос миссис Перенны:

— Замечательный сегодня день. Вы уходите, миссис Бленкенсоп, или только что пришли?

Значит, из спальни миссис Перенны говорила не миссис Перенна.

Ответив, что она только что вернулась с очень приятной прогулки, Таппенс направилась к лестнице. Миссис Перенна последовала за ней. Сегодня хозяйка, пансиона казалась еще крупнее, чем обычно, и Таппенс

впервые ясно представила себе, как, должно быть, сильна эта атлетически сложенная женщина.

— Мне надо переодеться, — объявила она и заторопилась вверх по лестнице.

На площадке дорогу ей преградила необъятная миссис О'Рорк.

— Боже мой, куда вы так спешите, миссис Бленкенсоп? — басом спросила ирландка, но не подвинулась, а по-прежнему стояла, глядя на Таппенс сверху вниз и улыбаясь.

Как всегда, в улыбке миссис О'Рорк было нечто устрашающее. И внезапно, без всякого повода, Таппенс испугалась. Впереди улыбается огромная ирландка, позади, у начала лестницы стоит миссис Перенна. Ловушка? Таппенс взглянула через плечо. Лицо у миссис Перенны угрожающее. А может, просто почудилось? Вздор, уверила себя Таппенс, вздор! Среди бела дня, в заурядном пансионе приморского курорта... Но весь дом как будто вымер.

А она одна на лестнице, между двумя этими женщинами. Нет, нет, улыбка у миссис О'Рорк в самом деле странная — в ней есть что-то Жестокое. «Как кошка с мышью»... — успела подумать Таппенс.

И вдруг атмосфера неожиданно разрядилась. С верхней площадки лестницы, издавая ликующие вопли, скатилась маленькая фигурка. Крошка Бетти Спрот в кофточке и широких, застегнутых у колен штанишках проскочила мимо миссис О'Рорк и, радостно зывая: «Па... Бу...», ринулась в объятия Таппенс. Обстановка разом изменилась.

— Ах, милочка! — вскричала миссис О'Рорк. — Как она быстро растет! Совсем большая девочка!

Миссис Перенна повернулась и пошла к дверям кухни... Стиснув ручонку Бетти, Таппенс проследовала мимо миссис О'Рорк и влетела в коридор, где маленькую беглянку уже поджидала миссис Спрот. Таппенс вместе с ребенком вошла к ней в номер.

Здесь Таппенс сразу стало легче: вокруг все так по-домашнему. Всюду разбросаны детские платяца и плюшевые игрушки, стоит крашенная детская кровать, на туалетном столике в рамке красуется телячья и довольно-таки непривлекательная физиономия мистера Спрота, а сама миссис Спрот горько жалуется на безбожные цены в прачечной и к тому же полагает, что миссис Перенна не имеет права запрещать постояльцам пользоваться собственным электрическим утюгом.

Все так естественно, обыденно, спокойно. И все же лишь за минуту до этого на лестнице... «Нервы! — сказала себе Таппенс. — Просто нервы!» Но только ли нервы? Ведь она же слышала этот телефонный разговор. Кто

был в комнате миссис Перенны? Миссис О'Рорк? Маловероятно. С другой стороны, только там тебя наверняка никто не подслушает. Разговор был, видимо, очень короткий — торопливый обмен беглыми фразами. «Все идет прекрасно. Четвертое, как условлено». Это может не означать ничего или означать очень многое. Четвертое — что это такое? Дата? Скажем, четвертое число. А, может быть, четвертое кресло, четвертое дерево, четвертое здание. Поди, угадай! С таким же успехом можно предложить и другое объяснение: люди уговорились встретиться и подтверждают день встречи. Миссис Перенна вполне могла разрешить миссис О'Рорк пользоваться телефоном, стоящим у нее в спальне.

А в том, что произошло на лестнице — какая была страшная минута! — виноваты скорее всего чересчур взвинченные нервы. Но ведь вся атмосфера затихшего дома, ощущение чего-то зловещего, какой-то грозной опасности... «Придерживайтесь фактов, миссис Бленкенсоп. И занимайтесь своим делом», — сурово одернула себя Таппенс.

Глава пятая

Капитан Хейдок оказался на редкость радушным хозяином. Он страшно обрадовался приходу майора Блетчли и мистера Медоуза и тут же потребовал, чтобы последний осмотрел его владения.

Первоначально на месте «Приюта контрабандистов» стояли два маленьких коттеджа, где жили чины береговой охраны. Стояли эти коттеджи на скале, круто обрывающейся к морю. У подножия скалы располагалась удобная бухточка, но спуск к ней был настолько опасен, что отваживались на него лишь самые отчаянные мальчишки. Позднее коттеджи купил какой-то лондонский делец. Он соединил их, так что получилась небольшая вилла, вокруг которой владелец попытался даже разбить сад. Сам он наезжал сюда только летом и то на короткое время. Затем коттеджи долго пустовали, а еще через несколько лет их продали человеку по фамилии Ган.

— Он был немец и, можете мне поверить, несомненно шпион, — пояснил Хейдок.

— Интересно! — заметил Томми, опуская на стол рюмку, из которой потягивал шерри.

— Чертовски дотошный народ эти немцы, — продолжал Хейдок. — Даю голову на отсечение, они уже тогда готовились к этой кампании. А местность тут, как видите, самая подходящая: сверху удобно подавать сигналы судам, внизу бухта, где легко причалить моторке. Вокруг ни души, вилла ведь стоит на крутой скале. Нет, нет, и не спорьте! Ган безусловно был немецкий шпион.

— А что с ним стало? — осведомился Томми.

— Ну, на этот счет найдется что порассказать, — ответил Хейдок. — Ган ухлопал на эту виллу кучу денег. Для начала вырубил в скале спуск к морю, залил ступени бетоном — затея не из дешевых. Затем перестроил весь дом, оборудовал его ванными и всякими там удобствами. И знаете, кому он поручил все эти работы? Не местному подрядчику, а какой-то, по его словам, лондонской фирме. Только вот мастера, которых она сюда прислала, были сплошь иностранцы. Кое-кто из них не знал по-английски ни слова. Согласитесь, что это в высшей степени подозрительно.

— В самом деле, это несколько странно, — согласился Томми.

— В это время я жил по соседству и заинтересовался, что это он там затеял. Я начал шататься вокруг виллы и приглядываться к рабочим. И

смею доложить, им это не понравилось. Ох как не понравилось! Несколько раз они вели себя просто угрожающе. Разве они стали бы так держаться, будь дело чисто?

Блетчли одобрительно кивнул.

— Вам следовало обратиться к властям, — заметил он.

— Так я и сделал, старина. Я прямо-таки извел полицию своими жалобами, — ответил Хейдок и подлил себе шерри. — А чем меня отблагодарили за все мои старания? Вежливым равнодушием. Что такое? Новая война с немцами? Исключено. В Европе царит мир, отношения у нас с Германией самые наилучшие. На меня смотрели как на ископаемое, как на человека, одержимого военным психозом. Этаким твердолобый отставной моряк! Сколько я им ни твердил, что немцы создают сильнейший в Европе воздушный флот вовсе не для того, чтобы летать на прогулки, — все напрасно.

— Никто, никто не верил! — взорвался Блетчли. — Идиоты проклятые!.. Наше время — время мира! Умиротворение! Экий вздор!

— Поджигатель войны — вот как меня тогда называли, — сказал Хейдок, окончательно побагровев и еле сдерживая негодование. — Вот такие, как я, и мешают миру во всем мире. Как же, мир! Я-то знал, что на уме у наших друзей-гуннов, и был убежден, что мистер Ган замышляет недоброе — очень уж не нравились мне эти иностранные рабочие. Не нравилось мне и то, что он столько денег всаживает в виллу. Я снова и снова надоедал полиции.

— Упорный парень! — одобрил Блетчли.

— В конце концов мои сигналы возымели действие, — продолжал моряк. — К нам назначили нового начальника полиции, отставного военного, и у него хватило ума прислушаться ко мне. Его люди взяли виллу под наблюдение. Ган, конечно, немедленно удрал — взял и скрылся однажды ночью. Полиция подучила ордер на обыск и нагрянула сюда. В сейфе, вделанном в стену столовой, был найден радиопередатчик и документы весьма компрометирующего свойства. Под гаражом оказался склад горючего — огромные цистерны. Скажу честно, меня прямо раздуло от гордости. Раньше друзья по клубу потешались над моей шпиономанией, а теперь они разом прикусили языки. Да, нелепая доверчивость — исконный наш порок. В конце концов дом пустили с молотка и приобрел его я, — заключил майор Хейдок. — Хотите осмотреть виллу, Медоуз?

— С удовольствием.

Возможность похвастаться своими владениями привела капитана Хейдока в совершенно ребяческий восторг. В столовой он открыл большой

сейф и показал, где был найден тайный передатчик. Потом повел Томми в гараж и продемонстрировал гостю подвал, где Ган хранил цистерны с горючим. Наконец, после беглого осмотра двух великолепных ванных комнат, хитроумной системы освещения и различной кухонной техники, Хейдок по крутой бетонированной лестнице спустился с Томми к бухточке, на ходу разъясняя гостю, как выгодно мог бы противник использовать эту местность во время войны. Побывал Томми и в пещере, давшей имя всей вилле. Майор Блетчли с ними не пошел и сидел на веранде, мирно потягивая вино, из чего Томми заключил, что удачная охота Хейдока на шпиона была основной темой разглагольствований славного моряка, и друзья его уже неоднократно слышали эту историю. Догадка Томми подтвердилась несколько позднее, когда они вдвоем с Блетчли возвращались в «Сан-Суси».

— Хейдок — хороший парень, — заметил майор. — Одна беда — слишком любит повторять одно и то же. Мы столько раз слушали эту историю, что она всем нам осточертела.

Затем разговор перешел на плутни некоего туземца-носильщика, разоблаченного майором в 1923 году, и Томми получил возможность отдаться течению собственных мыслей, отвлекаясь от них лишь для того, чтобы время от времени бросить: «Нет, в самом деле?», «Да что вы?», «Поразительно!» Теперь Томми особенно отчетливо понимал, что умирающий Фаркуар не зря упомянул о «Сан-Суси». След был верный. Здесь, в этой глуши, уже давно что-то готовилось. Приезд сюда немца Гана и затеянная им перестройка виллы неопровержимо доказывали, что именно эта точка побережья — сборный пункт и притягательный центр для вражеской агентуры. Неожиданное вмешательство бдительного Хейдока спутало карты противника. В первом раунде победила Британия. Но почему не допустить, что «Приют контрабандистов» всего лишь передовой опорный пункт в сложной схеме немецкого наступления? Вилла — звено в цепи. Чем мог ответить противник на поражение, которое потерпел здесь? Вероятнее всего тем, что перенес центр своей деятельности в наиболее удобное место по соседству — в «Сан-Суси». Гана разоблачили года четыре тому назад. Как раз в это время миссис Перенна, судя по словам Шейлы, вернулась в Англию и купила «Сан-Суси». Похоже, что это был очередной ход в немецкой игре. Следовательно, Лихемптон — опорный пункт вражеской разведки: здесь осели и установили всевозможные связи ее люди. Томми повеселел.

И главной движущей пружиной всего этого механизма, насколько может судить Томми, является миссис Перенна. Значит, первым делом

нужно побольше разузнать о ней, познакомиться с закулисными сторонами жизни ее пансиона, кажущейся постороннему глазу такой обыденной. Переписка миссис Перенны, ее связи, общественная деятельность, отношение к войне — любой из этих моментов может стать ключом к пониманию истинного характера ее поступков. Если миссис Перенна — пресловутая шпионка М. — значит, именно она направляет всю деятельность пятой колонны в Англии. О существовании М. знают, разумеется, лишь немногие заправилы пятой колонны, но М. как-то должна — поддерживать с ними связь, и выйти на эту связь — задача его и Таппенс. В нужный момент несколько решительных людей из «Сан-Суси» всегда смогут захватить и удержать неприступный «Приют контрабандистов». Момент этот еще не наступил, но приближается: овладев французскими и бельгийскими портами на Ла-Манше, немецкая армия немедленно начнет подготовку к вторжению в Англию. Поскольку хозяин на море британский флот, вторжение будет осуществлено с воздуха при поддержке внутреннего врага. А если нити, движущие этим внутренним врагом, сходятся в руках миссис Перенны, времени терять нельзя. Мысли Томми случайно совпали с тем, что говорил в эту минуту майор.

— Тут я понял, что времени терять нельзя, — рассказывал Блетчли, — и схватил Абдулу...

«Почему именно Лихемптон? — размышлял Томми. — Отдаленный район, глухая провинция. Жители консервативны и старомодны. Все это уже большой плюс с точки зрения противника. Что еще? От берега в глубь страны тянется равнина — поле, пастбища. Удобное место для посадки транспортных самолетов и для воздушного десанта. Неподалеку расположены большие химические заводы, где, кстати сказать, работает Карл фон Дайним. Карл фон Дайним. Укладывается ли он в общую схему? Да, отлично укладывается. Грант прав: Карл играет второстепенную роль. Он всего лишь винтик в машине. В любую минуту может быть взят на подозрение и интернирован. Но до этого успеет, пожалуй, выполнить свое задание. Он ведь сам сказал Таппенс, что работает над проблемой обезвреживания газов и обеззараживания местности. А тут для врага открываются такие возможности, о которых страшно подумать. Да, Карл тоже причастен к делу, несколько неохотно решил Томми. — Жаль! Да и работает он, в конце концов, на свою страну. Но те, кто предает отечество, кто взрывает его изнутри, — к таким людям у него, Томми, нет жалости. И честное слово, он накроет их».

— Вот так я его и накрыл, — торжествующе закончил майор. —

Недурно сработано, а?

— В жизни не слышал ничего подобного! — не моргнув глазом, ответил Томми.

Миссис Бленкенсоп читала письмо на тонкой заграничной бумаге со штампом цензуры на конверте. Это письмо, кстати сказать, было прямым следствием ее телефонного разговора с «мистером Фарадеем».

— Милый Раймонд! — вздохнула она. — Я была так счастлива, зная, что он в Египте. А теперь у них, видимо, намечается большая передислокация. Все это, конечно, совершенно секретно, и прямо он писать ни о чем не может. Но он сообщает, что готовится замечательная операция и что вскоре меня ожидает большой сюрприз. Я так рада, что знаю, где он теперь будет, но не понимаю, зачем...

— Ну, уж об этом-то ему запрещено писать, — проворчал Блетчли.

— Ну, у нас с ним есть свои маленькие хитрости, — лукаво сказала Таппенс. — Раймонду известно, что я хочу немного — знать, где он находится. Этого уже достаточно, чтобы меня успокоить. Вот он и сообщает мне все, что надо. Делается это, кстати, очень просто: выбирается определенное слово, а за ним пишутся такие слова, чтобы их первые буквы составляли название местности. Конечно, фразы иногда получаются смешные, но Раймонд очень изобретательный мальчик. Я уверена, что цензура ничего не замечает.

Таппенс удачно выбрала момент для своих признаний: за столом сидели все без исключения обитатели «Сан-Суси».

Блетчли побагровел.

— Прошу прощения, миссис Бленкенсоп, но это чертовски неосмотрительно с вашей стороны. Передислокация наземных войск и авиационных частей — это как раз то, что особенно интересует немцев.

— Но я же никому ничего не рассказываю! — вскричала Таппенс. — Я очень, очень осторожна.

— Все равно вы поступаете крайне неразумно, и у вашего сына еще будут из-за этого неприятности.

— Не думаю. Ведь я его мать, а мать просто обязана знать, что с ее ребенком.

— Вот именно! Я считаю, что вы совершенно правы, — пробасила миссис О'Рорк. — Мы-то, женщины, понимаем: эти сведения из нас не вытянешь даже пыткой.

— Но письмо можно прочесть, — возразил Блетчли.

— Я не бросаю свои письма, где попало, — с оскорбленным видом ответила Таппенс. — Я всегда держу их под ключом.

Блетчли с сомнением покачал головой.

Утро было пасмурное, с моря дул холодный ветер. Таппенс сидела одна в самом дальнем уголке пляжа. Она вынула из сумочки два письма, за которыми, по дороге сюда, зашла в газетный киоск. Письма несколько задержались, так как по месту назначения их переадресовывали в Лихемптон на имя некоей миссис Спендер: Таппенс любила запутывать следы, и дети ее полагали, что их мать гостит у старой тетки в Корнуолле. Таппенс распечатала первое письмо.

«Дорогая мама!

Мог бы рассказать тебе кучу интересных вещей, но, к сожалению, не имею права. Думаю, что немцам с нами скучать некогда. Сегодняшняя сводка: до завтрака сбито пять немецких машин. Правда, нам тоже приходится несладко, но, в конце концов, мы их прижмем к ногтю. Не могу видеть, как их летчики расстреливают из пулеметов несчастных беженцев на дорогах. Мы все от этого становимся, как бешеные. Обо мне не беспокойся. У меня все в порядке. Я ни за что на свете не согласился бы сейчас торчать в тылу. Привет нашему старику. Нашлось ему дело в военном министерстве или все еще нет?

Твой Дерек».

Таппенс с сияющими глазами прочла и перечитала письмо. Затем распечатала второе.

«Милая мамочка!

Как чувствует себя тетя Грейси? Все еще держится? По-моему, ты просто героиня: я бы на твоём месте сбегала оттуда на другой же день. Новостей никаких. Работа у меня очень интересная, но до того секретная, что рассказать о ней ничего не могу. Скажу одно: чувствую, что занимаюсь нужным делом. Не огорчайся, что тебе не дают работать на войну: ужасно смешно смотреть на пожилых женщин, которые вечно навязываются с предложением своих услуг. Сейчас нужны люди молодые, работоспособные. Интересно, чем там, в Шотландии, занят наш старик? Наверное, бумагами. И все же так ему, конечно, лучше — хоть чем-то занят.

Крепко целую.

Твоя Дебора».

Таппенс улыбнулась, сложила письма и любовно разгладила их. Затем укрылась за волноломом, чиркнула спичкой, подожгла письма и выждала,

пока они не превратились в пепел. Потом, достав вечную ручку и небольшой блокнот, принялась торопливо строчить.

«Лэнгхен, Корнуолл.

Дорогая Деб!

Мы здесь страшно от всего далеки, и мне даже как-то не верится, что идет война. Твое письмо очень меня порадовало. Приятно знать, что работа у тебя интересная. Тетя Грейси совсем одряхла, да и с головой у нее не в порядке. Она часто вспоминает о прошлом, но, по-моему, путает меня с моей матерью. Местные жители усиленно занялись овощами — все розовые клумбы засажены картошкой. Я помогаю старой Сайке — надо же что-то делать для победы. Твой отец несколько разочарован своей работой, но, как ты выразилась, так ему лучше — хоть чем-то занят.

Крепко целую.

Мама».

Таппенс вырвала из блокнота еще один листок.

«Милый Дерек!

Бесконечно рада получить от тебя весточку. Если не хватает времени на письма, посылай хотя бы открытки. Я перебралась к тете Грейси. Погощу у нее немножко. Меня все еще держат в резерве — в моих драгоценных услугах никто не нуждается. Чудеса!.. Твой отец, как я тебе уже писала, получил работу в министерстве снабжения. Он где-то на севере. Это лучше, чем ничего, но, конечно, совсем не то, о чем он мечтал. Что поделаешь! Придется нам смириться и скромненько плестись в задних рядах, а вести войну будете вы, глупые мальчишки. Не пишу тебе: «Береги себя» — я ведь понимаю, что твой долг поступать как раз наоборот. Но все-таки не рискуй без толку.

Обнимаю.

Мама».

Таппенс запечатала конверты, надписала адреса, наклеила марки и по дороге в «Сан-Суси» отправила письма. Она была уже у подножия холма, когда ее внимание привлекли две фигуры, стоявшие поодаль и поглощенные разговором. Таппенс приросла к месту. Это была вчерашняя незнакомка, и разговаривал с нею Карл фон Дайним.

«Прикрытия никакого», — с огорчением отметила про себя Таппенс. Подойти к собеседникам так, чтобы подслушать разговор, ей не удастся. В

довершение всего как раз в эту минуту молодой немец повернул голову и увидел миссис Бленкенсоп. Пара немедленно рассталась. Женщина поспешно спустилась вниз по холму, перешла через дорогу и разминулась с Таппенс. Карл фон Дайним, дождавшись, пока Таппенс поравняется с ним, спокойно и вежливо пожелал ей доброго утра.

— Какое странное лицо у женщины, с которой вы только что разговаривали, мистер фон Дайним! — немедленно начала Таппенс.

— Неудивительно. Восточноевропейский тип. Она полька.

— Неужели? Это ваша знакомая?

— Отнюдь, — сухо ответил Карл. — Я вижу ее впервые.

— Вот как! А я-то думала... — артистически сделала паузу Таппенс.

— Она обратилась ко мне за справкой. Говорили мы по-немецки — она плохо понимает английский язык.

— И что же она ищет?

— Она спросила, не живет ли где-нибудь поблизости некая миссис Готлиб. Я ответил, что не знаю такой. Тогда она сказала, что, наверно, перепутала название пансиона.

— Понятно, — задумчиво протянула Таппенс.

Мистер Розенштейн. Миссис Готлиб. Таппенс украдкой глянула на Карла фон Дайнима. Он шел рядом с ней, и его замкнутое лицо ничего не выражало. Стригшая незнакомка казалась Таппенс все более подозрительной. К тому же Таппенс была почти убеждена, что разговор, которому она помешала, начался задолго до того, как немец заметил ее.

Карл фон Дайним? Вот он стоит с Шейлой. «Будь осторожен...»

«Дай бог, чтобы эта парочка не была ни в чем замешана! Они оба такие молодые! — подумала Таппенс и тут же одернула себя: — Сентиментальная старуха — вот кто вы такая, миссис Бленкенсоп». Нацистам как раз и нужны молодые агенты. Правда, Томми считает, что Шейла ни во что не замешана. Но Томми мужчина, а Шейла красива, так красива, что дух захватывает. Карл и Шейла, а за их спиной загадочная фигура миссис Перенны.

Таппенс медленно поднялась по лестнице к себе в номер.

Вечером, перед сном, Таппенс выдвинула ящик своего письменного стола. В углу ящика стояла японская шкатулочка с ненадежным дешевым замком. Таппенс натянула перчатки, отперла шкатулочку, откинула крышку. Внутри лежала пачка писем. Самое верхнее — то, что пришло сегодня от «Раймонда», — Таппенс со всеми предосторожностями развернула. Губы ее сурово сжались. Еще утром в складке письма лежала неприметная ресничка. Сейчас реснички уже не было.

Она подошла к умывальнику, где стоял пузырек с безобидной этикеткой «Тальк». Затем ловко припудрила тальком письмо и лакированную крышку шкатулочки. Отпечатков пальцев ни на бумаге, ни на крышке не оказалось. Таппенс еще раз удовлетворенно, хотя и мрачно кивнула головой. Там должны были оказаться отпечатки пальцев — ее собственные. Конечно, служанка могла прочесть письма из любопытства, но это маловероятно. И уж вовсе невероятно, чтобы она стала возиться и подбирать ключи к Шкатулке. И потом, разве ей пришло бы в голову стереть отпечатки пальцев?

Кто же тогда? Миссис Перенна? Шейла? Кто-нибудь другой? Кто бы ни был этот человек, он интересуется дислокацией британских войск.

План кампании, составленный Таппенс, был, в общем, очень прост. Во-первых, наметить возможные версии. Во-вторых, провести небольшой эксперимент, чтобы выяснить, есть ли в «Сан-Суси» постоялец, который интересуется дислокацией войск, но старается свой интерес скрыть. В-третьих, установить, кто это.

Именно этот третий этап операции и обдумывала Таппенс, лежа в постели на следующее утро. Размышления ее были прерваны Бетти Спрот, которая невзирая на ранний час проникла в комнату.

Бетти была сегодня особенно энергична и разговорчива. Она тут же вскарабкалась на постель Таппенс — девочка очень привязалась к миссис Бленкенсоп, — сунула ей под нос растрепанную книжку с картинками и тоном, не допускающим возражений, скомандовала:

— Титай! — Таппенс послушно начала читать: «Гуси, гуси, вы куда? Вверх и вниз, туда-сюда».

Бетти, заливаясь радостным смехом, восторженно заверещала: «Велх, велх, велх», а затем принялась ползать по полу, играя ботинками Таппенс и деловито лепеча что-то на своем языке.

Поглощенная своими заботами, Таппенс уже не замечала гостью. «Следующий шаг сделать несложно, — думала Таппенс. — Только нужно, чтобы Томми помог». Она уже сообразила, как все устроить...

Когда строишь планы, время летит быстро. Наконец появилась запыхавшаяся миссис Спрот — она уж и не знала, где искать Бетти.

— Вот ты где, скверная девочка! А я-то никак не пойму, куда ты запропастилась! Ах, простите ради бога, миссис Бленкенсоп!..

Таппенс приподнялась на постели. Бетти с ангельски кротким личиком созерцала плоды трудов своих: она вытащила из ботинок Таппенс шнурки и засунула их в стакан с водой, а теперь торжествующе тыкала в него пальчиком. Таппенс расхохоталась.

— Ах ты, маленькая баловница!.. Не беспокойтесь, миссис Спрот, — прервала она извинения соседки, — шнурки скоро высохнут. Я сама во всем виновата: надо было смотреть, чем занимается девочка. Но она вела себя так тихо...

— Вот, вот! — вздохнула миссис Спрот. — Эти малыши всегда такие: раз притихли, значит, обязательно что-нибудь натворят.

Миссис Спрот увела Бетти, и миссис Бленкенсоп поднялась с постели. Пора было приступить к осуществлению плана.

Глава шестая

Томми опасливо посмотрел на пакет, который сунула ему Таппенс.

— Та самая штука?

— Да. Осторожней, не просыпь на себя.

Томми поднес пакет к носу и энергично замотал головой.

— Постараюсь. Что за мерзкий запах!

— Асафетида, — пояснила Таппенс. — Одна щепотка, и ты, как пишут в рекламах, «начнешь удивляться, почему твой поклонник охладел к тебе».

Вскоре после этого в «Сан-Суси» произошел ряд событий.

Прежде всего в комнате мистера Медоуза обнаружился какой-то неприятный запах. Мистер Медоуз, человек по натуре не привередливый, сперва лишь вскользь упомянул об этом обстоятельстве, но вскоре тон его стал гораздо более решительным. Он призвал на совещание миссис Перенну, и хозяйка «Сан-Суси» признала, что в номере действительно чем-то пахнет. Запах резкий, неприятный. Возможно, предположила она, неисправен кран газового отопления. Томми нагнулся, осторожно обнюхал горелку и заметил, что, по его мнению, запах идет не оттуда. Он лично считает, что под полом разлагаетсядохлая крыса. Миссис Перенна не стала отрицать, что ей приходилось слышать о подобных вещах. Но в «Сан-Суси» крыс нет — в этом она совершенно уверена. Возможно, это не крыса, а мышь, хотя она лично никогда мышей здесь не видала. Мистер Медоуз твердо заявил, что такая вонь указывает, по меньшей мере, на крысу, и еще более твердо добавил, что не намерен ночевать в своем номере, пока не будут приняты соответствующие меры. Он вынужден просить миссис Перенну отвести ему другую комнату.

— Разумеется! — ответила миссис Перенна. Она сама как раз собиралась предложить мистеру Медоузу то же самое. Ее останавливало только то, что единственная свободная комната слишком мала и к тому же выходит не на море. Но если мистер Медоуз не возражает... Мистер Медоуз не возражал. Он хочет одного — избавиться от запаха. Миссис Перенна отвела его в комнатку, расположенную — конечно, по чистой случайности — как раз напротив номера миссис Бленкенсоп, и тут же приказала своей придурковатой служанке перенести туда вещи мистера Медоуза. Сама же она немедленно пошлет за столяром, который вскрыет пол и выяснит происхождение запаха. Таким образом, дело было улажено к общему удовлетворению.

Вторым событием явилась болезнь мистера Медоуза. Он чихал, глаза у него слезились. Правда, от его большого носового платка слегка припахивало луком, но этого никто не заметил, так как обильная доза одеколона почти заглушила вышеназванный аромат. В конце концов, измученный непрерывным чиханьем и сморканьем, мистер Медоуз решил полежать денек в постели. Утром того же дня миссис Бленкенсоп получила письмо от своего сына Дугласа. Оно так ее потрясло, что вскоре о нем знал весь пансион. Письмо, к счастью, миновало цензуру, объяснила миссис Бленкенсоп. Его привез и бросил в ящик один из друзей Дугласа, приехавший в отпуск. Слава богу, на этот раз Дуглас мог написать ей, ничего не скрывая.

— Из письма видно, — наставительно покачав головой, добавила миссис Бленкенсоп, — как мало мы знаем об истинном положении дел.

После завтрака она отправилась к себе в комнату, открыла японскую шкатулку и спрятала в нее письмо, предварительно положив между страницами несколько крупинок рисовой пудры. Потом захлопнула шкатулку, а выйдя из комнаты, кашлянула, и в ответ на кашель из номера напротив раздалось в высшей степени правдоподобное чиханье. Таппенс улыбнулась и спустилась вниз.

Она заблаговременно предала гласности свое намерение съездить на денек в Лондон: ей надо повидаться с адвокатом и сделать кое-какие покупки. Обитатели «Сан-Суси» в полном составе устроили ей проводы и надавали всевозможных поручений — о, конечно, если только у нее найдется время.

Майор Блетчли уселся подальше от занятых болтовней женщин. Он читал газету, сопровождая чтение громкими комментариями.

— Подлые немецкие свиньи! Их летчики расстреливают из пулеметов беженцев на дорогах. Звери проклятые! Будь моя власть...

Когда Таппенс уходила, Блетчли все еще разглагольствовал о том, что было бы, если бы он руководил военными действиями.

По дороге Таппенс заглянула в сад и осведомилась у Бетти Спрот, что привезти ей из Лондона. Бетти, блаженно сжимавшая в ручонках улитку, благодарно замурлыкала и в ответ на предложение Таппенс: «Киску? Книжку с картинками? Цветные мелки для рисования?» — объявила!

— Бетти лисуй!

Цветные мелки были внесены в список покупок.

Пройдя тропинкой через сад и уже собираясь выйти на дорогу, Таппенс неожиданно наткнулась на Карла фон Дайнима. Немец стоял, прислонившись к ограде и сжав кулаки. Когда он услышал шаги и

обернулся, Таппенс увидела, что его обычно бесстрастное лицо искажено страданием. Таппенс невольно остановилась и спросила:

— Чем вы так расстроены?

— Ах, всем сразу! — Голос у Карла был непривычно хриплый. — У вас, кажется, есть такая поговорка: «Ни рыба, ни мясо»?

Таппенс кивнула.

— Вот и я такой же, — с горечью продолжал Карл. — Честное слово, так дальше тянуться не может. Лучше уж сразу со всем покончить.

— Что вы хотите сказать?

— Вы были добры ко мне, — ответил молодой человек. — Вы должны понять меня. Я бежал из своей страны, потому что в ней царят несправедливость и жестокость, а здесь я надеялся найти свободу. Я ненавижу нацистскую Германию, но, увы, я все-таки немец. От этого никуда не денешься.

— Я знаю, вам трудно... — начала было Таппенс.

— Дело не в трудностях. Повторяю вам, я — немец. И когда старый вояка Блетчли, читая газету, бросает: «Подлые немецкие свиньи», у меня темнеет в глазах. Нет, я этого не вынесу!

И, уже спокойнее, Карл добавил:

— Вот я и думаю, что лучше покончить сразу. Да, сразу.

Таппенс схватила его за руку:

— Вздор! — оборвала она. — Ваши переживания вполне понятны. Любой другой на вашем месте испытывал бы то же самое.

— Почему меня не интернируют? В лагере мне было бы легче.

— Возможно. Но пока что вы делаете свое дело. И, как я слышала, нужное дело. Нужное не только Англии, но и всему человечеству. Вы занимаетесь обеззараживанием, так ведь?

Лицо Карла чуточку посветлело.

— Так. И я уже многого добился. Я разработал один метод — очень несложный и легко применимый на практике.

— Ну, вот видите, — подхватила Таппенс, — этим делом стоит заниматься, как и всем, что облегчает страдания людей, что служит созиданию, а не разрушению. А если мы ругаем своих врагов, так это вполне естественно. У вас в Германии то же самое: среди немцев есть тысячи своих майоров Блетчли, исходящих слюной при слове «Англия». Я сама ненавижу немцев, при одном упоминании о них я прихожу в ярость. Но когда я думаю о каждом немце в отдельности, о матерях, с тревогой ждущих писем от сыновей, о крестьянах, чьи посевы гибнут, о тех славных добрых простых немцах, которых я знавала, меня охватывает совсем другое

чувство: я понимаю, что они такие же люди, как я. А это — самое главное.

Карл фон Дайним поднес руку Таппенс к губам и поцеловал.

— Благодарю вас. Все, что вы сказали, справедливо и верно. Постараюсь взять себя в руки.

«Боже мой! — думала Таппенс по дороге в Лихемптон. — Как ужасно, что самый симпатичный мне здесь человек — немец!»

Таппенс все делала основательно. Ехать в Лондон ей совсем не хотелось, но ведь если она ограничится прогулкой по окрестностям, ее могут увидеть, и в «Сан-Суси» немедленно станет об этом известно. Нет! Миссис Бленкенсоп сказала, что едет в Лондон, в Лондон она и поедет. Таппенс взяла обратный билет и, отходя от кассы, столкнулась с Шейлой Перенной.

— Хелло! — воскликнула Шейла. — Вы уезжаете? А я зашла на вокзал узнать насчет посылки — она где-то затерялась.

Таппенс изложила свои планы.

— Да, да, помню, вы что-то говорили о поездке, — небрежно бросила Шейла. — Но я не сообразила, что вы едете сегодня. Идемте, я посажу вас в поезд.

Девушка была оживленней и приветливей, чем обычно. Держалась она дружелюбно и проболтала с Таппенс до самого отхода поезда. Разговор вертелся вокруг всяких мелочей жизни в «Сан-Суси». Помахав Шейле из окна и дождавшись, пока девушка скроется из виду, Таппенс уселась в угол купе и погрузилась в серьезные размышления. Случайно ли Шейла оказалась на вокзале в момент ее отъезда? Не доказывает ли это, что враг не пренебрегает никакими мелочами? А вдруг миссис Перенна решила удостовериться, что болтливая миссис Бленкенсоп действительно уехала в Лондон? Очень похоже, что так.

Таппенс удалось посоветоваться с Томми только на следующий день: они с самого начала условились не вести никаких разговоров в стенах «Сан-Суси». Миссис Бленкенсоп встретила мистера Медоуза на берегу во время прогулки — он уже несколько оправился от простуды. Они выбрали скамейку и уселись.

— Ну? — спросила Таппенс. Томми медленно наклонил голову.

— Да, — ответил он. — Кое-что я узнал. Но, боже мой, что это был за день! Я чуть шею себе не свернул, глядя в замочную скважину.

— Неважно! — проявив полную бесчувственность, отрезала Таппенс. — Рассказывай.

— Первой в комнате побывала горничная — застелила постель, прибрала. Затем зашла миссис Перенна, но еще при горничной — за что-то

ей выговаривала. Заглянула Бетти — взяла там свою собачку.

— Ну, ну, а потом?

— А потом туда зашел один человек, — медленно сказал Томми.

— Кто?

— Карл фон Дайним.

— Ох!

Сердце Таппенс сжалось. Значит...

— Когда? — спросила она.

— Во время второго завтрака. Он вышел из столовой раньше остальных, поднялся к себе, затем прокрался по коридору в твой номер. Пробыл там с четверть часа.

Томми помолчал и прибавил:

— Думаю, что теперь вопрос решен.

Таппенс кивнула. Да, теперь все ясно. У Карла фон Дайнима может быть лишь одна причина забираться в комнату миссис Бленкенсоп и проводить там четверть часа. Какой, однако, превосходный актер! В его вчерашней тираде звучала неподдельная искренность. Впрочем, в какой-то мере он, наверно, и был искренен.

— Жаль! — процедила Таппенс.

— Мне тоже, — отозвался Томми. — Он славный парень.

— Итак, мы более или менее разобрались что к чему, — продолжала Таппенс. — Карл фон Дайним работает вместе с Шейлой и ее мамашей. Заправляет всем, вероятно, миссис Перенна. Кроме того, есть еще та иностранка, что вчера говорила с Карлом.

— Что мы предпримем теперь?

— Надо пошарить в комнате миссис Перенны — вдруг найдем там ниточку, за которую можно ухватиться. Возьмем под наблюдение и саму хозяйку: мы должны узнать, где она бывает, с кем встречается. Давай вызовем сюда Алберта, Томми.

Томми задумался.

Когда-то Алберт, тогда еще скромный рассыльный в отеле, работал заодно с молодыми Бирсфордами и принимал участие в их делах. Потом он служил у них, а лет шесть тому назад женился и стал счастливым владельцем «Утки и пса», кабачка в южной части Лондона.

— Алберт будет в восторге, — стремительно развивала свою мысль Таппенс. — Он остановится в отеле у вокзала и будет следить за миссис Перенной, а если понадобится — и за кем угодно.

— Неплохо придумано, Таппенс! Алберт — человек подходящий. И вот еще что: нам надо понаблюдать за этой мнимой полькой. По-моему, она

представляет другую ветвь организации.

— Совершенно согласна. Сюда она либо приходит за инструкциями, либо доставляет информацию. Как только она появится снова, кто-нибудь из нас пойдет за нею и разузнает о ней поподробнее.

— А как нам пошарить в комнате миссис Перенны и заодно в номере Карла?

— У него мы едва ли что-нибудь обнаружим. Он немец, полиция может в любой момент нагрянуть к нему с обыском. Поэтому он, безусловно, настороже и не держит у себя ничего подозрительного. С Перенной же будет трудно. Когда она уходит, дома обычно остается Шейла. Кроме того, в комнате хозяйки частенько торчит миссис О'Рорк, а по лестнице постоянно снуют миссис Спрот и Бетти.

Таппенс помолчала.

— Удобней всего во время второго завтрака, — сказала наконец она. — Что, если у меня разболится голова и я уйду к себе? Нет, не годится — кто-нибудь обязательно явится ухаживать за мной. Постой, придумала! Перед завтраком я потихоньку скроюсь у себя в номере, а потом скажу, что у меня болела голова.

— А не лучше ли этим заняться мне? Простуда хоть завтра может опять уложить меня в постель.

— Нет уж. Если меня застанут в спальне хозяйки, я всегда вывернусь: скажу, что искала аспирин или что-нибудь в этом роде. Присутствие же там мужчины вызовет куда больше разговоров.

— К тому же скандального характера, — усмехнулся Томми, но улыбка у него мгновенно погасла. — Надо торопиться: сегодня в газетах плохая сводка. Мы должны напасть на след, и поскорее.

Продолжая прерванную прогулку, Томми завернул на почту, откуда позвонил мистеру Гранту и доложил, что «последняя операция прошла успешно и что наш друг К, несомненно причастен к делу». Затем он написал и отправил письмо, адресованное мистеру Алберту Ватту, купил газету и неторопливо отправился в «Сан-Суси». Вскоре его нагнала двухместная машина, и он услышал оглушительный, но приветливый голос капитана Хейдока:

— Хелло, Медоуз! Вас подвезти?

Томми с благодарностью принял предложение и сел в автомобиль.

— Ну, как ваша простуда? В состоянии вы сыграть партию в гольф?

Томми ответил, что охотно сыграет.

— Значит, завтра, часов в шесть. Идет?

— Благодарю! С удовольствием.

Хейдок круто свернул к воротам «Сан-Суси».

— Как поживает прекрасная Шейла?

— По-моему, хорошо, только я редко ее вижу.

— Держу пари, реже, чем вам хотелось бы, — расхохотался Хейдок. — Красивая девчонка, только слишком уж часто встречается с этим проклятым немцем. И что она только в нем нашла?

— Тс-с! — предостерег Медоуз. — Вон он поднимается по холму, следом за нами.

— Плевать! Пусть слышит. Я с удовольствием двину мистера Карла коленом под зад. Каждый порядочный немец дерется сейчас за свое отечество, а не удирает сюда, чтоб избежать опасности.

— Что ж, и это неплохо: в случае вторжения одним немцем будет меньше.

— Вы хотите сказать, что этот уже вторгся к нам? Ха-ха-ха! Недурно сказано, Медоуз. Нет, не верю я в эти басни о вторжении. Никто к нам никогда не вторгался и никогда не вторгнется. У нас, слава богу, еще есть флот!

Сделав эту патриотическую декларацию, капитан выжал сцепление, и машина понеслась к «Приюту контрабандистов».

Когда Таппенс добралась до ворот «Сан-Суси», было уже без двадцати два. Она свернула с дорожки, прошла садом и незаметно проникла в дом через застекленную дверь гостиной. Подождала, пока горничная Марта пройдет через холл, сняла ботинки и одним духом взбежала по лестнице. Затем прошла к себе, надела мягкие домашние туфли и на цыпочках прокралась в спальню миссис Перенны.

Очутившись в комнате, Таппенс огляделась и почувствовала, что ее охватывает отвращение. Не слишком приятное у нее занятие. А если миссис Перенна — всего лишь миссис Перенна, то и вовсе непростительно. Лезть в личную жизнь человека...

«Мы ведем войну!» — взяла себя в руки Таппенс. Она подошла к туалетному столику, быстрыми и точными движениями выдвинула ящики, просмотрела их содержимое. Ничего. Зато один из ящичков бюро, кажется, заперт. Это уже утешительнее. Отправляясь в Лихемптон, Томми получил кое-какой инструмент и указания, как с ним обращаться. Всеми этими сведениями он поделился с Таппенс. Несколько ловких движений, и бюро открылось. В нем оказались шкатулка с драгоценностями и денежный ящик, где лежало двадцать фунтов бумажками и немного серебра. Кроме того, там была еще кipa бумаг. Они-то и представляли для Таппенс наибольший интерес. Она принялась наспех просматривать их — времени

в ее распоряжении очень мало. Закладные на «Сан-Суси», чековая книжка, письма... Время летело, Таппенс бегло просматривала документы, изо всех сил пытаясь не пропустить что-нибудь подозрительное. Два письма из Италии от подружки — пустая болтовня о чем попало, на первый взгляд, совершенно безобидная. Письмо некоего Саймона Мортимера из Лондона — деловая записка настолько ничтожного содержания, что Таппенс удивилась — зачем ее хранят. Быть может, мистер Мортимер тоже не так безобиден, как кажется. В самом низу еще одно письмо. Выцветшие чернила, подпись «Пат». Начинается так: «Эйлин, родная, пишу тебе в последний раз...»

Таппенс сложила листок, привела в порядок бумаги и, внезапно насторожившись, задвинула ящик — запереть уже не успеешь... Когда дверь распахнулась и на пороге появилась миссис Перенна, Таппенс растерянно перебирала пузырьки, стоявшие на умывальнике.

— Ах, простите, миссис Перенна! — с расстроенным и глупым видом повернулась к хозяйке миссис Бленкенсоп. — После прогулки у меня страшно разболелась голова. Я решила лечь и принять аспирин, но не нашла. Вот я и подумала, что вы не обидитесь, если... А я знала — у вас есть аспирин: вы на днях давали мисс Минтон.

Миссис Перенна решительно шагнула в комнату, и в голосе ее зазвучали резкие нотки:

— Пожалуйста, миссис Бленкенсоп. Но почему вы не сказали мне?..

— Конечно, мне так и следовало сделать. Но вы завтракали, а я очень не люблю беспокоить людей...

Миссис Перенна проследовала к умывальнику, нашла нужный пузырек и сухо бросила:

— Сколько таблеток?

Миссис Бленкенсоп попросила три, в сопровождении хозяйки добралась до своей комнаты и поспешно отказалась от предложенной ей грелки. На прощание миссис Перенна не удержалась и выпустила последний заряд:

— А ведь у вас есть аспирин — я сама видела.

— Конечно есть, — воскликнула Таппенс. — Я знаю, что он где-то здесь, но все получилось ужасно глупо — я не смогла его найти.

— Ну что ж, отдохните как следует до чая, — сверкнув крупными белыми зубами, посоветовала миссис Перенна и вышла. Таппенс глубоко вздохнула и улеглась в постель — а вдруг хозяйка вернется. Заподозрила она что-нибудь или нет? А какие у нее крупные, белые зубы! «Чтобы поскорее съесть тебя, дорогая...» Глядя на лицо миссис Перенны, Таппенс

всегда вспоминала сказку о Красной Шапочке. А руки! Большие, жестокие руки...

Она, кажется, сочла вполне естественным то, что застала Таппенс у себя в комнате. Но все равно, позднее она обнаружит, что бюро не заперто. Появятся у нее подозрения, или она решит, что сама случайно забыла повернуть ключ? Такое случается с каждым. Удалось ли ей, Таппенс, сложить бумаги в «Том же порядке? Если даже миссис Перенна что-нибудь заметит, она заподозрит прислугу, а не миссис Бленкенсоп. А если даже заподозрит, то в чем? Вернее всего в излишнем любопытстве. С Другой стороны, если миссис Перенна — пресловутый немецкий агент М., то она обязательно догадается, что контрразведка следит за нею.

Можно ли, судя по ее поведению, сказать, что она насторожилась? Вела она себя вполне естественно... если не считать едкого замечания насчет аспирина. И вдруг Таппенс приподнялась и села на постели. Она вспомнила, что ее аспирин, а также йод и пузырек с таблетками соды лежат в глубине письменного стола. Она засунула их туда, распаковывая вещи.

Выходит, не она одна шарит по чужим комнатам. Миссис Перенна первая побывала у нее.

Глава седьмая

На следующий день в Лондон собралась миссис Спрот.

Не успела она робко намекнуть на то, что ей не на кого оставить Бетти, как все наперебой начали предлагать свои услуги. И когда миссис Спрот, еще раз призвав дочку быть хорошей девочкой, наконец отбыла, Бетти немедленно вцепилась в Таппенс, которая взяла на себя утреннее дежурство.

— Иглай! — потребовала она. — Иглай плиты!

Девочка с каждым днем говорила все лучше и приобрела неотразимую привычку склонять головку набок, озарять собеседника чарующей улыбкой и прибавлять: «Позалуста!» Таппенс собралась было погулять с ребенком, но шел сильный дождь. Поэтому они перебрались в номер миссис Спрот, где Бетти немедленно ринулась к комоду, в нижнем ящике которого хранились ее игрушки.

— Будем прятать Бонзо? — осведомилась Таппенс. Но Бетти уже передумала.

— Титай каску, — попросила она. Таппенс вытащила из ящика изрядно растрепанную книжку, но ее остановил вопль Бетти:

— Не... Не... Похая...

Таппенс удивленно посмотрела на ребенка, затем перевела взгляд на книжку. Это была «История маленького Джека Хорнера» с цветными картинками.

— Разве Джек был плохой мальчик? — спросила она. — Потому что он стащил сливу, да?

— Похая! — энергично повторила Бетти и, сделав титаническое усилие, пояснила: — Гязная!

С этими словами она отобрала книжку, положила ее на место, вытащила из ящика другую и, радостно улыбаясь, объявила:

— Тистый майтик!

Таппенс все поняла: вместо старых, замызганных и растрепанных книжек у Бетти появились новые. Она улыбнулась: оказывается, миссис Спрот — мамаша из породы «поклонниц гигиены», как мысленно окрестила Таппенс этот тип женщин. Вечно боятся, что ребенок нахватается микробов, съест что-нибудь немытое или сунет в рот грязную игрушку. Сама Таппенс, выросшая на лоне привольной деревенской жизни, презирала все эти преувеличенные страхи и приучила обоих своих детей к

«разумному количеству» грязи. Тем не менее она послушно вооружилась чистым экземпляром «Джека Хорнера» и начала читать его ребенку, сопровождая чтение соответствующими комментариями. Затем они перешли к «Гуси, гуси, вы куда?» и «Старушке из башмака», после чего

— Бетти принялась прятать книжки, а Таппенс, к великому ликованию девочки, — подолгу разыскивать каждую из них.

Утро прошло быстро. Позавтракав, Бетти отправилась спать, и вот тут-то миссис О'Рорк пригласила Таппенс к себе.

В комнате ирландки царил беспорядок. К запаху мятных лепешек и черствого кекса примешивался слабый аромат нафталина. На обоих столах красовались фотографии детей, внуков, племянников, племянниц, внучатых племянников и племянниц миссис О'Рорк. Их было так много, что Таппенс показалось, будто она смотрит в театре реалистическую пьесу конца викторианского периода.

— Вы замечательно умеете ладить с детьми, миссис Бленкенсоп, — любезно заметила миссис О'Рорк.

— Ну, знаете, мои двое... — начала Таппенс.

— Двое? — перебила ее собеседница. — А я поняла так, что у вас трое мальчиков.

— Конечно, трое. Но двое младших почти однолетки. Я о них прежде всего и подумала.

— А-а, понимаю! Да присядьте же, миссис Бленкенсоп. Будьте как дома.

Таппенс послушно опустилась на стул, мысленно спрашивая себя, почему ей не по себе в присутствии старой ирландки. Вероятно, такое же чувство испытывали

— Гензель и Гретель, когда ведьма зазвала их к себе в избушку.

— А теперь, — потребовала миссис О'Рорк, — расскажите мне, что вы думаете о «Сан-Суси».

Таппенс разразилась дифирамбом пансионату, но собеседница бесцеремонно прервала ее.

— Я не о том. Не кажется ли вам, что тут все как-то странно.

— Странно? Не нахожу.

— А как насчет миссис Перенны? Сознайтесь, она вас интересуется. Я же вижу: вы все время к ней присматриваетесь.

— Она... Она очень интересная женщина, — вспыхнула Таппенс.

— Ничего подобного, — отрезала миссис О'Рорк. — Самая обыкновенная женщина, если она, конечно, то, чем кажется. Но, возможно, она только кажется. Вы это имели в виду?

— Право, я не совсем понимаю вас, миссис О'Рорк.

— Неужели вам никогда не приходило в голову, что внешность чаще всего обманчива. Возьмите, к примеру, мистера Медоуза. Загадочный человек. Иногда мне думается: вот типичный англичанин — глуп до мозга костей. А затем я ловлю его слово или взгляд, и они далеко не глупы. Странно, не правда ли?

— Ну, я-то сама считаю мистера Медоуза типичным британцем, — твердо ответила Таппенс и отвернулась к окну.

Эта старуха поразительно действует ей на нервы. Как она умеет создавать вокруг себя атмосферу тревоги и страха! «Я чувствую себя с ней, как мышь в когтях у кошки, — думала Таппенс, глядя в сад. — Эта необъятная монументальная женщина сидит и улыбается, только что не мурлычет, а тебе все равно чудится, что перед тобой кошка, которая играет с чем-то таким, чего она ни за что не упустит... Какой вздор! Просто у меня разыгралось воображение».

Дождь прекратился. Капли с тихим стуком падали с ветвей на землю. «Нет, моя фантазия тут ни при чем. Вовсе я не фантазерка. В этой женщине есть что-то злое. Если бы только мне удалось...» Внезапно течение мыслей Таппенс прервалось.

Кусты в глубине сада раздвинулись, и между ними мелькнуло человеческое лицо. Это была та самая иностранка, с которой говорил на дороге фон Дайним. Сейчас она украдкой наблюдала за домом. На лице никакого выражения, и в то же время — да, да, несомненно — в нем есть что-то угрожающее. Неподвижное, безжалостное лицо. Воплощение какой-то силы, враждебной «Сан-Суси» с его повседневной, банальной, как во всяком английском пансионе, жизнью. Все эти мысли промелькнули в мозгу Таппенс с быстротой молнии. Она резко повернулась, пробормотала извинения, торопливо вышла из комнаты, бегом спустилась по лестнице, пересекла холл и выскочила в сад. Повернула направо и по боковой дорожке побежала туда, где мелькнуло лицо. Но там уже никого не было. Таппенс вышла на дорогу и оглядела склоны холма. Никого. Куда же делась эта женщина? Может быть, ей все это почудилось? Нет, она действительно видела незнакомку.

Таппенс обшарила все кусты, промокла насквозь и, не найдя никаких следов иностранки, направилась к дому с каким-то смутным предчувствием, похожим на страх. Что-то должно произойти. Но что именно? Этого она угадать не могла, никак не могла.

Погода прояснилась, и мисс Минтон уже одевала Бетти, собираясь с ней на прогулку. Они решили пойти в город и купить там целлулоидную

утку — ее можно будет пускать поплавать в ванночке Бетти. Девочке от возбуждения не стоялось на месте, и мисс Минтон лишь ценой долгих усилий удалось натянуть на нее шерстяной пуловер, после чего они выбрались, наконец, из пансиона под неумолкающий щебет Бетти. В холле, на мраморном столике, Таппенс заметила две спички, небрежно положенные крест-накрест, из чего заключила, что мистер Медоуз посвящает день слежке за миссис Перенной. Таппенс проследовала в гостиную, где получила возможность насладиться обществом супругов Кейли.

Мистер Кейли пребывал в раздраженном настроении. Он приехал в Лихемптон, чтобы найти здесь полный покой и отдых, но разве дождешься покоя в доме, где есть ребенок? День-деньской эта девочка вопит, носится взад-вперед, прыгает у вас над головой...

Его жена примирительно заметила, что Бетти, право же, прелестная крошка, но это вмешательство не встретило одобрения.

— Несомненно, несомненно, — отозвался мистер Кейли, вертя длинной шеей. — Но мать обязана сделать так, чтобы девочка не шумела. Здесь есть люди больные, чьи нервы требуют тишины.

— Таковую малышку не очень-то заставишь молчать, — возразила Таппенс. — Это противоестественно. Если ребенок не шумит, значит, у него что-нибудь не в порядке.

— Ерунда! Ерунда! Нелепое современное воспитание! — забрюзжал мистер Кейли. — Детям нельзя разрешать делать то, что им хочется. Ребенка надо приучать сидеть тихо — нянчить куклу, читать книжку и так далее.

— Но Бетти нет еще трех лет, — с улыбкой возразила Таппенс. — Можно ли требовать, чтобы она уже умела читать?

— Все равно что-то надо сделать. Я переговорю с миссис Перенной. Сегодня, например, девочка запела уже в семь часов утра, еще лежа в кровати. Я всю ночь не спал, задремал только под утро, и шум, конечно, сразу же разбудил меня.

— Почему бы вам не поехать в частную лечебницу? — спросила Таппенс.

— Это дорого, сударыня, да и обстановка там неподходящая: больничная атмосфера угнетающе действует на мое подсознание.

— Врач рекомендовал нам приятное общество, нормальную жизнь, — пояснила миссис Кейли. — Он сказал, что нам лучше не снимать загородный дом, а поселиться в пансионе: там мистер Кейли будет свободен от забот и сможет обмениваться мыслями с другими людьми.

— Кстати, по поводу обмена мыслями, — ловко переменяла тему Таппенс. — Мне страшно интересно, что вы думаете о жизни в Германии. Вы как-то сказали, что в — последние годы часто бывали там. Мне хотелось бы знать точку зрения такого опытного, повидавшего мир человека, как вы. Расскажите нам, как же на самом деле живут немцы.

Мистер Кейли немедленно клюнул на приманку и разразился длинным монологом, лишь изредка перемежавшимся возгласами Таппенс: «Ах, как интересно!» и «Какой вы тонкий наблюдатель!» Однако на этот раз она слушала с непритворным вниманием: ободренный сочувствием слушательницы, мистер Кейли показал себя явным поклонником нацизма и чуть ли не в открытую заявил, что Германии и Англии было бы лучше не воевать друг с другом, а объединиться в борьбе против остальной Европы. Конец монологу, длившемуся почти два часа, положило лишь возвращение мисс Минтон и Бетти, сжимавшей в объятиях целлулоидную утку. Таппенс подняла глаза и уловила на лице миссис Кейли странное, трудно определимое выражение. Оно могло означать вполне извинительную ревность жены к другой женщине, завладевшей вниманием ее мужа, а могло объясняться и тревогой за мистера Кейли, чересчур откровенно изложившего свои политические взгляды.

Обитатели «Сан-Суси» сидели за чаем, когда из Лондона вернулась миссис Спрот.

— Надеюсь, Бетти вела себя хорошо и никого не беспокоила? Ты была хорошей девочкой, Бетти? — немедленно осведомилась она.

Затем миссис Спрот уселась за стол и выпила несколько чашек чая, перемежая чаепитие вдохновенным повествованием о сделанных в Лондоне, покупках и давке в поезде. С ней в вагоне ехал один солдат, побывавший во Франции. Он рассказывал ее соседям очень интересные вещи. А продавщица в галантерейном магазине сказала ей, что вскоре введут норму на чулки.

Словом, застольная беседа носила совершенно обычный характер. Продолжена она была на веранде, так как выглянуло солнце и утренний дождь отошел в область предания. Бетти радостно суетилась вокруг веранды, совершая таинственные вылазки в кусты, откуда возвращалась с пригоршней лавровых листьев или камешков, которые она тут же клала на колени кому-нибудь из собеседников и что-то невразумительно объясняла. К счастью, игра не требовала участия взрослых, и они отделялись подобающими случаю возгласами: «Ах, как красиво, детка!», «Да что ты говоришь!» — и так далее.

Едва ли когда-нибудь вечер в «Сан-Суси» проходил спокойнее и

невиннее, чем в этот раз. Болтовня, сплетни, различные предположения о ходе войны.

Неожиданно миссис Спрот спохватилась и взглянула на часы.

— Боже мой, скоро семь! Ребенку давно пора спать. Бетти! Бетти!

Взрослые только сейчас заметили, что девочка уже довольно давно не появлялась на веранде.

— Бетти! — с возрастающим нетерпением звала миссис Спрот. — Куда она делась?

— Можете не сомневаться: затевается шалость, — с басистым смешком заявила миссис О'Рорк. — Если ребенок притих, значит, сейчас напроказничает.

— Бетти! Иди сюда!

Ответа не последовало, и миссис Спрот с раздражением встала.

— Придется искать. Не понимаю, куда она запропастилась.

Мисс Минтон предположила, что Бетти где-нибудь спряталась, а Таппенс, вспомнив свое детство, посоветовала посмотреть на кухне. Но Бетти не оказалось ни в доме, ни во дворе. Женщины обыскали весь сад, заглянули во все комнаты. Ребенка нигде не было.

— Скверная девочка! — рассердилась миссис Спрот. — Скверная! Как вы думаете, она не убежала на дорогу?

Вдвоем с Таппенс они вышли за ворота и оглядели склоны холма. Нигде ни души. Только у дверей дома напротив стоит, опираясь на велосипед, рассыльный из лавки и разговаривает с горничной. По совету Таппенс, они с миссис Спрот перешли через дорогу, и встревоженная мать спросила рассыльного и горничную, не видел ли кто из них маленькой девочки. Оба покачали головами, но горничная вдруг спохватилась:

— На ней было зеленое платьице в клеточку?

— Да, да, — нетерпеливо подтвердила миссис Спрот.

— Я видела ее. С полчаса назад она шла вниз по дороге с какой-то женщиной.

— С женщиной? С какой женщиной? — удивленно переспросила миссис Спрот.

— Как вам сказать? — растерялась горничная. — По-моему, с иностранкой — уж больно вид у нее необычный: одета не по-людски, на голове не шляпа, а что-то вроде шали, а лицо такое странное. Я ее уже пару раз видела и, правду сказать, еще тогда подумала, что она малость не в себе.

Таппенс внезапно вспомнила лицо, выглядывавшее днем из кустов, и предчувствие, которое тогда охватило ее. Она никак не предполагала, что

незнакомку может интересовать Бетти. Непонятно... Однако долго раздумывать Таппенс не пришлось — миссис Спрот в полуобморочном состоянии чуть ли не свалилась ей на руки.

— Бетти, дитя мое!.. Ее похитили! Эта женщина... Кто она? Цыганка? Таппенс энергично замотала головой.

— Нет, она блондинка, очень светлая блондинка. Лицо круглое, скуластое, глаза голубые, широко расставленные. — И, увидев, что миссис Спрот остолбенело уставилась на нее, поспешно объяснила: — Я видела эту женщину днем — она выглядывала из кустов в саду. Я еще раньше заметила, что она шатается вокруг «Сан-Суси». С ней однажды разговаривал фон Дайним. Да, да, по-моему, это она.

— Боже! — простонала миссис Спрот. — Что мне делать?

— Прежде всего — домой, — обняла ее Таппенс. — Выпьете капельку бренди, успокоитесь, а потом позвоним в полицию. Все будет хорошо. Мы найдем Бетти.

— Не представляю себе, как могла Бетти пойти с чужим человеком, — растерянно твердила миссис Спрот, покорно следуя за Таппенс.

— Она еще маленькая, поэтому и не боится людей, — ответила Таппенс.

— Эта ужасная женщина наверняка немка. Она убьет мою Бетти, — всхлипнула миссис Спрот.

— Глупости! — оборвала ее Таппенс. — Все будет хорошо. Я думаю, эта женщина просто ненормальная.

Но она ни на секунду не верила собственным словам. Такая спокойная светловолосая женщина — и вдруг, — душевнобольная, невменяемая? Быть не может! Карл! Знает ли он о случившемся? Неужели он причастен к похищению?

Но уже через несколько минут Таппенс вновь усомнилась в справедливости своих подозрений. Исчезновение Бетти потрясло Карла фон Дайнима не меньше, чем остальных постояльцев. Он не верил своим ушам и, казалось, был совершенно ошеломлен. Как только факты были установлены, майор Блетчли взял дело в свои руки.

— Полно, полно, сударыня! — остановил он плачущую миссис Спрот. — Садитесь, выпейте капельку бренди — это вам не повредит. А я немедленно свяжусь с полицией.

— Постойте, — охнула миссис Спрот. — Может быть, в комнате...

Она вскочила, взбежала по лестнице и ринулась по коридору к себе в номер. А еще через минуту на лестничной площадке вновь раздался топот бегущих ног. Миссис Спрот, как сумасшедшая, слетела с лестницы и

вцепилась в руку майора Блетчли, который уже взялся за телефонную трубку.

— Нет, нет! Не надо! — задыхаясь, бросила она. Все столпились вокруг нее. Наконец она взяла себя в руки и протянула собравшимся какую-то бумажку.

— Я нашла эту записку у себя в комнате на полу. Ее обернули вокруг камня и бросили в окно.

Томми взял бумажку и развернул ее. Размашистый, крупный, но неуклюжий почерк — видно, что писал не англичанин.

«Ваш ребенок в надежном месте. Когда будет нужно, мы сообщим, что вы должны сделать. Если обратитесь в полицию, ребенок будет убит. Никому ни слова. Ждите указаний. В противном случае...»

Вместо подписи череп и кости.

Все заговорили одновременно. «Грязные убийцы!» — загремела миссис О'Рорк. «Негодяи!» — отозвалась Шейла Перенна. «Немыслимо! Немыслимо! Не верю ни единому слову. Дикая, безобразная шутка!» — взорвался мистер Кейли. «Бедная крошка!» — взвизгнула мисс Минтон. «Это просто невероятно», — пробормотал Карл фон Дайним.

— Вздор и чушь! — перекрывая общий хор, зычно отрезал Блетчли. — Вас пытаются запугать. Надо немедленно заявить в полицию. Там быстро во всем разберутся.

С этими словами он вновь направился к телефону, но его остановил вопль потрясенной матери:

— Они убьют ее.

— Чепуха! Не посмеют.

— Нет, нет, не звоните! Я ее мать, я и решаю.

В холле раздались шаги, и вошла раскрасневшаяся миссис Перенна. Очевидно, она очень торопилась, взбираясь на холм.

— Что тут стряслось? — спросила она властным, повелительным голосом. Это была уже не любезная хозяйка пансиона, а просто сильная, решительная женщина.

Ей объяснили, что произошло. Объясняли путано, наперебой, но она сразу ухватила суть дела.

— Полиция? Здесь она не поможет, — категорическим тоном объявила она. — Власти наделают глупостей, а рисковать мы не имеем права. Возьмите закон в свои руки. Ищите ребенка сами.

— Хейдок! — воскликнул Блетчли. — Вот кто нам поможет — у него

есть машина. Так вы говорите, у этой женщины необычный вид? К тому же она иностранка? Значит, ее обязательно заметят, а это след, по которому мы и пойдем. Едете, Медоуз?

Миссис Спрот встала.

— Я с вами.

— Полно, сударыня! Предоставьте это нам.

— Я еду с вами.

— Ну что ж... — уступил майор, пробормотав не очень внятную фразу насчет того, что самки всегда опаснее самцов.

Оценив обстановку с быстротой истого моряка, Хейдок, немедленно усадил всех в машину. Томми расположился рядом с капитаном. На заднем сиденье поместились Блетчли, Таппенс и миссис Спрот, ни на шаг не отпуская от себя миссис Бленкенсоп, которая к тому же, если не считать Карла фон Дайнима, была единственной из постояльцев, кто знал в лицо таинственную похитительницу.

Хейдок все делал быстро — и соображал, и действовал. Он мгновенно заправил бак бензином, сунул Блетчли карту графства и еще более крупномасштабную карту самого Лихемптона и уже готов был тронуться, как вдруг миссис Спрот спохватилась и побежала к себе наверх — вероятно, за пальто. Однако когда она села в машину и автомобиль понесся вниз по холму, миссис Спрот приоткрыла сумочку и показала Таппенс маленький пистолет.

— Я взяла это в комнате майора Блетчли, — тихо сказала она. — Я вспомнила: он как-то на днях говорил, что у него есть пистолет.

— Но, вы же не собираетесь... — нерешительно начала Таппенс.

— Он может пригодиться, — перебила миссис Спрот, и тонкие ее губы сжались.

Таппенс сидела и удивлялась, какой поразительной силой материнство наделяет даже самую обыкновенную, заурядную женщину. В нормальной обстановке миссис Спрот ни за что не притронулась бы к пистолету — ах, она так ужасно боится огнестрельного оружия. А сейчас — Таппенс не сомневалась в этом — она, глазом не моргнув, пристрелит человека, покусившегося на ее ребенка.

Хейдок предложил прежде всего заехать на вокзал. Последний поезд ушел из Лихемптона минут двадцать тому назад. Не исключено, что беглецы уехали именно этим поездом. На вокзале группа разделилась: Хейдок взял на себя перронного контролера, Томми — кассира, Блетчли — носильщиков. Таппенс и миссис Спрот зашли в дамскую комнату: может быть, незнакомка заходила туда перед отъездом, чтобы переодеться и

несколько изменить свой внешний вид.

Поиски не дали никаких результатов. Задача усложнялась. Где искать? По всей вероятности, предположил Хейдок, похитительницу ожидала машина, и женщина, уговорив Бетти пойти с нею, немедленно посадила девочку в автомобиль и уехала. В ответ Блетчли заявил, что именно поэтому и надо заручиться содействием такого учреждения, как полиция: она немедленно разошлет запросы во все концы страны и перекроет дороги.

В эту минуту к ним подошел маленький робкий человечек в пенсне и, запинаясь, проговорил:

— Простите... Не считите за обиду, но я случайно слышал, о чем вы расспрашивали носильщика. (Человечек повернулся к майору Блетчли.) О, не подумайте, я не подслушивал... Просто зашел справиться насчет посылки — сейчас посылки идут удивительно долго. Конечно, я понимаю — переброска войск, но все же очень досадно, когда они пропадают — я имею в виду посылки... Так вот, я случайно слышал... Право, удивительное совпадение...

Миссис Сирот рванулась вперед и вцепилась в человечка.

— Вы видели ее? Вы видели мою девочку?

— Так это ваша девочка? Ну, кто бы подумал!

— Пожалуйста, расскажите нам все, что вы видели, — вмешалась Таппенс. — И как можно быстрее. Мы будем вам крайне признательны.

— Разумеется, я мог и ошибиться. Однако приметы так совпадают с вашим описанием...

Таппенс чувствовала, как дрожит миссис Сирот, но сама старалась казаться спокойной и неторопливой. Ей знаком этот тип людей. Суетливые, робкие, они не способны сразу перейти к делу. Если их подгонять, они путаются еще больше.

— Пожалуйста, расскажите все, что вам известно, — попросила она.

— Да ведь я только... Кстати зовут меня Роббинс, Эдвард Роббинс.

— Да, мистер Роббинс?

— Я живу в Уайтуэйзе, на Эрнз Клиффроуд — знаете, новые дома на новом шоссе. Там селятся все больше такие, как я, — скромные труженики, сумевшие кое-что скопить. Все удобства, прекрасный вид, до холмов рукой подать. — Взгляд Таппенс принудил к молчанию майора Блетчли, уже готового взорваться.

— И вы видели девочку, которую мы ищем? — спросила она.

— Да, и, по-моему, это именно ваша девочка. Вы говорите, с ней была какая-то иностранка? Так вот, на нее-то я и обратил внимание. Нянька или

горничная, решил было я. Но ведь шпионы особенно часто пробираются к нам как раз под видом прислуги. А женщина эта выглядела очень уж необычно. Шла она вон туда, в направлении холмов, и вела с собой девочку. Вид у малышки был утомленный, она еле тащилась, а ведь было уже половина восьмого — в это время дети обычно спят. Словом, я начал присматриваться к женщине. Мне показалось, это встревожило ее. Она ускорила шаги, таща за собой девочку, но в конце концов взяла ее на руки и начала по тропинке взбираться на скалу. Это меня тоже смутило: там, знаете ли, ни одного дома до самого Уайтхевена, а это миль пять по холмам. Для любителей ходить пешком — приятная прогулка. Но в данном случае мне это показалось подозрительным. Не собирается ли она кому-нибудь подать сигналы, подумал я. Сейчас ведь только и слышишь о происках врага, а этой женщине явно стало не по себе, когда она заметила, что я слежу за нею.

Капитан Хейдок уже сидел в машине и включил зажигание.

— Значит, это было на Эрнз Клиффроуд? — спросил он. — Как раз на другом конце города, так?

— Так. Поедете по эспланаде, минуете старый город, потом прямо...

Остальные, не дослушав мистера Роббинса, тоже вскочили в автомобиль.

— Благодарю, мистер Роббинс, — крикнула Таппенс, и машина умчалась. Человечек, разинув рот, долго смотрел ей вслед.

Хейдок и его спутники вихрем пронеслись через город, избежав аварии скорее благодаря счастливой случайности, чем водительским талантам капитана. Удача по-прежнему сопутствовала им. В конце концов они влетели в новый квартал, где от шоссе ответвлялось несколько улиц, проложенных в направлении холмов и круто обрывавшихся у их подножия. Третья по счету из этих улиц и оказалась Эрнз Клиффроуд.

Хейдок ловко повернул и поехал по ней, но она вскоре уперлась в нагой склон холма. Дальше, к вершине, вела лишь извилистая тропа.

— Нам, пожалуй, лучше вылезти и пойти пешком, — предложил Блетчли.

— Попробуем въехать, — поколебавшись, решил Хейдок. — Грунт достаточно твердый, хоть и ухабистый. Но, думаю, машина выдержит.

— Да, да, пожалуйста, поедem, — взмолилась миссис Спрот. — Надо спешить.

Машина надсадно ревела, зарываясь колесами в землю, но все-таки благополучно выбралась на вершину холма. Оттуда отлично просматривалась вся местность до самой уайтхевенской бухты.

— Недурно придумано! — заметил Блетчли. — При необходимости эта женщина могла бы переждать ночь, а утром добраться до Уайтхевена и сесть там в поезд.

— Пока что я никого не вижу, — бросил Хейдок.

Он встал с сиденья и смотрел в бинокль, который предусмотрительно захватил с собой. Внезапно тело его напряглось: в поле зрения бинокля появились две крошечные движущиеся точки.

— Ей-богу, они!

Капитан плюхнулся на сиденье, и машина рванулась вперед. Теперь исход погони был предreshен. Преследователей непрерывно подбрасывало, мотало из стороны в сторону, но они быстро настигали беглянок. Две маленькие точки все отчетливей превращались в человеческие фигуры — высокую и низенькую. Еще минута, и седоки увидели женщину, державшую за руку девочку, еще мгновение, и они разглядели зеленое платье в клеточку. Бетти.

У миссис Спрот вырвался сдавленный стон.

— Теперь все в порядке, моя дорогая, — потрепав ее по плечу, сказал Блетчли. — Мы их нагнали.

Они мчались вперед. Внезапно женщина обернулась и увидела приближающийся автомобиль. Она вскрикнула, подхватила ребенка на руки и бросилась бежать. Но не вперед, а к обрыву.

Через несколько ярдов машину пришлось остановить — почва стала слишком неровной. Миссис Спрот выпрыгнула первой и, не помня себя, кинулась в погоню. Остальные последовали за ней. Когда между ними и незнакомкой осталось ярдов двадцать, не больше, женщина обернулась, готовая защищаться. Бежать ей было некуда — она стояла на самом краю обрыва. С хриплым воплем она еще крепче прижала к себе ребенка.

— Боже мой, да она сейчас бросит девочку вниз! — вскрикнул Хейдок.

Женщина не шевелилась. Лицо ее было искажено ненавистью. Она хрипло бросила какую-то длинную фразу, которую никто не понял, и опять застыла, прижав к себе ребенка и время от времени поглядывая на пропасть, зиявшую у ее ног.

Всем стало ясно: она угрожает сбросить Бетти со скалы.

Преследователи в ужасе приросли к месту — любое их движение лишь ускорит катастрофу. Хейдок сунул руку в карман и выхватил револьвер армейского образца.

— Отпустите ребенка, или буду стрелять! — загремел он.

Иностранка только рассмеялась и еще крепче прижала девочку к

груди. Они словно срослись.

— Не могу стрелять — боюсь попасть в ребенка, — пробормотал Хейдок.

— Она сумасшедшая, — негромко сказал Томми. — Она сейчас прыгнет вниз вместе с девочкой.

— Не могу... — беспомощно повторил Хейдок.

В этот миг грохнул выстрел. Женщина качнулась и упала, не выпуская девочку из рук. Мужчины ринулись вперед. Миссис Спрот шаталась. Глаза ее были широко раскрыты, рука сжимала дымящийся пистолет. Наконец, неверными шагами, двинулась вперед и она.

Томми уже опустился на колени рядом с упавшими. Он осторожно повернул женщину и взглянул ей в лицо, «Какая странная, дикая красота!» — мелькнуло у него в голове. Незнакомка открыла глаза, посмотрела на Томми, и зрачки ее потускнели. Она чуть слышно вздохнула и умерла: пуля пробила ей голову.

Маленькая Бетти Спрот, целая и невредимая, выкарабкалась из объятий женщины и побежала к матери, застывшей как статуя.

Только теперь силы окончательно оставили миссис Спрот. Она отшвырнула пистолет, рухнула на колени и прижала к себе девочку.

— Жива, жива!.. Ах, Бетти, Бетти! — всхлипнула она и глухим испуганным шепотом спросила: — Я... Я убила ее?

— Не надо думать об этом. Не надо, — твердо сказала Таппенс. — Думайте о Бетти, только о ней.

Миссис Спрот, рыдая, обнимала ребенка. Таппенс отошла в сторону и присоединилась к мужчинам.

— Форменное чудо! — восторгался Хейдок. — Мне бы такого выстрела не сделать. Прямо не верится, что эта женщина впервые взялась за пистолет. Вот что значит инстинкт. Чудо да и только!

Глава восьмая

Заседание следственного суда состоялось несколько дней спустя. За это время полиция установила личность убитой, которая оказалась польской эмигранткой Вандой Полонской.

Сразу после драматической сцены на холме Бетти и миссис Спрот, пребывавшая в полубессознательном состоянии, были доставлены в «Сан-Суси», где грелки, крепкий чай, всеобщее сочувственное любопытство и, наконец, основательная доза бренди быстро поставили на ноги совершенно ошеломленную героиню дня.

Капитан Хейдок немедленно снесся с полицией и лично проводил ее представителей на место трагедии. В другое время газеты уделили бы ей не одну полосу. Но сейчас, когда с фронта приходили все более тревожные известия, о ней упомянули лишь в небольшой заметке.

Таппенс и Томми понимали, что им придется выступать на суде. Поэтому, опасаясь, что репортерам придет фантазия сфотографировать основных свидетелей, мистер Медоуз имел неосторожность повредить себе глаз и был вынужден надеть повязку, сделавшую его почти неузнаваемым. Лицо миссис Бленкенсоп исчезло под необъятной шляпой.

Заседание суда началось с опознания погибшей, произведенного некоей миссис Кафонт, дамой с тонкими губами и пронзительным взглядом, которая в течение нескольких месяцев работала в комитете помощи эмигрантам.

Она показала, что Полонская приехала в Англию со своим двоюродным братом и его женой, единственными — насколько ей известно — родственниками покойной. По ее мнению, Полонская была не совсем нормальной. Судя по словам Полонской, она пережила в Польше много ужасного: вся ее семья, в том числе дети, были перебиты немцами. Полонская отнюдь не выказывала признательности за то, что для нее делалось, была молчалива и подозрительна, часто разговаривала сама с собой, словом, проявляла признаки душевного расстройства. Ей подыскали место прислуги, но она вот уже несколько недель как ушла от хозяев, не предупредив их заранее и не отметившись в полиции. Она — факт труднообъяснимый — видимо, располагала также значительной суммой денег. Не исключено, что она была вражеским агентом и лишь симулировала ненормальность.

Затем была вызвана миссис Спрот, которая тут же разразилась

рыданиями.

— Это так ужасно! — всхлипывала она. — Так ужасно сознавать, что ты убил человека! Я не хотела этого, мне такое даже в голову не приходило, но вы же понимаете — дело шло о Бетти. Эта женщина, решила я, сейчас сбросит ее с обрыва. Я должна была этому помешать, я... Боже мой, я сама не знаю, как все получилось.

— Вы умеете обращаться с огнестрельным оружием?

— Что вы! Правда, я несколько раз держала в руках ружье — на ярмарках, в тире. Но я никогда не попадала в цель. Боже мой, у меня такое чувство, словно я в самом деле убийца.

Коронер успокоил ее и спросил, состояла ли она в каких-нибудь отношениях с покойной.

— Ах, нет! В жизни ее не видела. По-моему, она была просто сумасшедшая — ведь она даже не знала ни меня, ни Бетти.

Следующим вызвали Хейдока. Он рассказал о мерах, принятых им для розыска похитительницы, и о том, что произошло дальше.

— Вы уверены, что женщина готова была броситься с обрыва?

— Да. Она бы или сбросила вниз ребенка, или сама прыгнула вместе с ним. Вид у нее был такой, словно она совершенно обезумела от ненависти. Нужно было действовать. Я хотел уже выстрелить сам, чтобы ранить ее, но она прикрывалась ребенком, как щитом. А миссис Спрот рискнула и сумела спасти жизнь своей малышке.

Показания миссис Бленкенсоп были краткими — она лишь подтвердила показания капитана Хейдока.

Настала очередь мистера Медоуза.

— Вы согласны с тем, как осветили события капитан Хейдок и миссис Бленкенсоп?

— Да, согласен. Эта женщина безусловно была в таком неменяемом состоянии, что никого не подпустила бы к себе. Она готова была броситься вниз вместе с ребенком.

На этом допрос свидетелей закончился. Коронер разъяснил присяжным, что Ванда Полонская пала от руки миссис Спрот при обстоятельствах, полностью оправдывающих последнюю. Суд не располагает какими-либо данными относительно психического состояния погибшей. Возможно, что ею руководила ненависть к Англии. Что же касается мотивов, побудивших покойную похитить ребенка, то о них можно только догадываться. Не исключено, что это мотивы патологического характера. Полонская, по ее собственным словам, пережила у себя на родине много ужасного, и это, вероятно, помutilо ее

рассудок. С другой стороны, она, конечно, могла быть и вражеским агентом. Приговор, вынесенный присяжными, соответствовал выводам коронера.

На другой день после луда миссис Бленкенсоп и мистер Медоуз встретились для обмена мнениями.

— Ванда Полонская сошла со сцены, и мы опять в тупике, — угрюмо констатировал Томми.

— Да, — кивнула Таппенс. — Всякие следы исчезли. После нее не осталось ничего — ни документов, ни сведений о том, с кем она общалась и откуда у нее появились деньги.

— Здорово работают, — вздохнул Томми и добавил: — Знаешь, Таппенс, не нравится мне, как обстоят дела.

Таппенс согласилась. Сводки в самом деле далеко не утешительные. Французская армия отступает, и ясно, что падение Парижа — вопрос нескольких дней.

— Кое-что мы все-таки сделали, — напомнил Томми.

— Карл фон Дайним и Ванда Полонская? Мелочь!

— Ты думаешь, они работали вместе?

— Думаю, что да, — задумчиво ответила Таппенс. — Вспомни: я застала их, когда они разговаривали.

— Значит, историю с похищением подстроил Карл фон Дайним?

— По-моему, он.

— Но зачем?

— В этом-то все дело, — согласилась Таппенс. — Ничего не могу придумать. Похищение кажется совершенно бессмысленным.

— Почему понадобилось похищать именно этого ребенка? Кто такие Сироты? Денег у них нет — значит, дело не в выкупе. Ни муж, ни жена на государственной службе не состоят.

— Знаю, Томми. Во всем этом нет никакого смысла.

— А что предполагает сама миссис Спрот?

— У этой женщины цыплячьи мозги, — презрительно сказала Таппенс. — Ни о чем она не думает. Просто заявляет, что от злодеев немцев другого и ждать не приходится.

— Дура! — пожал плечами Томми. — Немцы — люди дела. Если уж они посылают своего агента похищать ребенка, значит им это нужно.

— Понимаешь, — сказала Таппенс, — у меня такое чувство, что миссис Спрот могла бы сообразить что к чему, если бы только дала себе труд подумать. Должны же быть какие-то причины — ну, скажем, сведения, которые случайно попали к ней, хотя сама она, может быть, об этом и не

подозревает.

— «Никому ни слова. Ждите указаний», — процитировал Томми фразу из записки, найденной миссис Спрот на полу у себя в номере. — Но в этих-то словах, черт побери, есть смысл!

— Конечно есть. Должен быть. Могу предположить только одно: миссис Спрот или ее мужу что-то дали на сохранение — дали, вероятно, потому, что они совершенно незаметные, заурядные люди, которых никто не заподозрит в хранении этого предмета, каков бы он ни был.

— А ты просила миссис Сирот чуточку пошевелить мозгами?

— Просила, но ее, к сожалению, все это нисколько не интересует. Ей нужно было вернуть Бетти, а теперь она закатывает истерики — ах, она застрелила человека!

— Женщины — странные создания! — вслух размышлял Томми. — В тот день миссис Спрот была похожа на разъяренную фурию и хладнокровно, даже глазом не моргнув, перестреляла бы целый полк, лишь бы вернуть своего ребенка. А потом, когда ей чудом удастся убить похитительницу, она выходит из строя и ей делается дурно при одном воспоминании о случившемся.

— Коронер полностью оправдал ее, — сказала Таппенс.

— Естественно. Но я на ее месте, ей-богу, не рискнул бы выстрелить.

— Она тоже, наверно, не рискнула бы, если бы хоть немного умела стрелять, — отозвалась Таппенс. — Но она не представляла себе, как трудно попасть в цель при таких условиях, и это помогло ей.

— Совсем как в Библии, — сказал Томми. — Давид и Голиаф.

— Ой! — вскрикнула Таппенс.

— Что-нибудь случилось, старушка?

— Нет. Просто, когда ты это сказал, у меня в голове мелькнула какая-то мысль. А теперь она исчезла.

— Не велика беда, — съязвил Томми.

— Напрасно иронизируешь. Такое бывает с каждым. Нет, погоди, что же это было?.. Кажется, что-то связанное с Соломоном.

— Кедры? Храм? Куча жен и наложниц?

— Помолчи! — оборвала его Таппенс, зажимая уши руками. — Так мне и вовсе не вспомнить.

— Евреи? Колена израильские? — Подбодрил ее Томми.

Таппенс только покачала головой. Помолчав минуту-другую, она сказала:

— Интересно, кого все-таки напомнила мне эта женщина?

— Покойная Ванда Полонская?

— Да. В первый же раз, когда я увидела ее, мне почудилось в этом лице что-то знакомое.

— Ты думаешь, что где-то уже встречалась с ней?

— Нет. Я уверена, что мы не встречались.

— У миссис Перенны и Шейлы совершенно другой тип.

— Нет, они тут ни при чем, Томми. Кстати, об этих двух особах. Я тут долго думала... Все ломают голову над запиской — ну, над той, которую миссис Спрот нашла у себя в номере на полу, когда пропала Бетти.

— Да?

— Все эти рассказы, будто в нее завернули камень и бросили его в окно, — сущий вздор. Просто кто-то подложил ее в комнату, чтобы она сразу попала на глаза миссис Спрот. И, по-моему, подложила миссис Перенна.

— Значит, она, Карл и Ванда Полонская были в сговоре?

— Да. Ты заметил, что миссис Перенна вошла в самый критический момент? Именно она вынесла окончательное решение — не звонить в полицию. Она взяла все в свои руки.

— Значит, ты все еще считаешь, что М. — это, видимо, она?

— А ты нет?

— Пожалуй, — неуверенно протянул Томми.

— У тебя есть другая версия, Томми?

— Есть, но только ужасно фантастическая.

— Выкладывай.

— Пока не стоит. У меня нет никаких доказательств. Ровным счетом никаких. Но если я не ошибаюсь, мы имеем дело же с М., а с Н.

«Блетчли? — думал Томми. — На вид вроде бы все в порядке. В чем его можно упрекнуть? Типичный англичанин, слишком даже типичный, и к тому же сам хотел позвонить в полицию. Да, но возможно и другое: он прекрасно знал, что мать ребенка ни за что не согласится. Записка с угрозами дала ему полную уверенность в этом, и он мог позволить себе защищать противоположную точку зрения...»

Эти размышления вновь подвели Томми к неотвязному и мучительному вопросу, на который он все еще не находил ответа.

Зачем было похищать Бетти Спрот?

У ворот «Сан-Суси» стояла машина с надписью «Полиция», однако Таппенс, поглощенная своими мыслями, не обратила на нее внимания. Она свернула в аллею, вошла в холл и сразу поднялась к себе, но на пороге остановилась как вкопанная: у окна, повернувшись к ней лицом, стояла высокая девушка.

— Боже мой! — воскликнула Таппенс. — Вы, Шейла?

Девушка подошла к ней, Таппенс отчетливо видела каждую черточку ее бледного трагического лица и сверкающие голубые глаза.

— Я так рада, что вы пришли. Я ждала вас, — сказала Шейла.

— Что случилось?

— Карла арестовали, — ответила девушка ровным голосом.

— О господи! — охнула Таппенс, чувствуя, что сейчас она отнюдь не на высоте положения. Спокойный голос Шейлы ни на минуту не обманул Таппенс: она отлично понимала, что кроется за этим спокойствием. Сообщники они или нет, но девушка любит Карла фон Дайнима, у Таппенс защемило сердце: как жаль это юное создание с таким трагическим лицом!

— Что мне делать? — спросила Шейла.

— Бедная девочка! — беспомощно отозвалась Таппенс.

— Его забрали. Я больше его не увижу, — сказала Шейла голосом, прозвучавшим, как надгробное рыдание, и застонала: — Что мне делать? Что мне делать?

Ноги у нее подкосились, она упала на колени около кровати и горько зарыдала.

Таппенс ласково провела рукой по черным волосам девушки.

— Может быть... Может быть, здесь ошибка, — нерешительно промолвила она. — Вполне вероятно, его просто интернируют. В конце концов, он — подданный вражеского государства.

— Полицейские говорят другое. Сейчас они обыскивают его номер.

— Ну, если там ничего не найдут... — начала было Таппенс.

— Конечно, ничего не найдут. Что там может быть?

— Не знаю. По-моему, вам виднее.

— Мне?

Презрительное изумление Шейлы было таким неподдельным, что все подозрения Таппенс мгновенно рассеялись. Девушка не может быть сообщницей Карла, она ничего не знала и не знает.

— Если он невиновен... — опять начала Таппенс.

— Какое это имеет значение? — перебила ее Шейла. — Полиции ничего не стоит состряпать любое дело.

— Глупости, дитя мое! — оборвала ее Таппенс. — Так не бывает.

Шейла посмотрела на собеседницу долгим недоверчивым взглядом. Потом сказала:

— Хорошо. Раз вы так считаете, я верю вам.

Таппенс стало неловко.

— Вы слишком доверчивы, Шейла, — бросила она. — Возможно, вы

поступили неосмотрительно, доверяясь Карлу.

— Значит, вы тоже против него? Я думала, он вам нравится. Он сам тоже так думал.

До чего же трогательны эти юнцы! Они верят, что все к ним расположены. А ведь это правда — Карл ей нравился.

— Послушайте, Шейла, — устало сказала Таппенс. — Нравится человек или не нравится — это одно, а факты — другое. Наша страна ведет войну с Германией. Есть много способов служить своему отечеству. Один из них состоит в том, чтобы добывать сведения... за линией фронта. Для такой работы нужна смелость: если вы попадетесь... — голос ее дрогнул, — вам конец.

— Значит, по-вашему, Карл... — начала Шейла.

— Служит своей родине именно таким способом... Но ведь и это не исключено, верно?

— Нет, исключено, — отрезала Шейла и направилась к двери: — Ясно. Сожалею, что обратилась к вам за помощью.

— Но что же я могу сделать для вас, милая девочка?

— У вас есть связи. Ваши сыновья в армии и флоте, и вы не раз говорили, что они знакомы с влиятельными людьми. Я надеялась, что вы попросите их сделать... хоть что-нибудь сделать.

Таппенс подумала о своих мифических отпрысках — Дугласе, Раймонде и Сириле.

— Боюсь, они ничем вам не помогут, — ответила она.

— Значит, надеяться нам не на что. Карла возьмут и посадят в тюрьму, а потом на рассвете поставят к стенке и расстреляют. И на этом все кончится, — с высоко поднятой головой пылко произнесла Шейла и вышла, захлопнув дверь.

«Ох уж эти ирландцы, будь они прокляты! — думала Таппенс, обуреваемая самыми противоречивыми чувствами. Откуда у них эта ужасная способность все поворачивать так, что голова у тебя начинает кругом идти? Если Карл фон Дайним шпион, он заслуживает расстрела. На этом я должна стоять, а не поддаваться девчонке, как бы она ни обольщала меня своим ирландским голосом, доказывая, что на моих глазах трагически гибнет герой и мученик!»

И в то же время Таппенс хотелось, ах, как хотелось, чтобы Карл оказался невиновен.

Но как на это надеяться, зная то, что знает она?

Рыбак, сидевший в конце Старой пристани, забросил удочку и начал неторопливо сматывать леску.

— Боюсь, что дело ясное, — сказал он.

— Честно признаюсь, жаль, — отозвался Томми. — Он... В общем, он славный парень.

— Так оно и бывает, друг мой. Работать за линию фронта идут не трусы, не тыловые крысы, а смелые люди. Мы это знаем на собственном опыте. Но вина его доказана — ничего не попишешь.

— Значит, никаких сомнений?

— Никаких. Среди его записей с химическими формулами обнаружен список сотрудников завода, подозреваемых в пронацистских настроениях, — ой собирался их прощупать. Найдены также план диверсионных актов и рецептура удобрений, которые, если бы их пустили в дело, уничтожили бы посевы на большой площади. А это как раз по части нашего мистера Карла.

Проклиная в душе Таппенс, которая взяла с него слово заговорить об этом, Томми неохотно пробормотал:

— А не могло получиться так, что ему просто подсунули всю эту чертовщину?

Губы мистера Гранта искривила демоническая улыбка.

— Понятно! Это идея вашей жены?

— М-м, как вам сказать? В общем, да.

— Что ж, он интересный парень, — снисходительно заметил Грант и продолжал: — Нет, если говорить серьезно, такая возможность практически исключена. У него, кстати, был и запас чернил для тайнописи, а это уже веская улика. И не похоже, чтобы чернила были ему подброшены. Они не стояли у него на умывальнике в пузырьке с надписью: «Принимать по мере надобности». Нет, он их чертовски ловко запрятал. С таким приемом мы столкнулись лишь однажды — тогда это были жилетные пуговицы. Их пропитывают симпатической жидкостью, а затем, когда возникает необходимость, бросают в воду, и чернила готовы. Карл фон Дайним пользовался не пуговицами, а шнурками от ботинок. Ловко придумано!

— Погодите, погодите!..

В голове Томми промелькнула какая-то мысль. Туманное, расплывчатое воспоминание...

Таппенс оказалась куда сообразительнее. Не успел он пересказать ей свой разговор с Грантом, как она сразу же все поняла.

— Шнурки от ботинок? Томми, да ведь это же все объясняет!

— Что — все?

— История с Бетти, идиот! Разве ты не помнишь, какую странную

вещь она сделала однажды у меня в комнате? Вытащила шнурки из ботинок и засунула в стакан с водой. Я еще удивилась тогда, как она до этого додумалась. Теперь я понимаю: она видела, как то же самое проделывал Карл, и начала подражать ему. Он рисковал слишком многим — девочка могла невольно выдать его; вот он и сговорился с той женщиной, что она похитит Бетти.

— Итак, с этим ясно, — сказал Томми.

— Да. Хорошо, когда все становится на свое место — можно сделать еще шаг вперед.

Наступили тяжелые времена. К изумлению и отчаянью ошеломленных французов, их правительство неожиданно капитулировало. Неясно было, что станет с французским флотом. Берега Франции оказались в руках немцев, и над Англией нависла реальная угроза вторжения.

— Карл фон Дайним был лишь звеном в цепи, — сказал Томми. — А начинается она с миссис Перенны.

— Да, и нам нужны улики против нее. А добыть их нелегко.

— Конечно. Если она — мозг всей организации, то постарается не оставлять никаких следов.

— Значит, ты предполагаешь, что М. — это миссис Перенна?

Томми кивнул.

— Ты в самом деле считаешь, что девушка ни в чем не замешана? — помолчав, спросил он.

— Совершенно в этом уверена.

— Ну что ж, тебе виднее, — вздохнул Томми. — Но если это так, ей будет несладко. Сперва человек, которого она любит, потом — мать... Немного же останется у нее в жизни!

— Что поделаешь.

— Конечно. А что, если мы не правы и М. или Н. — кто-то совсем другой?

— Опять та же песня? — холодно оборвала его Таппенс. — Тебе не кажется, что ты принимаешь желаемое за действительное?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что ты слишком носишься с Шейлой Перенной.

— Ты мелешь вздор, Таппенс.

— Это не вздор, Томми. Она вскружила тебе голову.

— Ничего подобного, — рассердился Томми. — Просто у меня свои соображения.

— Выкладывай — какие?

— Пока еще помолчу. Посмотрим, кто из нас прав.

— Ну, а я считаю, что нам пора вплотную заняться миссис Перенной
— выяснить, где она бывает, с кем встречается, словом, все. Должно же
быть какое-то связующее звено. Скажи-ка Алберту, чтобы он взялся за нее
— и сегодня же.

— Сделай это сама. Я занят.

— Чем?

— Играю в гольф, — ответил Томми.

Глава девятая

— Как в добрые старые времена, правда, мэм? — сказал Алберт.

Он сиял от счастья. Даже теперь, перевалив далеко за тридцать и слегка располнев, Алберт остался в душе тем же романтичным мальчишкой, который работал вместе с Таппенс и Томми в давние, полные приключений дни.

— Помните нашу первую встречу? — спросил он. — Я еще тогда начищал медные ручки в шикарном отеле. Эх, и скотина был тамошний швейцар! Только и знал, что придирается ко мне. А потом появились вы и насажали мне всякой всячины про какую-то преступницу по прозвищу Шустрая Рита. Впрочем, кое-что в этой истории оказалось правдой. И с того дня я без оглядки пошел за вами, верно? Да, много всего мы пережили, пока не осели, так сказать, на месте.

Алберт перевел дух, и, воспользовавшись этим, Таппенс по естественной ассоциации осведомилась о здоровье миссис Алберт.

— Ну, с моей хозяйкой все в порядке. Пишет только, что никак не привыкнет к Уэльсу...

— Не знаю, Алберт, — перебила его Таппенс, — вправе ли мы втягивать вас в это дело.

— Глупости, мэм! — загорячился Алберт. — Разве я сам не просился на фронт? Но на призывном пункте все такие важные — со мной даже разговаривать не стали. Ждите, мол, пока призовут ваш возраст. А я — мужчина в расцвете сил, и у меня в голове одно — как бы этим, простите за выражение, сволочам немцам ребра посчитать. Газеты пишут, что нам угрожает пятая колонна. Я, конечно, не знаю, куда делись остальные четыре, но пятая так пятая... Словом, я готов любым способом помогать вам. Приказывайте.

— Тогда слушайте, что надо сделать.

Закончив партию в гольф, Томми принял предложение Хейдока и отправился к нему обедать. В «Приюте контрабандистов», как всегда, царил образцовый порядок. Высокий, средних лет слуга, прислуживавший за столом, выполнял свои обязанности с такой профессиональной ловкостью, какую обычно встретишь лишь в первоклассных лондонских ресторанах. Томми не преминул отметить этот факт, как только слуга вышел из столовой.

— Да, с Апилдором мне повезло.

— Где вы его откопали?

— Сам пришел, по объявлению. Рекомендации представил отличные, на вид был не чета тем, кто приходил наниматься до него, да и жалованье запросил довольно скромное. Я тут же его и нанял.

На веранде, за кофе, Томми словно невзначай осведомился:

— О чем это вы собирались рассказать мне в клубе? Кажется, что-то забавное насчет Блетчли?

— Да, да, вспоминаю... Послушайте, Медоуз, а почему он так вас интересует? Вам известно о нем что-нибудь дурное?

— Что вы! Конечно нет, — поспешно заверил Томми, которому оставалось теперь только сидеть и наблюдать. Рыба клюнула на приманку. Мысль капитана заработала в подсказанном ему направлении.

— Он всегда казался мне до идиотизма типичным англичанином, — сказал Хейдок.

— Вот именно.

— Ага! Понимаю. Вы хотите сказать, что он чересчур уж типичен, — задумчиво продолжал капитан. — Теперь, хорошенько поразмыслив, должен признаться, что не встречал никого, кто знал бы Блетчли до его появления здесь, — к нему никто не приезжает.

— Вот как? — отозвался Томми.

— А ну, выкладывайте, что вы о нем слышали, — потребовал Хейдок.

— Ничего, ровным счетом ничего.

— Да бросьте вы осторожничать со мной, Медоуз! До меня доходят самые разные слухи. Все они стекаются ко мне, понятно? У меня на шпионов нюх, это знает каждый. Ну, так что собирались сказать? Что Блетчли не то, чем кажется?

— Это только предположения.

— Кто же он, по-вашему? Гунн? Чепуха! Он такой же англичанин, как мы с вами.

— О, я уверен, что на этот счет у Блетчли все в порядке.

— Еще бы!.. Хотя постойте! Мне рассказывали о нем одну странную историю. Но тогда я не придавал ей значения... Ого! Что это? Вы заметили? На море сверкнул огонь. Где мой бинокль?

Капитан ринулся в дом, выскочил оттуда с биноклем, осмотрел горизонт и принялся описывать систему сигнализации, которую использует враг, для того чтобы поддерживать связь с различными точками английского побережья, хотя его утверждения явно расходились с фактами. Затем набросал мрачную картину успешного вторжения немцев, которое произойдет в самое ближайшее время.

— У нас во всем полный хаос, все разлажено. Впрочем, вы сами это знаете не хуже, чем я, Медоуз, — вы ведь состоите в корпусе добровольной гражданской обороны. Когда во главе стоит такой человек, как старик Эндрюс...

Знакомая песня! Больное место капитана Хейдока. Он убежден, что командование должно быть передано ему, и твердо решил при первой же возможности выжить полковника Эндрюса с его должности.

Слуга уже подал виски и ликеры, а Хейдок все еще разглагольствовал:

— ...А нас по-прежнему, как черви, подтачивают шпионы. Они повсюду. Та же картина, что в прошлую войну, — парикмахеры, лакеи.

«Лакей? — думал Томми, откинувшись в кресле и глядя на профиль Апплдора, сновавшего вокруг стола. — Этому парню скорее подошло бы другое имя — не Апплдор, а Фриц... Почему бы и нет? Правда, он безукоризненно говорит по-английски, но разве мало немцев владеет нашим языком? Они научились ему за долгие годы службы в английских ресторанах. Физически они тоже сильно смахивают на англичан: блондины, глаза голубые, форма черепа... Нет, форма черепа их и выдает. Кстати, где это я недавно видел точно такую же голову?»

И, повинувшись внезапному импульсу, Томми произнес вслух несколько слов, как бы развивавших очередную мысль Хейдока.

— Мы все носимся с этими проклятыми анкетами, — гремел капитан. — А какой от них толк, Медоуз? Набор дурацких вопросов...

— Знаю, знаю, — отозвался Томми. — Например: «Ваша фамилия?» Ответ — Н. или М.

Раздался звон и треск бьющейся посуды. Апплдор, идеально вышколенный слуга, оступился, и струйка мятного ликера брызнула на руку и манжету Томми.

— Простите, сэр, — пробормотал слуга.

— Идиот! Увалень проклятый! Где у вас глаза, черт побери? — взорвался Хейдок, и его красное лицо совсем побагровело от ярости. Апплдор рассыпался в извинениях. Томми стало неловко за слугу, как вдруг, словно чудом, гнев капитана испарился, и к Хейдоку вернулись его всегдашние радушие и сердечность.

— Идемте, помоемся. Мятный ликер — чертовски липкая штука.

Томми последовал за хозяином в дом и вскоре очутился в роскошной ванной, оснащенной целой кучей всяких технических новинок. Он принялся отмывать липкие сладкие пятна, а капитан, оставшийся в соседней комнате, тем временем беседовал с ним. Томми выпрямился и повернулся, чтобы вытереть руки. В то же мгновение мыло, положенное им

на раковину, соскользнуло на пол. Томми, не заметив этого, нечаянно наступил на кусок ногой.

В следующую секунду он уже выделял немыслимое балетное антраша на блестящем линолеуме. Он прокатился по всей комнате, нелепо размахивая руками, и наконец схватился одной за правый кран ванны, а другой больно стукнулся о настенный шкафчик. Не случись катастрофы с мылом, такой сложный пируэт никогда не удался бы Томми. Нога его с размаху ударилась о нижнюю панель ванны и проехала по ней. То, что последовало за этим, показалось Томми цирковым фокусом. Повернувшись на невидимой оси, ванна отошла от стены, и перед Томми открылась полутемная ниша, где стоял предмет, назначение которого угадывалось с первого взгляда. Это был радиопередатчик.

Голос капитана умолк. Хейдок внезапно появился на пороге, и в мозгу Томми все мгновенно стало на свои места. Как он был слеп! Это веселое, пышущее здоровьем лицо добродушного англичанина — только маска. Как он до сих пор не разглядел под ней истинного Хейдока — надменного, вспыльчивого офицера-пруссака? Но, слава богу, происшествие в столовой открыло ему глаза. Оно напомнило ему другой такой же случай: он видел когда-то, как прусский вояка с подлинно юнкерской грубостью отчитывал солдата. Точно так же обрушился сегодня и капитан Хейдок на своего провинившегося и растерянного подчиненного.

Все прояснилось, прояснилось, как по волшебству. Сначала противник засылает сюда Гана, который с помощью иностранных рабочих оборудует виллу и, в соответствии с заранее намеченным планом, делает все, чтобы навлечь на себя подозрения и тем самым перейти к следующему этапу операции — к разоблачению его как немецкого агента, осуществляемому бравым английским моряком Хейдоком. А затем тот — и выглядит это вполне естественно — приобретает «Приют контрабандистов» и принимается изводить всех своих знакомых рассказами о том, как досталась ему вилла. И вот уже Н. осел в указанном ему месте; морские коммуникации у него обеспечены, передатчик надежно замаскирован, штаб его располагается под рукой, в «Сан-Суси», и сам он готов претворить в жизнь немецкий план.

Все эти мысли пронеслись в мозгу Томми с быстротой молнии. Он сознавал, слишком хорошо сознавал, что ему грозит, не может не грозить смертельная опасность. Выход один — прикинуться доверчивым английским тугодумом. Он повернулся к Хейдоку и расхохотался, надеясь в душе, что смех его звучит достаточно естественно.

— Ей-богу, у вас в доме всюду сюрпризы! Что это за штука? Еще одна

выдумка Гана? В прошлый раз вы мне ее не показали.

Хейдок молча стоял в дверях, загораживая Томми дорогу. Все его крупное тело напряглось.

«Противник мне не по силам, — подумал Томми. — А тут еще этот проклятый слуга!»

Хейдок по-прежнему высился на пороге, как каменная глыба. Затем внезапно расслабил мышцы и рассмеялся.

— Чертовски занятно получилось у вас, Медоуз! Вы прокатились по полу, как балетный танцор. Такое бывает раз на тысячу. Вытирайте руки и пойдем в комнату.

Томми вышел из ванной и последовал за ним. Он держался настороже, каждый мускул его был напряжен. Теперь, когда он сделал такое открытие, ему нужно любой ценой выбраться из этого дома. Но проведет ли он Хейдока?

Голос капитана звучал достаточно естественно. Небрежно, словно невзначай (так ли?), обняв Томми за плечи, моряк провел его в гостиную, повернулся и притворил за собой дверь.

— Послушайте, старина, мне надо вам кое-что сказать, — начал он искренним, дружелюбным, но чуточку смущенным тоном и жестом предложил Томми сесть, — Досадно, конечно, что так вышло, чертовски досадно. Мне остается одно — доверить вам свою тайну. Только смотрите, Медоуз, — держать язык за зубами, понятно?

Томми изобразил на лице жадное любопытство.

Хейдок сел и доверительно придвинул свой стул к собеседнику.

— Понимаете, Медоуз, дело обстоит так. Об этом никто не знает, но я из Секретной службы. Отдел М. И. 42Б. Икс. Слышали о таком?

Томми покачал головой и прикинулся еще более заинтересованным.

— Так вот, это совершенно секретно. Мы работаем, так сказать, на внутреннем кольце связи — передаем отсюда кое-какую, информацию. Но если это выплывет, будет беда, понятно?

— Еще бы! — воскликнул Медоуз. — Как интересно! Можете не сомневаться, я буду молчать.

— И правильно сделаете — это жизненно необходимо. Повторяю, все это совершенно секретно.

— Вполне вас понимаю. Но до чего же увлекательная у вас работа! Право, увлекательная! Мне так хочется порасспросить вас о ней. Но, наверно, это не полагается?

— Да, не стоит. Вы же понимаете, что значит «совершенно секретно»?

— Конечно, конечно! Извините, пожалуйста, что так получилось.

Поразительный случай! — ответил Томми и подумал про себя: «Ей-богу, он мне не поверил. Не может он вообразить, что я приму его рассказы за чистую монету!»

Нет, это совершенно невероятно. Впрочем, тщеславие многих губило.

Капитан Хейдок — умница, крупная личность. А кто такой этот жалкий Медоуз? Всего лишь туповатый британец, образец той породы людей, которые верят всему чему угодно. Дай бог, чтобы Хейдок подольше пребывал в этом убеждении!..

Томми продолжал болтать, всячески выказывая интерес и любопытство. Он понимает, что вопросов задавать нельзя, но... Насколько он может судить, у капитана Хейдока очень опасная работа. Приходилось ли капитану работать в самой Германии? Хейдок отвечал искренне и охотно. Сейчас он больше, чем когда-либо, казался подлинным британским моряком — прусский офицер бесследно исчез. Но теперь Томми глядел на него новыми глазами и только диву давался, как мог он так заблуждаться. Ни в форме черепа, ни в линии рта — ничего британского. Наконец мистер Медоуз поднялся. Наступил миг последнего испытания. Сойдет или нет?

— Право, мне пора — час уже поздний. Еще раз извините и будьте уверены — ни одна живая душа не услышит от меня ни слова.

Не прерывая приятной беседы, мистер Медоуз, довольный и возбужденный, направился к двери. Вот он уж в холле... Теперь к выходу...

Сквозь другую, приоткрытую дверь справа он видит Апплдора, Слуга расставляет посуду на подносе — утром он должен подать завтрак хозяину. (Эти дурни выпустят-таки его!)

Мужчины постояли у входа. Поболтали, уговорились — в субботу опять играем в гольф.

На дороге раздались голоса — с прогулки на мыс возвращались двое мужчин, немного знакомых Томми и Хейдоку. Томми окликнул их. Они остановились. Все четверо постояли у ворот, обменялись несколькими словами. Затем Томми сердечно простился с хозяином и в обществе обоих мужчин зашагал по дороге.

Ушел! Идиот Хейдок клюнул на удочку!

Томми услышал, как капитан подошел к дому, проследовал в холл, захлопнул за собой дверь. Чуть не крича от радости, Томми бодро спустился по холму бок о бок со своими новыми знакомыми. Само провидение в последнюю минуту послало их сюда.

У ворот «Сан-Суси» Томми распрощался со спутниками, вошел в сад и, негромко насвистывая, направился по аллее к дому. Но едва он поравнялся с росшими в темном уголке кустами рододендронов, как на

голову ему обрушилось что-то тяжелое. Он упал ничком и провалился в темную бездну.

Глава десятая

— Вы объявили три пики, миссис Бленкенсоп?

Да, миссис Бленкенсоп объявила три пики.

От телефона, слегка запыхавшись, вернулась миссис Спрот.

— Экзамены по противовоздушной обороне опять перенесли. Как это мне надоело! — воскликнула она.

— А потом миссис Кейли объявила две черви, и я пошла с двойки трэф, — продолжала мисс Минтон.

— А я объявила три пики, — сказала миссис Бленкенсоп.

— Я — пас, — отозвалась миссис Спрот. Миссис Кейли молчала. Наконец она заметила, что партнерши выжидательно смотрят на нее.

— Ах, боже мой, простите! — вспыхнула она. — Я думала, не пойти ли мне к мистеру Кейли. Он ведь совсем один на веранде.

Миссис Кейли обвела глазами присутствующих.

— Если не возражаете, я взгляну, как он там. Мне послышался какой-то странный шум. Боюсь, не упала ли у него книга, — сказала она и через застекленную дверь вышла на террасу.

— Почему бы миссис Кейли не привязать к руке веревочку? — заметила Таппенс. — Тогда в случае надобности мистеру Кейли оставалось бы лишь дернуть за нее.

— Приятно видеть такую любящую жену! — восхитилась мисс Минтон.

Три женщины помолчали.

— А где Шейла? — осведомилась мисс Минтон.

— Пошла в кино, — ответила миссис Спрот.

— А миссис Перенна? — поинтересовалась Таппенс.

— Сказала, что останется у себя — ей надо проверить счета, — отозвалась мисс Минтон. — Бедняжка! Проверять счета так утомительно!

— Не весь же вечер она этим занималась, — возразила миссис Сирот. — Когда я говорила в холле по телефону, она откуда-то вернулась.

— Интересно, откуда? — вставила мисс Минтон. — Наверно, не из кино — сеанс еще не кончился.

— Она была без шляпы и пальто, — продолжала миссис Спрот. — Волосы растрепанные, сама вся запыхалась, словно долго бежала. Взлетела по лестнице прямо к себе, а мне не сказала ни слова. Только сердито взглянула. Да, да, очень сердито, хотя я вроде ничего не сделала.

В дверях веранды появилась миссис Кейли.

— Нет, вы подумайте! — воскликнула она. — Мистер Кейли сам, без моей помощи обошел весь сад. Говорит, что с наслаждением прогулялся — ночь такая теплая.

Она села, и женщины снова взялись за карты.

В комнату вошла миссис Перенна.

— Хорошо погуляли? — спросила мисс Минтон. Миссис Перенна ответила ей недобрым раздраженным взглядом.

— Я не выходила из дому, — отрезала она.

— Ах, простите! Я, наверно, ошиблась. Но миссис Спрот сказала, что вы недавно вернулись.

— Я только вышла за дверь посмотреть, какая погода, — ответила миссис Перенна.

Тон у нее был неприязненный. Она враждебно посмотрела на кроткую миссис Спрот, которая вся вспыхнула и явно испугалась.

— Нет, вы подумайте только, — внесла свой вклад в общий разговор миссис Кейли. — Мистер Кейли сам обошел весь сад.

— Зачем? — в упор спросила миссис Перенна.

— Сегодня такая теплая ночь, — пояснила миссис Кейли. — Он даже забыл надеть второе кашне, и теперь все еще не хочет возвращаться в дом. Я так боюсь, что он простудится.

— Бывают вещи пострашнее простуды, — оборвала ее миссис Перенна. — В любую минуту нам на голову может свалиться бомба, и мы взлетим на воздух.

— Ах, боже мой! Надеюсь, этого не случится.

— Да? А вот я не прочь, чтобы это случилось.

И миссис Перенна проследовала на террасу.

Четыре дамы, игравшие в бридж, посмотрели ей вслед.

— Она сегодня какая-то странная, — пробормотала миссис Спрот.

Мисс Минтон наклонилась над столом.

— Вам не кажется...

Она оглянулась, и остальные придвинулись поближе.

— Вам не кажется, что она пьет? — свистящим шепотом закончила мисс Минтон.

— Ах, боже мой! В самом деле? — вскрикнула миссис Кейли. — Это многое бы объяснило. По временам она действительно какая-то... непонятная. Как вы думаете, миссис Бленкенсоп?

— О, я этого не думаю. Мне кажется, она просто чем-то встревожена. Вам ходить, миссис Спрот.

— Кажется, Бетти проснулась? — подняла голову миссис Спрот.

— Нет, она спит, — твердо возразила Таппенс. Миссис Спрот, явно поглощенная своими материнскими заботами, с нерешительным видом заглянула в карты.

— Значит, от нечего делать сражаемся в бридж? — прогудел низкий голос.

В дверях террасы, тяжело дыша и сверкая глазами, стояла миссис О'Рорк. Недружелюбно улыбнувшись, она вошла в комнату.

— Что это у вас в руках? — с внезапным интересом осведомилась миссис Спрот.

— Молоток, — любезно отозвались миссис О'Рорк. — Я нашла его в аллее — кто-нибудь, наверно, забыл.

— Странно! Кому он мог там понадобиться? — удивилась миссис Спрот.

— Действительно странно, — согласилась миссис О'Рорк и, размахивая молотком, проследовала в холл.

Сегодня она была в каком-то особенно приподнятом настроении.

— Позвольте, а какие у нас козыри? — спросила мисс Минтон.

Минут пять игра продолжалась без помех, а затем вошел Блетчли, вернувшийся из кино, и начал подробно излагать содержание «Странствующего менестреля», фильма, действие которого происходит в годы царствования Ричарда I.

Роббер так и не удалось закончить: миссис Кейли, взглянув на часы, обнаружила, что час уже поздний, и с воплем ужаса ринулась в сад на поиски мистера Кейли. Последний, упиваясь ролью калеки, брошенного на произвол судьбы, трагически вздрагивал, кашлял и твердил замогильным голосом:

— Ничего, ничего, дорогая! Надеюсь, бридж доставил тебе удовольствие? Не беспокойся обо мне. Даже если я простудился, это, право, не имеет значения. Сейчас война!

На другой день, за завтраком, Таппенс заметила, что атмосфера несколько напряжена. Миссис Перенна разжала губы только для того, чтобы отпустить несколько едких замечаний, после чего не вышла, а прямо-таки вылетела из комнаты. Блетчли, намазывавший на хлеб толстый слой повидла, негромко усмехнулся.

— Кажется, потянуло холодком, — заметил он. — Ну что ж, этого следовало ожидать.

— Что-нибудь случилось? — осведомилась мисс Минтон и, затрепетав от радостных предвкушений, вытянула вперед тонкую шею.

Майор окинул глазами аудиторию. За столом сидят мисс Минтон, миссис Бленкенсоп, миссис Кейли и миссис О'Рорк. Миссис Спрот и Бетти уже вышли. Пожалуй, можно рассказать.

— Речь идет о Медоузе, — сообщил он. — Всю ночь где-то прокутил. До сих пор не вернулся.

— Что? — вырвалось у Таппенс.

— Наш Медоуз — парень не промах, — рассмеялся Блетчли. — Мадам Перенна, естественно, злится.

— Ах, боже мой! — вскрикнула мисс Минтон, заливаясь краской.

Миссис Кейли была явно шокирована. Миссис О'Рорк только усмехнулась.

— Миссис Перенна мне все уже рассказала, — призналась она. — Что подделаешь! Мужчина — всегда мужчина.

— Но с мистером Медоузом могло что-нибудь случиться, — проблеяла мисс Минтон. — Вдруг он угодил под автомобиль?

— Думаю, что именно так он все и объяснит, — ответил майор. — Налетела машина, сбила его, и бедняга пришел в себя только утром.

— Может быть, он в больнице?

— Нам дали бы знать: у него при себе удостоверение личности.

— Боже мой! — вздохнула миссис Кейли. — Что скажет мистер Кейли?

Ответа на этот риторический вопрос не последовало. Таппенс с видом оскорбленного достоинства встала и вышла из комнаты.

— Бедный старина Медоуз! — прыснул со смеху Блетчли, как только дверь за ней затворилась. — Его отлучка не по вкусу прелестной вдовушке. Она уже думала, что подцепила его.

— Майор Блетчли! — проблеяла мисс Минтон.

— Помните Диккенса? — подмигнув, отозвался отставной вояка. — «Остерегайся вдовушек, Сэмми!»

Непредвиденное исчезновение Томми несколько встревожило Таппенс, но она попыталась успокоить себя. Вероятно, он кое-что разузнал и пошел по горячим следам. Понимая, как в их условиях трудно поддерживать связь.

Бирсфорды заранее договорились не поднимать паники преждевременно, если одному из них придется отлучиться, не предупредив другого. Договорились они и о некоторых уловках, к которым будут прибегать в подобных случаях. По словам миссис Спрот, миссис Перенна вчера вечером куда-то уходила. А так лак сама хозяйка категорически отрицает этот факт, ее отлучка становится особенно интересным поводом для размышлений. Возможно, Томми выследил ее и обнаружил нечто такое,

что требует его неустанного наблюдения. Тогда он, без сомнения, либо свяжется с Таппенс одним из условных способов, либо скоро вернется.

И все-таки Таппенс не удавалось подавить в себе тревогу. Она решила, что роль миссис Бленкенсоп вполне позволяет ей проявить известное любопытство и даже беспокойство, и без долгих размышлений отправилась на поиски миссис Перенны.

Миссис Перенна не проявила склонности распространяться на эту тему и сразу же дала понять, что подобное поведение ее постояльца нельзя ни извинить, ни обойти молчанием.

День прошел, а мистер Медоуз так и не объявился. Под вечер, уступив настояниям обитателей «Сан-Суси», хозяйка крайне неохотно согласилась наконец позвонить в полицию. Пришел сержант и занес в записную книжку обстоятельства дела. При этом выяснились некоторые факты. Мистер Медоуз вышел из дома капитана Хейдока в половине одиннадцатого. Оттуда он вместе с неким мистером Уолтерсом и доктором Кэртисом дошел до самых ворот «Сан-Суси», где распрощался со спутниками и свернул в аллею. С этой минуты мистер Медоуз как бы растаял в пространстве.

Таппенс наметила для себя две версии.

Во-первых, Томми мог заметить в аллее миссис Перенну и юркнуть в кусты, а затем пойти за ней по пятам. Если у нее было с кем-то свидание, он, вероятно, последовал за этим человеком, а она вернулась в «Сан-Суси». В таком случае он, видимо, цел и невредим, и чем старательнее полиция будет его искать, тем больше затруднений доставит ему. Вторая версия была куда менее приятной. Наглядно она представлялась Таппенс либо в образе миссис Перенны, которая «с растрепанными волосами и вся запыхавшись» возвращается в «Сан-Суси», либо в образе миссис О'Рорк, появляющейся в дверях веранды с тяжелым молотком в руке.

Молоток этот наводил Таппенс на размышления самого трагического свойства. В самом деле, как он очутился в аллее? Кому и зачем он там понадобился? На второй вопрос ответить было куда труднее, чем на первый. Тут многое зависело от того, когда именно вернулась домой миссис Перенна. Это произошло, несомненно, около половины одиннадцатого, но, к сожалению, ни одна из дам, игравших в бридж, не взглянула на часы. Миссис Перенна сердито заявила, что выходила только посмотреть, какая на улице погода. Но человек, вышедший на минуточку за двери дома, не может запыхаться. Хозяйка была явно раздражена тем, что ей не повезло и миссис Спрот увидела ее: она рассчитывала, что все четыре дамы поглощены бриджем.

Когда же это точно было?

Из разговоров Таппенс выяснила, что все ее партнерши высказываются на этот счет крайне неопределенно. Если время совпадает, наиболее подозрительной фигурой становится миссис Перенна. Но возможны и другие варианты. В момент возвращения Томми отсутствовало еще трое обитателей «Сан-Суси». Майор Блетчли был в кино, но он ходил туда один. Кроме того, он так настойчиво и с такими подробностями пересказывал содержание фильма, что подозрительный человек мог бы усмотреть в этой настойчивости желание установить свое алиби. Затем есть еще мистер Кейли, который, несмотря на свою мнительность, ни с того ни с сего отправился один гулять по саду. Не забеспокойся миссис Кейли о состоянии своего супруга, никто не узнал бы об этой прогулке и все считали бы, что мистер Кейли, укутанный в плед, покоится, как мумия, в кресле на террасе. Кстати, идти на такой риск, как длительное пребывание ночью на воздухе, — это на него очень непохоже.

И наконец, опять-таки остается миссис О'Рорк, с улыбкой размахивающая молотком...

— В чем дело, Деб? Чем мы так расстроены, девочка?

Дебора Бирсфорд вздрогнула от неожиданности, но тут же рассмеялась: перед девушкой, сочувственно глядя на нее карими глазами, стоял Тони Марсден. Тони ей нравился. Умный парень и считается в шифровальном отделе восходящей звездой, хотя работает недавно.

— А, пустяки, — ответила она, — семейные дела. Ты ведь знаешь, что это такое.

— Да, родственники — нудная штука. Твои старики что-нибудь выкинули?

— По правде сказать, меня беспокоит мама.

— Почему? Что случилось?

— Понимаешь, она уехала в Корнуолл к старой тетке. Ей семьдесят восемь, она выжила из ума и совершенно невыносима.

— Мрачная картина! — сочувственно отозвался молодой человек.

— Конечно, с маминой стороны это очень великодушно. Но она и без того подавлена — ей, видите ли, не дают работать на победу, никто не нуждается в ее услугах. В прошлую войну она была сестрой в госпитале и занималась еще всякой всячиной, но теперь, разумеется, другое дело. Так вот, маму все это так расстроило, что она решила пожить в Корнуолле у тети Грейси, покопаться в саду и так далее.

— Здоровое решение! — одобрил Тони.

— Да, для нее это самый лучший выход. В ней ведь до сих пор столько энергии! — снисходительно сказала Дебора. — Значит, все в порядке?

— Не совсем, хотя еще позавчера, получив ее письмо, я была просто счастлива за нее. Что же тебя беспокоит?

— А то, что я попросила Чарлза — он как раз поехал в те края к своим — навестить маму. Он заехал к ней, а ее там не оказалось.

— Как не оказалось?

— Так. Она туда и не приезжала. Вовсе не приезжала.

— Странно! — несколько растерявшись, пробормотал Тони. — А где твой... э-э... отец?

— Мой старик? Где-то в Шотландии. Служит в одном из этих унылых министерств, где только и делают, что подшивают бумаги да снимают с них копии.

— Твоя мать, наверное, поехала к нему.

— Нет, это в секретной зоне, и женам въезд туда воспрещен.

— Гм... Ну, значит, она уехала... в другое место.

Тони окончательно пришел в замешательство — особенно потому, что Дебора не сводила с него больших грустных глаз, в которых застыла тревога.

— Но зачем? Это очень странно. Ведь все мамины письма полны рассказами о тете Грейси, саде и прочем.

— Понятно, понятно, — заторопился Тони. — Конечно, ей хочется, чтобы ты думала... Но в наше время... Словом, я хочу сказать, что человеку нужно иногда проветриться.

Тревога в глазах Деборы немедленно сменилась гневом.

— Если ты полагаешь, что мама решила провести конец недели с кем-нибудь.. посторонним, то ошибаешься. Мои родители любят друг друга, по-настоящему любят. Мама никогда...

— Конечно, никогда, — опять заторопился Тони. — Извини, пожалуйста. Я вовсе не хотел...

Гнев Деборы утих, но она тут же снова нахмурилась.

— Самое странное, что на днях мне кто-то сказал, будто видел маму в Лихемптоне. Я, разумеется, ответила, что это невозможно — я ведь думала, что она в Корнуолле. Но теперь...

Рука Тони, подносявшая спичку к сигарете, повисла в воздухе. Спичка потухла.

— В Лихемптоне? — быстро переспросил он.

— Да. Вот уж неподходящее место для мамы. Общество отставных полковников, старых дев и сплошное безделье.

— Что и говорить, место неподходящее, — отозвался Тони, раскурил сигарету и словно невзначай спросил: — А чем занималась твоя мать в ту

войну?

— Тем же, что и другие: работала в госпитале, водила машину — не свою, конечно, а генеральскую, — перечислила Дебора.

— А я думал, что она, как и ты, была на секретной службе.

— Ну, что ты! На это у нее не хватило бы ума. Впрочем, они с папой были, кажется, одно время чем-то вроде сыщиков: секретные документы, шпионы и прочее. Конечно, милые старики все преувеличивают — им кажется, что это было страшно важно.

Когда на другой день Дебора пришла со службы домой, ей показалось, что в комнате что-то изменилось. Чтобы разобраться, в чем дело, ей потребовалось несколько минут. Затем она позвонила и сердито осведомилась у хозяйки, где большая фотография, обычно стоявшая на комод. Миссис Роули была и огорчена и обижена. Она ничего не знает. Она не притрагивалась к карточке. Может быть, Гледис... Та заверила, что она тоже не касалась фотографии.

— Может быть, это газовщик — он тут приходил днем, — с надеждой в голосе добавила она.

Однако Дебора категорически отказалась допустить, чтобы служащий газовой компании неожиданно воспытал симпатией к немолодой женщине и унес ее фотографию. Гораздо более вероятно, решила про себя Дебора, что Гледис разбила стекло и поспешила скрыть следы преступления, бросив и рамку и карточку в мусорный ящик.

Тем не менее Дебора не стала поднимать шум. При случае она попросит мать прислать ей другую фотографию, и все.

Глава одиннадцатая

Наступила очередь Таппенс потолковать с рыбаком, сидящим в конце пирса. Вопреки здравому смыслу она надеялась, что мистер Грант скажет ей что-нибудь утешительное. Но надежды ее не оправдались. Грант тоже не получал от Томми никаких известий.

— Значит, нет оснований предполагать, что он... что с ним что-то случилось? — спросила Таппенс, стараясь придать голосу твердость и деловитость.

— Никаких. Но допустим, что они есть. Как вы поступите?

— Я... Буду продолжать, разумеется.

— Вот и правильно. Плакать будем после боя. А сейчас мы в самой его гуще, и время не ждет. Одна информация, которую вы нам дали, подтвердилась. Вы подслушали разговор о «четвертом». Это четвертое следующего месяца, дата большого прыжка на нашу страну.

— Вы уверены?

— Совершенно. Наши враги — люди методичные. Планы у них всегда составлены точно и разработаны до деталей. Итак, дата — четвертое. Все теперешние налеты — пустяки, так сказать, разведка боем: немцы прощупывают пашу оборону и интересуются, как мы реагируем на бомбежки. А четвертого нанесут настоящий удар.

— Но раз вам это известно...

— Мы знаем дату вторжения. Знаем или предполагаем, где оно, примерно, произойдет, и по мере сил готовимся. Но тут снова всплывает старая история с осадой Трои. Троянцам, как и нам, было известно, что за силы угрожают им извне. А нам нужно знать, кто угрожает нам изнутри, что за люди сидят в деревянном коне, потому что именно они могут открыть врагу ворота крепости. Мы обязаны вовремя узнать, кто эти люди.

— Не могли бы вы пустить кого-нибудь из ваших по следу миссис Перенны?

— Уже сделано. Информация, полученная нами, Такова: «Миссис Перенна — член Ирландской республиканской армии, подозревается в антианглийских настроениях». Информация абсолютно точна, но никаких других улик у нас нет. У нас нет фактов, которые нужны нам, как воздух. Поэтому не отступайтесь, миссис Бирсфорд. Не отступайтесь и сделайте все, что в ваших силах.

— Четвертое? — повторила Таппенс. — Значит, осталось меньше

недели?

— Ровно неделя.

Таппенс стиснула руки.

— Мы должны справиться. Я говорю «мы», потому что чувствую — Томми идет по следу. Поэтому он и не вернулся. Ох, только бы мне тоже кое в чем разобраться! А что, если...

И Таппенс нахмурилась, обдумывая план новой атаки.

— Понимаете, Алберт, это вполне возможно.

— Я, конечно, понимаю, что вы имеете в виду, мэм. Но честно признаюсь, идея мне не по душе.

— И все-таки она может сработать.

— Вполне, мэм. Но вы ставите под удар себя, и это мне не нравится. Да и хозяину тоже не понравилось бы.

— Обычные способы мы уже перепробовали. Я хочу сказать: мы сделали все, что можно сделать, оставаясь под прикрытием. Думаю, что у нас есть теперь лишь один шанс — сыграть в открытую.

— Хотел бы я знать, где сейчас капитан Бирсфорд!

— Я тоже, — с тоской отозвалась Таппенс.

— Все это как-то неестественно — исчезает, не сказав ни слова, а потом даже весточки не шлет. Вот почему...

— Что, Алберт?

— Вот почему я и говорю, что уж если он пошел в открытую, так, может, вам все-таки лучше оставаться в тени?

— Алберт помолчал, собираясь с — мыслями, потом закончил:

— Я вот что хочу сказать. Допустим, они засекли капитана. Но о вас-то они могут и не знать. Поэтому вам лучше оставаться под прикрытием.

— Сама не знаю, на что решиться, — вздохнула Таппенс.

— А как вы хотели все это устроить, мэм?

— Я думала потерять письмо, написанное моей рукой, — неуверенно начала Таппенс. — Подниму из-за этого шум, притворюсь очень расстроенной. Затем его найдут в холле, и служанка, вероятнее всего, положит конверт на стол. А тогда уж тот, кто нам нужен, обязательно заглянет в него.

— А что будет в письме?

— Ну, примерно следующее: мне удалось установить личность интересующего вас человека и завтра я обо всем подробно доложу. Вы же понимаете, Алберт: тогда Н. или М. будут вынуждены пойти в открытую и постараться убрать меня.

— Да, и не исключено, что это им удастся.

— Если я буду начеку — нет. Думаю, что они попробуют заманить меня в ловушку — куда-нибудь, где побезлюдней. И вот тут-то на сцену выйдете вы, потому что о вас никто ничего не знает.

Едва Таппенс вышла из местной библиотеки, зажав под мышкой том, который ей отрекомендовали как «интересную книжечку», чей-то голос окликнул ее:

— Миссис Бирсфорд!

Она вздрогнула, круто повернулась и увидела высокого смуглого молодого человека с приятной, немного смущенной улыбкой.

— Вы... Вы, наверно, меня не помните?

Таппенс давным-давно привыкла к этой фразе. Она даже точно знала, какие слова будут сказаны дальше.

— Я... Я как-то заходил к вам домой с Деборой.

Приятели Деборы! Их было у нее очень много, и все они были для Таппенс на одно лицо. Одни, как этот молодой человек, брюнеты, другие — блондины, но все из того же теста: приятные, воспитанные, с чуточку длинноватыми — на взгляд Таппенс — волосами.

И надо же, чтобы один из них встретил и узнал ее именно сейчас! Но ничего, она быстро от него отделается.

— Я — Энтони Марсден, — представился молодой человек.

— Как же, помню! — соврала Таппенс и протянула ему руку.

— Как хорошо, что я разыскал вас, миссис Бирсфорд! — продолжал Тони Марсден. — Понимаете, я служу там же, где Дебора, а тут получилась довольно неприятная история.

— Неужели? Какая же? — осведомилась Таппенс.

— Понимаете, Дебора узнала, что вы вовсе не в Конуолле, как она думала. Это может поставить вас, в несколько затруднительное положение, не так ли?

— А, черт! — огорченно воскликнула Таппенс. — Как же это так получилось?

Тони Марсден объяснил и робко добавил:

— Дебора, конечно, не имеет представления, чем вы занимаетесь на самом деле...

Молодой человек скромно умолк, затем продолжал:

— Насколько я представляю себе, очень важно, чтобы она и дальше ничего не знала. Я работаю, в общем, по той же части, что и вы. Официально я начинающий сотрудник шифровального отдела. На самом же деле мне дана инструкция выражать умеренно профашистские взгляды — восторгаться немецкой системой намекать на то, что деловое

сотрудничество с Гитлером — вещь неплохая, и так-далее, а самому наблюдать за тем, какой отклик встречают мои высказывания. Понимаете, у нас сейчас много провалов, и мы хотим выяснить, кто за этим стоит.

«Всюду разложение», — подумала Таппенс.

— Как только Деб рассказала мне о вас, — снова начал молодой человек, — я сразу решил: поеду-ка я туда сам и предупрежу миссис Бирсфорд — пусть придумает историю поубедительней. Понимаете, случилось так, что мне известно, чем вы здесь занимаетесь и насколько это важно. Если кто-нибудь пронюхает, кто вы такая, все пропало. Вот я и подумал, не стоит ли вам сделать вид, что вы уехали к капитану Бирсфорду в Шотландию. Вы всегда можете сказать, что вам разрешили работать вместе с ним.

— Пожалуй, могу, — задумчиво отозвалась Таппенс.

— Надеюсь, вы не сочли мое вмешательство бестактным? — встревоженно спросил Тони Марсден.

— Нет, напротив, я вам очень благодарна.

— Я... Я... Понимаете, я очень люблю Дебору, — несколько непоследовательно выпалил Тони.

Таппенс с интересом взглянула на собеседника.

— Мой муж не в Шотландии, — помолчав, неторопливо сказала она.

— Как!

— Он здесь, со мной. По крайней мере, был со мной, потому что сейчас он исчез.

— Послушайте, это скверно! Но, может быть, я ошибаюсь? Он вышел на какой-то след?

— По-моему, да, — кивнула Таппенс. — Поэтому я и не считаю его исчезновение таким уж плохим предзнаменованием. Думаю, что рано или поздно он даст мне знать о себе нашим условным способом. И она слегка улыбнулась.

— Я, разумеется, не сомневаюсь, что вы с ним не новички в игре, — с некоторым замешательством отозвался Тони. — Но все-таки будьте осторожны.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — кивнула Таппенс. — Красавиц героинь в романах всегда заманивают в ловушку. Но у нас с Томми свои, особые методы. И пароль тоже особый — Таппенс.

— Как? — уставился на нее Тони с таким видом, словно перед ним сумасшедшая.

— Извините. Я забыла вам объяснить, что в семье меня зовут Таппенс — не по имени, а по прозвищу.

— Понятно, — ответил молодой человек, и лоб его разгладился. — Недурно придумано!

— Надеюсь.

— Простите за навязчивость, но не могу ли я быть вам полезен?

— Пожалуй, можете, — задумчиво сказала Таппенс.

Глава двенадцатая

После долгого, как вечность, беспамятства Томми различил огненный шар, плывущий в пространстве. В центре этого шара гнездилась боль. Затем вселенная стала сжиматься, огненный шар замедлил свое движение, и Томми внезапно обнаружил, что ядро этого шара — его собственная голова, которая раскалывалась на части. Постепенно он ощутил свое тело. Руки и ноги похолодели и скрючены, распухшие губы не в силах произнести ни звука, ужасно хочется есть. Огненный шар движется все медленнее. Теперь это уже не шар, а голова Томаса Бирсфорда, лежащая на чем-то твердом. На чем-то очень твердом. На чем-то подозрительно напоминающем камень. Да, он лежит на голых камнях. Ему больно, он не в состоянии пошевелиться, он голоден и заоченел в неудобной позе. Конечно, постели в заведении миссис Перенны не слишком мягкие, но не может быть...

Вспомнил! Хейдок! Радиопередатчик! Слуга-немец! Ворота «Сан-Суси»... Кто-то подкрался к нему сзади и ударил по голове. Оттого она так и болит. А он-то радовался, что удалось уйти! Значит, Хейдок вовсе не такой дурак, каким прикинулся.

Хейдок? Но ведь капитан вернулся в «Приют контрабандистов» и захлопнул за собой дверь. Как он умудрился спуститься с холма и подстеречь Томми в саду «Сан-Суси»? Нет, это невозможно — Томми заметил бы его.

Значит, слуга? Конечно, Хейдок мог послать его в засаду. Но ведь, проходя через холл, Томми собственными глазами через приоткрытую дверь видел Апплдора в кухне. Или ему только померещилось, что он видит слугу? Возможно, так оно и было.

Глаза Томми, уже привыкшие к темноте, различали маленький, тускло освещенный прямоугольник. Окошечко или отдушина. Воздух вокруг сырой и затхлый. Очевидно, Томми лежит в подвале. Руки и ноги у него связаны, во рту кляп, для надежности прихваченный повязкой. «Похоже, что я крепко влип», — подумал Томми и осторожно попробовал пошевелиться, но тщетно.

В эту минуту раздался негромкий скрип, и где-то позади распахнулась дверь. Вошел человек со свечой. Он поставил ее на пол, и Томми узнал Апплдора. Слуга опять исчез, но вскоре вернулся с подносом, на котором были кувшин с водой, стакан, кусок хлеба и сыр. Апплдор нагнулся и

раньше всего проверил, надежно ли связаны руки и ноги Томми. Затем взялся за кляп.

— Сейчас я выну кляп, — спокойным, ровным голосом начал он, — и вы сможете поесть и напиться. Но стоит вам пикнуть, и я опять заткну вам рот.

Томми попытался кивнуть, но задача сказала ему не по силам, и он лишь несколько раз открыл и закрыл глаза. Апплдор, истолковав это как знак согласия, осторожно снял повязку.

Рот был теперь свободен, но Томми потребовалось несколько минут, прежде чем он сумел привести челюсти в движение. Апплдор поднес к его губам стакан. Сперва глотать было, трудно, потом стало легче. Напившись, Томми сразу почувствовал себя лучше.

— Вот теперь хорошо. Увы, я уже не так молод, как раньше. А теперь давайте еду.

Слуга поднес ко рту пленника сыр и хлеб, и Томми принялся жадно жевать.

— Что будет следующим номером программы? — осведомился он, запив еду водой. Вместо ответа Апплдор снова взялся за кляп.

— Я хочу видеть капитана Хейдока, — торопливо сказал Томми.

Апплдор только покачал головой, ловко вернул кляп на прежнее место и вышел. Оставшись один в темноте, Томми опять погрузился в размышления, но вскоре задремал. Из беспокойного она его вывел звук открывающейся двери. На этот раз Апплдор явился вместе с Хейдоком. Они вынули кляп и ослабили веревки, связывающие пленнику руки, чтобы тот мог сесть и расправить занемевшие члены. В руках у Хейдека был пистолет.

Томми — правда, без особенной уверенности в успехе немедленно начал играть свою роль.

— Послушайте, Хейдок, что все это значит? — негодуя заговорил он. — На меня накидываются, меня похищают...

— Не тратьте зря порох. Не стоит, — покачав головой, негромко перебил его капитан.

— Не думайте, что если вы сотрудник Секретной службы, то это уже дает вам право...

— Полно, Медоуз! — опять покачал головой Хейдок. — Вы же ни на секунду не поверили в то, что я вам наговорил.

Томми не выказывал, однако, никаких признаков замешательства: он рассудил, что Хейдок ничего наверняка не знает.

— Кем вы себя возомнили, черт вас побери! — негодовал он, — Какие

бы ни были у вас полномочия, вы не смеете вести себя так. Я еще в состоянии не выбалтывать наших военных секретов.

— Вы отличный актер, — холодно возразил Хейдок, — но имейте в виду: мне безразлично, кто вы — сотрудник Секретной службы или просто любитель.

— Повторяю вам...

— Заткнитесь, черт вас побери! Раньше мы, пожалуй, еще стали бы выяснять, кто вы такой и кто вас подослал. Сейчас это уже не имеет значения — осталось слишком мало времени, понятно? Вы никому не успели сообщить о том, что видели, — и это главное.

— Как только станет известно, что я исчез, полиция начнет поиски.

— Сегодня вечером она уже посетила меня, — сверкнув зубами, неожиданно улыбнулся Хейдок. — Славные ребята! Оба — мои приятели. Они расспросили меня о мистере Медоузе — их очень беспокоит его исчезновение. Как он выглядел в тот вечер? Что говорил? Им даже в голову не пришло — да и как могло прийти? — что человек, о котором они говорят, находится как раз у них под ногами — под тем самым местом, где они сидят. Вы ведь ушли от меня живым и здоровым понятно? Полиция никогда не додумается искать вас здесь.

— Вы не можете до бесконечности держать меня взаперти, — пылко возразил Томми.

— В этом и нет необходимости, милейший, — ответил Хейдок, опять обретая поистине британское хладнокровие. — Вы пробудете здесь всего сутки. Завтра ночью в бухту зайдет катер, и мы отправим вас в небольшое путешествие для поддержания здоровья, но, честно говоря, я сомневаюсь, что вы вернетесь из него живым.

— Интересно, почему вы не прикончили меня сразу?

— Сейчас слишком жарко, милейший, а наши морские коммуникации, к сожалению, временно перерезаны. Если бы случилось... Словом, труп в помещении всегда дает о себе знать.

— Понятно, — согласился Томми.

Он действительно все понял. Исход совершенно ясен. Его оставят в живых до прихода катера, затем убьют или одурманят, а тело вывезут в открытое море. Если даже потом его труп будет найден, никто не усмотрит никакой связи между смертью мистера Медоуза и «Приютом контрабандистов».

— Я зашел только для того, — самым непринужденным тоном продолжал Хейдок, — чтобы узнать, не можем ли мы что-нибудь сделать для вас... Э-э... впоследствии.

— Благодарю, — подумав, ответил Томми. — Просить вас отвезти прядь моих волос или что-нибудь в этом роде одной даме в Сен-Джонс-Вуд я все-таки не буду.

Он чувствовал, что любой ценой должен создать впечатление, будто действовал один, на свой страх и риск. Пока они не заподозрили Таппенс, игра еще может быть выиграна, хотя ему самому в ней уже не участвовать.

— Как вам угодно, — бросил Хейдок. — Но если вам хочется что-нибудь передать вашей... э-э... приятельнице, мы позаботимся, чтобы это было сделано.

Значит, Хейдок все-таки не прочь кое-что разузнать о неизвестном мистере Медоузе? Прекрасно! Вот и пусть себе строит догадки.

— Некому передавать, — покачав головой, ответил Томми.

— Отлично, — с видом полного безразличия закончил разговор Хейдок и кивнул Апплдору.

Слуга затянул веревку, водворил на место кляп, и оба вышли. Заперев за собой дверь.

Томми остался наедине со своими мыслями, а они были далеко не веселого свойства. Ему не только угрожает быстро надвигающаяся смерть. Он лишен, кроме того, всякой возможности передать добытые им сведения. Конечно, остается еще Таппенс. Но что она может? Подозрения ее никогда не падут на Хейдока. К тому же она, вероятно, вообще никого не подозревает. Просто думает, что Томми напал на какой-то след. Вот чем все кончилось! Провал, постыдный провал!

Но что это?.. Томми насторожился. Что за странные звуки? Да нет, просто кто-то напевает. А он лежит и не может даже пискнуть, чтобы привлечь к себе внимание.

Пение приближалось. Ну и слух же у парня! Все время фальшивит.

Однако, как ни искажен мотив, узнать его можно. Это песенка времен первой мировой войны, воскресшая в дни второй.

~Если б в мире, кроме нас с тобою,

Не было, родная, никого...

Внезапно Томми вздрогнул и напрягся. Эти фальшивые ноты ему удивительно знакомы. Перевернуть мотив, именно в этом месте, именно таким образом может лишь один человек на свете!

«Ей-богу, Алберт!» — решил Томми.

Алберт рыщет вокруг «Приюта контрабандистов», Алберт рядом, а он валяется в углу, скрученный, не в силах ни пошевелиться, ни издать звука! Постой, постой! Так ли уж не в силах? Существует один звук, который можно издавать и с закрытым ртом. Конечно, с открытым — легче, но все-

таки можно и так. И Томми отчаянно захрапел. Короткий всхрап, еще раз, еще раз, пауза. Долгий всхрап, еще раз, еще раз, пауза. Короткий, короткий, короткий...

Свидание с Таппенс встревожило Алберта. Положение дел ему решительно не нравилось. Прежде всего ему не нравилась война.

Эти немцы, мрачно размышлял он, орут «Хайль Гитлер!», маршируют строевым шагом, захватывают страну за страной, бомбят, строчат из пулеметов и вообще расползлись повсюду, как зараза. Пора их остановить, но пока что это никому не удастся.

А тут еще миссис Бирсфорд, на редкость хорошая женщина, впутывается в скверную историю и вот-вот угодит в беду. А ведь она сцепилась с людьми из пятой колонны — эх, ну и грязная же они сволочь! Подумать только, среди них есть даже англичане. Позор, одно слово позор! А хозяин, который один умел удерживать слишком стремительную хозяйку, взял да исчез.

В конце концов Алберт решил, что главное — найти хозяина, и, как верный пес, отправился его искать. Никаких заранее разработанных планов у него не было, и приступил он к розыскам точно так же, как искал сумочку жены или собственные очки, когда этим существенно важным предметам случалось куда-нибудь запропасться.

В данном случае сведения о Томми обрывались на том, что, пообедав с капитаном Хейдоком в «Приюте контрабандистов», он вернулся в пансион «Сан-Суси», у ворот которого его и видели в последний раз. Исходя из этого, Алберт поднялся до ворот «Сан-Суси» и минут пять с надеждой взирал на них. Но так как вдохновение его не осенило, он медленно и сокрушенно поплелся к «Приюту контрабандистов».

На этой неделе Алберт тоже побывал в кино, и «Странствующий менестрель» произвел на него сильное впечатление. Просто поразительно, до чего романтично! А судьба героя напоминает его собственную. Как и звезда экрана Лэрри Купер, он играет роль верного Блонделя, который разыскивает своего господина, заточенного в темницу.

Алберт тяжело вздохнул: ему вспомнилась нежная мелодия «О, Ричард, мой король», которую верный трубадур так чувствительно распевал под всеми лежавшими на его пути башнями. Экая жалость, что у него нет слуха — не умеет он схватить мотив. Правда, в последнее время опять пошли в ход старые песни.

~Если б в мире, кроме нас с тобою,
Не было, родная, никого...

Алберт остановился и оглядел ворота «Приюта контрабандистов»,

аккуратно выкрашенные белой краской. Вот, значит, куда ходил обедать хозяин. Алберт поднялся еще немного вверх и вышел на холмы. Нигде ни души. Только трава да овцы.

Ворота «Приюта контрабандистов» распахнулись, пропуская машину, в которой сидел крупный мужчина в гольфах. Рядом с ним стояли клюшки. Он вывел автомобиль на дорогу и покатил вниз по холму.

«Капитан Хейдок, не иначе», — сообразил Алберт, снова спустившись вниз, и стал приглядываться к «Приюту контрабандистов». Недурное местечко. Славный садик, красивый вид. «Ты меня любила б всей душою», — напевал он, одобрительно взирая на виллу.

Из дома, через боковую дверь, вышел человек с мотыгой и скрылся за калиткой сада. В Алберте, который разводил у себя на заднем дворе салат и настурции, мгновенно проснулось любопытство. Он приблизился к вилле и вошел в открытые ворота. Да, недурное местечко.

«Ты меня любила б всей душою», — прогудел еще раз Алберт. Опять сбился! Эта строчка уже была. Вот потеха! Капитан, кажется, держит свиней. Ишь, как протяжно хрюкают! Постой-ка, под землей они, что ли? Любопытно! Разве погреб место для свиней?

Да нет, какие там свиньи! Просто кто-то похрапывает. Завалился спать в подвале и храпит... Денек подходящий — сам бог велел вздремнуть, только вот место для сна странное какое-то.

Жужжа, как шмель, Алберт подошел к дому. Вот откуда храп — из этой отдушины. Храп, храп, храп, выдох, выдох, выдох, храп, храп, храп. Странно, очень странно! В этих звуках есть что-то страшно знакомое...

— Ого! — чуть не вскрикнул Алберт. — Да это же SOS! Точка, точка, точка, тире, тире, тире, точка, точка, точка.

Он быстро оглянулся вокруг, опустился на колени и что-то тихо выстукал по железной решетке подвальной отдушины.

Глава тринадцатая

Уснула Таппенс в самом радужном настроении, но ей пришлось поплатиться за это жестоким упадком духа в бессонные предутренние часы, когда мрачные предчувствия особенно легко овладевают человеком.

К завтраку, однако, она повеселела, и причиной такой перемены было письмо, лежавшее на тарелке миссис Бленкенсоп и надписанное неуверенным почерком с наклоном влево.

Послание это ничем не напоминало корреспонденцию, аккуратно поступавшую к Таппенс от Дугласа, Раймонда, Сирила и других мифических лиц, и состояло сегодня из ярко раскрашенной открытки с изображением песика Бонзо, на которой каракулями было выведено: «Прости, что не могла написать. Все хорошо. Моди». Таппенс отодвинула открытку в сторону и распечатала, письмо. Оно гласило:

«Милая Патриция!

К сожалению, тете Грейси стало хуже. Врачи, конечно, не говорят ничего определенного, но я понимаю, что дело идет к концу и надежды мало. Если хочешь повидать ее перед смертью, постарайся приехать сегодня в Йерроу поездом 11.20. Наш друг встретит тебя с машиной.

Даже при таких печальных обстоятельствах буду счастлива видеть тебя, дорогая.

Всегда твоя

Таппенс».

Таппенс еле удержалась, чтобы не вскрикнуть от радости, не без труда изобразила на лице похоронное выражение и с тяжелым вздохом опустила письмо на стол. Вслед за тем она изложила его содержание обеим слушательницам — миссис О'Рорк и мисс Минтон, которые с неподдельным сочувствием выслушали ее рассказ.

После завтрака Таппенс позвонила портному, отменила примерку юбки и пальто, а затем разыскала миссис Перенну и объявила, что, вероятно, отлучится на несколько дней. Как полагается в таких случаях, хозяйка выразила ей свое соболезнование. Вид у миссис Перенны был усталый, выражение лица — тревожное.

— О мистере Медоузе все еще никаких известий, — сказала она. — Не правда ли, очень странно?

— Он наверняка стал жертвой несчастного случая, — вздохнула миссис Бленкенсоп. — Я сразу это сказала.

— Нет, миссис Бленкенсоп, будь это несчастный случай, нам бы уже дали знать.

— А что еще могло произойти? — спросила Таппенс.

— Не знаю, право, что и думать, — покачала головой миссис Перенна. — Видите ли, миссис Бленкенсоп, нам почти ничего не известно о мистере Медоузе.

— Что вы хотите этим сказать? — резко бросила Таппенс.

— Пожалуйста, не воспринимайте мои слова так болезненно. Я лично ни минуты этому не верю.

— Чему?

— Слухам, которые о нем ходят.

— Слухам? Но я ничего не слышала.

— Ну, вам, пожалуй, и не скажут. Не знаю точно, откуда пошли эти слухи, но думаю, что первым заговорил об этом мистер Кейли. Вы же понимаете, он человек подозрительный.

— Пожалуйста, расскажите, в чем дело, — попросила Таппенс, призвав на помощь все свое терпение и силясь сдержаться.

— Мистер Кейли сказал — разумеется, это лишь предположение, — что мистер Медоуз, возможно, вражеский агент, человек из этой ужасной пятой колонны.

Таппенс постаралась вложить в свои слова все возмущение, на которое была способна миссис Бленкенсоп.

— Какой вздор! В жизни не слышала ничего глупее!

— Лично я того же мнения. Но мистер Медоуз не раз встречался с нашим молодым немцем и, кажется, даже подробно расспрашивал его о работе химического завода. Вот люди и подозревают, что они были сообщниками.

— Значит, вы думаете, что в истории с Карлом нет ошибки? — спросила Таппенс.

Лицо миссис Перенны передернулось.

— Мне очень хочется, чтобы все было не так.

— Бедная Шейла! — мягко сказала Таппенс. Глаза миссис Перенны запылали.

— Сердце бедной девочки разбито. Ну почему все сложилось именно так? Почему она не могла выбрать кого-нибудь другого?

— В таких делах не выбирают, — покачала головой Таппенс.

— Вы правы, — глухо и горько отозвалась миссис Перенна. — Жизнь

устроена так, что вас обязательно ранят в сердце...

Ее прервало покашливание. Густой горловой кашель. На пороге, заполнив собою весь дверной проем, стояла миссис О'Рорк.

— Не помешала? — осведомилась она.

— Нисколько, миссис О'Рорк, — ответила хозяйка. — Мы тут гадали, что могло случиться с мистером Медоузом, Удивляюсь, почему полиция до сих пор его не разыскала.

— Ох уж эта полиция! — презрительно подхватила миссис О'Рорк. — Какой от нее толк? Никакого. Штрафовать шоферов да шпынять несчастных владельцев собак, не успевших вовремя зарегистрировать пса, — вот и все, на что она способна.

— А что вы сами думаете, миссис О'Рорк? — поинтересовалась Таппенс.

— Разве вам неизвестно, что поговаривают о Медоузе?

— Что он фашист и вражеский агент? Да, слышала, — холодно ответила Таппенс.

— Возможно, так оно и есть, — задумчиво сказала миссис О'Рорк и добавила, с улыбкой глядя в упор на Таппенс: — Я, знаете ли, с самого начала стала приглядываться к этому Медоузу: в нем было что-то интригующее. Он совсем не казался человеком, который ушел на покой и не знает, куда себя деть.

— А когда полиция напала на его след, взял и исчез? — закончила Таппенс.

— И это возможно, — ответила миссис О'Рорк. — А вы как думаете, миссис Перенна?

— Затрудняюсь ответить, — вздохнула хозяйка. — История, во всяком случае, пренеприятная — вызывает слишком много разговоров.

— Вы так и не сказали нам, что думаете вы сами, миссис О'Рорк, — настаивала Таппенс.

Миссис О'Рорк ответила своей обычной свирепой улыбкой.

— Я думаю, что он просто отсиживается где-нибудь в безопасном местечке.

Таппенс пошла к себе — пора было собираться. Навстречу ей, из комнаты супругов Кейли, выбежала Бетти. На личике ее сияла озорная улыбка.

— Что ты натворила, бесенок? — спросила Таппенс.

— Гуси, гуси... — замурлыкала Бетти.

— Вы куда? Вверх... — Таппенс подхватила девочку на руки, подкинула ее в воздух и опустила на пол, закончив: — И вниз, туда-сюда.

В этот момент появилась миссис Спрот и увела ребенка одеваться для прогулки.

Таппенс пошла к себе в номер и водрузила на голову шляпку. Она терпеть не могла шляп — Пруденс Бирсфорд никогда их не носила, но прекрасно понимала, что Патриции Бленкенсоп без них не обойтись. А ведь кто-то перекладывал шляпки в шкафу, отметила про себя Таппенс. Значит, у нее в номере рылись? Ну что ж, пусть ищут — здесь нет ничего, что могло бы бросить хоть тень подозрения на безупречную миссис Бленкенсоп. Артистически забыв на туалете полученное утром письмо, Таппенс спустилась вниз, вышла из дому и ровно в десять миновала ворота «Сан-Суси». Времени хоть отбавляй. Она взглянула на небо и нечаянно ступила в большую темную лужу, но, по всей видимости, не заметив этого, проследовала дальше.

Сердце ее неистово колотилось. Удача, удача, их ждет удача!

Станция Йерроу была расположена на порядочном расстоянии от городка. У платформы Таппенс ждала машина. Приятный молодой человек, сидевший за рулем, приложил руку к фуражке, хотя внимательному наблюдателю такой жест показался бы несколько неестественным. Таппенс недоверчиво постучала ногой по правому заднему скату.

— Не спустит?

— Ничего. Нам недалеко, мэм.

Молодой человек повел автомобиль не в направлении деревни, а к холмам. Перевалив через ближайший холм, они свернули на проселок, который круто спускался в глубокую лощину. Впереди, на опушке рощицы, появился человек и стал у обочины дороги. Машина остановилась и Таппенс вышла. Навстречу ей спешил Тони Марсден.

— С Бирсфордом все в порядке, — без предисловия сообщил молодой человек. — Вчера мы выяснили, где он. Правда, он угодил в лапы противника и сейчас в плену, но до ночи мы его выручить не можем по одной простой причине: когда стемнеет, к некоей точке побережья подойдет катер, который нам нужно захватить во что бы то ни стало. Поэтому Бирсфорду придется еще немного потерпеть — мы не хотим раскрывать карты до последней минуты. Вы ведь понимаете...

— Конечно, конечно, — отозвалась Таппенс, все внимание которой поглотила куча шелка, лежавшая за деревьями. — А что там такое?

— Это... — начал Тони и тут же заколебался. — В этом-то вся штука. Мне приказано сделать вам одно предложение. Но... э-э... откровенно говоря, мне оно не нравится.

— Не нравится? Почему? — смерила его Таппенс холодным взглядом.

— Как бы это... А, черт! Вы же мать Деборы. Что скажет мне Деб, если... если...

— Если я пострадаю? — докончила Таппенс. — На вашем месте я просто не стала бы ей ничего говорить.

— А знаете, вы — замечательная, просто замечательная! — восторженно воскликнул Тони.

— Хватит комплиментов! — отрезала Таппенс. — Я достаточно высокого мнения о себе, поэтому вам нет нужды повторяться. Итак, в чем состоит ваш великий замысел?

— Видите вон там остатки парашюта? — спросил Тони, указывая на грудку измятого шелка.

— Ага! — отозвалась Таппенс, и глаза ее засверкали.

— Это был одиночный парашютист, — продолжал Марсден. — К счастью, в здешней гражданской обороне замечательные ребята. Они засекли и сцапали ее сразу

после приземления.

— Да. Это была женщина в форме сестры милосердия.

— Жаль, что не ряса, — вставила Таппенс. — Я столько раз слышала истории о монахинях-шпионках, которых брали в автобусах: они платили за проезд, рукав закатывался и обнажал волосатую мускулистую руку.

— Нет, она не монахиня и не переодетый мужчина. Она довольно хрупкая брюнетка среднего роста и средних лет.

— Словом, похожая на меня? — перебила Таппенс.

— Угадали, — согласился Тони.

— Дальше, — скомандовала Таппенс.

— А дальше дело за вами, — с расстановкой сказал Марсден.

— За мной оно не станет, — улыбнулась Таппенс. — Куда мне ехать и что делать?

— К сожалению, инструкции могу дать лишь самые скудные. В кармане парашютистки была найдена записка на немецком языке: «Идти в Лезерберроу, на восток от каменного креста. Сент-Эсефс-роуд, 14, доктор Биньен».

Таппенс оглянулась. На вершине ближнего холма высился каменный крест.

— Он самый, — подтвердил Тони. — Дорожные указатели, разумеется, снятый. Но Лезерберроу — довольно большой городок, и, взяв от креста прямо к востоку, вы непременно попадете туда.

— Далеко идти?

— Миль пять, самое меньшее.

— Полезная прогулка перед завтраком, — с легкой гримаской заметила Таппенс. — Надеюсь, доктор Биньен предложит мне поесть, когда я доберусь до места.

— Знаете вы по-немецки, миссис Бирсфорд?

— Ровно столько, чтобы объясниться в отеле. Придется говорить исключительно по-английски — скажу, что таковы инструкции.

— Чертовский риск! — промолвил Марсден.

— Чепуха! Ну, кому придет в голову, что агента подменили? Или уже все кругом знают, что здесь изловили парашютистку?

— Оба парня из гражданской обороны, доложившие о поимке, задержаны начальником полиции. Он не хочет рисковать — боится, что они похвалятся приятелям, как ловко провели операцию.

— Ну что ж, идемте.

— Мы захватили с собой одежду и привезли специалистку по гриму — она из полиции. Следуйте за мной.

Неподалеку, в рощице, оказался полуразрушенный сарай. На пороге стояла деловитая женщина средних лет. Она оглядела Таппенс и одобрительно кивнула головой. В сарае Таппенс села на перевернутый чемодан и подверглась необходимым процедурам.

Таппенс протянула руку и взяла у женщины зеркало. Затем посмотрелась в него и чуть не вскрикнула от изумления. Рисунок бровей стал совершенно иным, и это придало Таппенс новое, незнакомое выражение. Тяжелые морщины в уголках рта сделали Таппенс на несколько лет старше. Лицо приобрело благодушное и глуповатое выражение.

Затем Тони деликатно вышел из сарая, и Таппенс сбросила с себя платье и облачилась в форму сестры милосердия, но башмаки оставила свои. Непривычный наряд жал в плечах, но в целом сидел неплохо.

С интересом обследовала Таппенс и сумочку: пудра, ни намек на губную помаду, два фунта четырнадцать шиллингов шесть пенсов английскими деньгами, носовой платок и удостоверение личности на имя Фреды Элтон, Шеффилд, Манчестер-роуд, 4.

Таппенс переложила в сумочку собственную пудру и губную помаду и встала. Она готова в путь.

— Я — свинья, — отвернувшись, хрипло бросил Тони Марсден. — Я не имею права отпускать вас на такое рискованное дело...

— Не волнуйтесь, мой мальчик, — похлопала его по плечу Таппенс. — Хотите верьте, хотите нет, но вся эта история меня по-настоящему забавляет.

— Вы просто замечательная! — еще раз повторил Тони Марсден.

Изрядно вымотанная Таппенс остановилась напротив дома № 14 на Сент-Эсефс-роуд и обнаружила, что доктор Биньен — зубной врач.

Уголком глаза она видела Тони Марсдена — молодой человек сидел в потрепанной дешевой машине, остановившейся в дальнем конце улицы.

Таппенс шла пешком до самого Лезерберроу: было решено точно следовать инструкциям — возможно, за нею следят. И в самом деле, над холмами прошли два неприятельских самолета, притом так низко, что пилоты вполне могли заметить сестру милосердия, одиноко шагавшую по дороге.

Тони с женщиной из полиции поехали в противоположном направлении, сделали большой круг и только после этого повернули на Лезерберроу, где заняли позицию на Сент-Эсефс-роуд. Можно начинать.

«Ворота распахиваются, и на арену выходит христианка, обреченная на съедение львам, — подумала Таппенс. — Зато уж не скажешь, что жизнь у меня скучная».

Она перешла через улицу и позвонила, на ходу размышляя о том, очень ли нравится Деборе этот молодой человек. Дверь отворила пожилая женщина с тупым крестьянским лицом. Тип явно не английский.

— Доктор Биньен дома? — спросила Таппенс.

— Вы, наверно, сестра Элтон? — оглядев ее с ног до головы, осведомилась женщина.

— Да.

— Тогда пройдите к нему в кабинет.

Служанка посторонилась, дверь захлопнулась, и Таппенс вошла в узкий, застеленный линолеумом коридор.

Служанка проводила ее на второй этаж, открыла кабинет.

— Подождите здесь. Доктор сейчас придет, — и, закрыв за собой дверь, вышла.

Сейчас распахнется дверь и появится доктор Биньен. Интересно, кем он окажется? Незнаком он ей, или она уже встречала его раньше? Если это тот, кого она надеется увидеть...

Дверь отворилась.

Вошедший оказался совсем не тем, кого ждала Таппенс. Ей даже в голову не приходила такая возможность.

Перед ней стоял капитан Хейдок.

Глава четырнадцатая

В мозгу Таппенс вихрем закружились догадки о роли, которую сыграл капитан Хейдок в исчезновении Томми, но она решительно отmelda эти мысли. Настала минута, когда ей потребуется весь ее ум и самообладание. Узнает ее капитан или нет — вот что главное. Сама-то она настолько подготовила себя к любой неожиданности, к любой встрече, что была почти уверена — она ничем не выдала своего удивления. Таппенс встала и, как подобает заурядной немке в присутствии венца творения — мужчины, приняла почтительную позу.

— Итак, вы прибыли, — сказал Хейдок.

Говорил он по-английски и держался, как обычно.

— Да, — ответила Таппенс и, словно вручая верительные грамоты, представилась: — Сестра Элтон.

— Сестра Элтон? Превосходно, — улыбнулся Хейдок с, таким видом, словно слышал шутку, и, оглядев Таппенс с головы до ног, одобрительно сказал: — Выглядите вы безупречно.

Таппенс наклонила голову, но промолчала: пусть инициатива остается за Хейдоком.

— Задание вам, вероятно, известно? — продолжал Хейдок. — Садитесь, пожалуйста.

— Подробные инструкции я должна получить от вас, — послушно сев, ответила она.

— Совершенно верно, — отозвался Хейдок. В тоне его звучала легкая насмешка.

— Дату знаете? — осведомился он.

— Четвертое.

— Хейдок был явно изумлен. Глубокая морщина прорезала его лоб.

— Значит, вам она известна? — негромко переспросил он.

Таппенс промолчала, затем сказала:

— Так что же я должна делать? Объясните, пожалуйста.

— Все в свое время, моя милая, — ответил Хейдок. — Вы, несомненно, слышали о «Сан-Суси»?

— Нет.

— Значит, — вы не слышали о «Сан-Суси», — как-то странно усмехнулся Хейдок. — Я крайне этим удивлен. У меня, знаете ли, сложилось впечатление, что весь последний месяц вы прожили именно там.

Наступила мертвая тишина, которую нарушил вопрос капитана:

— Ну-с, что вы теперь скажете, миссис Бленкенсоп?

— Не понимаю вас, доктор Биньен. Меня сбросили сюда на парашюте только сегодня утром.

Хейдок опять ухмыльнулся. До чего неприятная ухмылка!

— Несколько ярдов парашютного шелка, брошенного в кусты, — и видимость создана. Я ведь тоже не доктор Биньен, милейшая. Для посторонних доктор Биньен — мой зубной врач. Человек он любезный и время от времени предоставляет в мое распоряжение свой кабинет.

— Вот как? — сказала Таппенс.

— Вот так, миссис Бленкенсоп. Или вы, может быть, предпочитаете, чтобы я называл вас вашим настоящим именем, миссис Бирсфорд?

Негромкий щелчок, и в руке капитана тускло блеснула вороненая сталь. В голосе его зазвучала угроза.

— Поднимать шум и звать на помощь соседей не, советую — вы умрете раньше, чем успеете раскрыть рот. Впрочем, если даже вы крикнете, на это никто не обратит внимания. Как вам известно, у зубного врача пациенты часто кричат.

— Как видно, вы предусмотрели все, — спокойно начала Таппенс. — Но не подумали о том, что у меня есть друзья, которые знают, где я нахожусь?

— А! Вы все еще надеетесь на голубоглазого рыцаря? Правда, в данном случае глаза у рыцаря карие. Мне жаль огорчать вас, миссис Бирсфорд, но юный Энтони Марсден — один из самых убежденных наших сторонников в вашей стране. Как я уже заметил, несколько ярдов парашютного шелка дают поразительный эффект. Вы, например, удивительно легко клюнули на приманку.

— Не понимаю, зачем вам весь этот дурацкий маскарад?

— Ах, не понимаете? Так вот, нам просто не хотелось, чтобы ваши друзья слишком быстро нашли вас. Если они выйдут на ваш след, он сразу приведет их в Йерроу и к человеку, который ждал вас в машине. А вот тот факт, что в Лезерберроу во втором часу дня появилась сестра: милосердия с лицом, нисколько не похожим на ваше, вряд ли будет поставлен в связь с вашим исчезновением.

— Отлично придумано, — сказала Таппенс.

— Поверьте, я восхищаюсь вашим мужеством, — продолжал Хейдок. — Искренне сожалею, что приходится прибегать к насилию, но нам необходимо точно знать, что вы успели выведать в «Сан-Суси».

Таппенс молчала.

— Не советую запираяться, — невозмутимо добавил Хейдок. — Зубоврачебный инструмент и кресло открывают, знаете ли, известные... э-э... возможности.

Таппенс лишь смерила его презрительным взглядом, Хейдок откинулся на спинку стула.

— Должен сознаться, — медленно произнес он, — воля у вас сильная — как у многих женщин вашего типа. Но что вы скажете о другой половине картины?

— О чем это вы?

— Я говорю о Томасе Бирсфорде, вашем муже, который в последнее время жил в «Сан-Суси» под именем мистера Медоуза, а сейчас в отлично упакованном виде лежит в подвале моей виллы.

— Не верю! — отрезала Таппенс.

— Потому что получили письмо от некоей Таппенс? Неужели вы не поняли, что это всего-навсего удачный ход юного Энтони? Вы замечательно подыграли ему, рассказав о вашем семейном коде.

— Томми... Значит, Томми... — задрожал голос Таппенс.

— Ваш Томми там же, где был все это время, — у меня в руках. Теперь все зависит от вас. Если вы честно ответите на вопросы, он получает шанс на спасение. Если нет... что ж, мы вернемся к первоначальному плану. Вашего мужа оглушат ударом по голове, вывезут в море и выбросят за борт... — Таппенс опять с минуту помолчала, потом спросила:

— Что вы хотите знать?

— Я хочу знать, на кого вы работаете, как осуществляете связь с этим человеком или этими людьми и о чем вы уже успели доложить.

— Но я же могу наврать вам все, что мне взбредет в голову, — пожала плечами Таппенс.

— Не наврете — я проверю каждое ваше слово.

Хейдок придвинул свой стул поближе к Таппенс и снова стал обаятельным.

— Дорогая моя, я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете, и, поверьте, бесконечно восхищаюсь вами и вашим мужем. У вас есть и смелость и выдержка. Именно такие люди, как вы, понадобятся новому государству, которое будет создано в вашей стране, когда мы сметем ваше нынешнее, выжившее из ума правительство. Позвольте же мне объяснить вам то, что понимают лишь немногие из ваших соотечественников. Наш фюрер вовсе не собирается покорять вашу страну в том смысле, в каком вы все толкуете слово «покорит». Он стремится создать новую Британию, сильную своей собственной силой и управляемую не немцами, а

англичанами, притом лучшими из англичан — людьми умными, воспитанными, смелыми. Это будет «прекрасный новый мир», как сказано у Шекспира. — Он наклонился к Таппенс: — Мы хотим покончить с хаосом и бездарностью, со взяточничеством и коррупцией, И в этом новом государстве нам понадобятся такие люди, как вы и ваш муж, — умницы и смельчаки, враги в прошлом и друзья в будущем. Вы удивитесь, если я расскажу вам, сколько людей в вашей стране, да и в других тоже, сочувствуют нам и разделяют наши убеждения. Попробуйте же взглянуть на происходящее моими глазами; потому что, уверяю вас, события как раз и...

Голос Хейдока звучал неотразимо убедительно. Он казался подлинным воплощением британского моряка с его прямоотой и честностью.

Таппенс смотрела на него и подбирала для ответа какое-нибудь крылатое слово, но на ум ей пришла лишь одна фраза, по-детски наивная и в то же время грубая.

— «Гуси, гуси, вы куда?» — бросила она.

Эти слова возымели такое магическое действие, что Таппенс на секунду растерялась. Хейдок вскочил со стула, лицо его побагровело от гнева, недавнее сходство с сердечным британским моряком начисто исчезло. Перед Таппенс стоял тот, кого уже видел однажды Томми — разъяренный пруссак. Сперва капитан разразился залпом немецких ругательств, потом, вновь перейдя на английский, заорал:

— Проклятая идиотка! Разве ты не понимаешь, что с головой выдала себя таким ответом? Теперь и тебе, и твоему муженьку конец! — И, еще более возвысив голос, Хейдок позвал: — Анна!

В комнату вошла женщина, впустившая Таппенс в дом. Хейдок сунул ей в руки пистолет.

— Карауль ее. Если будет нужно, стреляй. — С этими словами он выбежал из кабинета.

Таппенс умоляющими глазами посмотрела на Анну, которая с бесстрастным лицом стояла перед ней.

— Неужели вы будете стрелять в меня?

— Не заговаривайте мне зубы, — равнодушно ответила Анна. — В прошлую войну ваши убили Отто, моего сына. Тогда мне было тридцать восемь, теперь шестьдесят два, но я ничего не забыла.

Таппенс смотрела на широкое бесстрастное лицо служанки. Оно напоминало ей польку Ванду Полонскую. То же самое выражение — угрожающее, жестокое, бесповоротно решительное. Материнство, неумолимое материнство! Спорить с такой бесполезно: матери, потерявшей

ребенка, ничего не докажешь.

В тайниках памяти Таппенс что-то зашевелилось. Какое-то назойливое воспоминание, что-то такое, что она всегда знала и никак не может выразить. Соломон... Какое отношение имеет к этому Соломон?

Дверь открылась. Вернулся Хейдок.

— Где они? Куда вы их спрятали? — вне себя от злости зарычал он.

Таппенс остолбенело уставилась на него. Что за чушь он несет? Она ничего не брала и ничего не прятала.

— Выйди! — приказал Хейдок Анне.

Служанка отдала ему пистолет и поспешно вышла. Хейдок опустился на стул и, сделав над собой усилие, взял себя в руки.

— Вам не удрать с вашей добычей, — сказал он. — Вы в моей власти, а у меня есть способы, довольно неприятные способы, которые развязывают людям язык. Выкладывайте, куда вы их дели?

Таппенс мгновенно сообразила, что у нее появилась возможность поторговаться. Если бы только узнать, что представляют собой вещи, которые, по мнению Хейдока, оказались у нее!

— А откуда вы знаете, что они у меня? — осторожно поинтересовалась она.

— Из ваших же слов, дура вы такая! При вас их нет. Это нам известно: вы ведь полностью переоделись.

— А если я отослала их кому-нибудь по почте?

— Не валяйте дурака. Начиная со вчерашнего дня все, что вы отправляли по почте, проверялось нами. Никому вы ничего не посылали. Вы могли сделать с ними только одно — спрятать их в «Сан-Суси» утром, перед отъездом сюда. Даю вам ровно три минуты на то, чтобы вспомнить, куда вы их спрятали. — Хейдок положил на стол карманные часы. — Три минуты, миссис Томас Бирсфорд.

На камине тикали часы. Таппенс сидела с каменным лицом, на котором никак не отражался неистовый бег ее мыслей. И вдруг ее озарило словно вспышкой молнии. Теперь она поняла все, увидела картину в целом, с ослепительной ясностью представила себе каждую деталь и сообразила наконец, кто же был центром и осью организации.

— Осталось десять секунд, — обрушился на Таппенс голос Хейдока.

Как во сне, она следила за его движениями. Вот он поднял пистолет, считает:

— Раз, два, три, четыре, пять...

Хейдок досчитал уже до восьми, когда грохнул выстрел, и капитан свалился со стула головой вперед. На его лице застыло изумление. Он был

так поглощен созерцанием своей жертвы, что даже не заметил, как за его спиной медленно приоткрылась дверь.

В мгновение ока Таппенс была на ногах. Она растолкала людей в форме, теснившихся в дверях, и вцепилась в рукав человека в твидовом пиджаке.

— Мистер Грант!

— Ну, ну, моя дорогая, теперь все в порядке. Вы держались потрясающе!

— Скорее! — нетерпеливо отмахнулась Таппенс. — Нельзя терять ни секунды. Вы на машине?

— Да, — недоуменно воззрился на нее Грант.

— Машина хорошая? Нам нужно немедленно попасть в «Сан-Суси». Только бы не опоздать, иначе оттуда могут позвонить, а здесь никто не ответит.

Через две минуты они уже мчались по улицам Лезерберроу, затем вылетели на шоссе. Мистер Грант не задавал вопросов и довольствовался тем, что спокойно наблюдал за Таппенс, не спускавшей глаз со спидометра и обуреваемой самыми мрачными предчувствиями. Шофер, в соответствии с полученными инструкциями, выжимал из машины все, на что она была способна. Сама же Таппенс задала лишь один вопрос:

— Что с Томми?

— Все в порядке. Освобожден полчаса тому назад.

Таппенс кивнула.

Они уже приближались к Лихемптону. Автомобиль молнией пронесся по извилистым улицам города и въехал на холм. Таппенс с Грантом выскочили и побежали по аллее.

Входная дверь, как всегда, не заперта. Нигде ни души. Таппенс взлетела по лестнице, мимоходом заглянула к себе в комнату и заметила, что постель разбросана, а ящики комода выдвинуты. Но она лишь тряхнула головой и, пробежав дальше по коридору, ворвалась в номер супругов Кейли. Комната была пуста. Всюду безмятежная тишина, слегка пахнет аптекой. Таппенс ринулась к кровати и рванула покрывало. Простыни и подушки полетели на пол. Таппенс пошарила под матрасом, обернулась и с ликующим видом протянула мистеру Гранту детскую книжку с картинками.

— Держите. Здесь все.

— Что за...

Они обернулись. С порога, широко раскрыв глаза, на них смотрела миссис Спрот.

— А теперь, — сказала Таппенс, — разрешите представить вам госпожу М. Да, да, это миссис Спрот. Как я сразу не догадалась!

Наступило гнетущее молчание, разрядившееся лишь с появлением миссис Кейли.

— Ах, боже мой! — воскликнула она, в полном отчаянии взирая на разворошенную постель супруга. — Что скажет мистер Кейли?

Глава пятнадцатая

— Как я сразу не догадалась! — еще раз повторила Таппенс.

Она подкрепляла свои расшатавшиеся нервы обильной дозой старого бренди, поочередно даря улыбкой Томми, мистера Гранта и Алберта, который восседал перед пинтой пива и ухмылялся во весь рот.

— Выкладывай все по порядку, — потребовал Томми.

— Нет, сначала ты, — возразила миссис Бирсфорд.

— Рассказывать особенно нечего. По чистой случайности я наткнулся на замаскированный радиопередатчик. Думал, что сумею улизнуть, но Хейдок перехитрил меня.

— Он немедленно позвонил миссис Спрот, — кивнув, перебила его Таппенс. — Та схватила молоток, выбежала в аллею и подстерегла тебя. Отсутствовала она всего минут пять, не больше. Я, правда, заметила, что она немного запыхалась, но, конечно, ничего не заподозрила.

— Все остальное — целиком заслуга Алберта, — продолжал Томми. — Он, как верный пес, начал шнырять вокруг виллы. Я притворился спящим и захрапел... по азбуке Морзе, а он принял сигнал. Затем он помчался к мистеру Гранту, и они, уже вдвоем, навестили меня, когда стемнело. Я снова захрапел, и в конце концов мы договорились, что я останусь в погребе и дам нашим возможность сцапать экипаж катера, когда он подойдет.

— Виллу мы взяли сегодня утром, после отъезда Хейдока, — пояснил Грант. — А катер захватили вечером.

— Ну, Таппенс, теперь твоя очередь. Да рассказывай же! — взмолился Томми.

— Хорошо. Начну с того, что все это время я вела себя как последняя дура. Подозревала кого угодно, только не миссис Спрот. Однажды я ужасно перепугалась — у меня сложилось впечатление, что мне угрожает большая опасность. Это произошло сразу после того, как я подслушала телефонный разговор насчет четвертого числа. В тот момент рядом со мной находилось три человека. Я отнесла свои мрачные предчувствия на счет миссис Перенны или миссис О'Рорк и, разумеется, была кругом не права. На самом деле опасность исходила от незаметной миссис Спрот. Томми может подтвердить, что я шла по ложному следу до самого его исчезновения. После этого мы с Албертом принялись составлять новый план, но тут нам на голову свалился Энтони Марсден. Сперва мне казалось, что тут все в

порядке — обыкновенный молодой человек из числа поклонников Деборы. Но два обстоятельства заставили меня призадуматься. Во-первых, чем дольше я с ним говорила, тем больше убеждалась, что никогда не видела его и что к нам домой он не заходил. Во-вторых, несомненно, зная все, что касается Лихемптона и моего задания, он всерьез полагал, что Томми — в Шотландии. Это уже и вовсе меня насторожило. Если Марсден мог что-нибудь знать, то лишь о Томми — я ведь лицо более или менее неофициальное. Странно, очень странно! — решила я. В свое время мистер Грант говорил мне, что пятая колонна просочилась всюду — даже туда, куда почти невозможно пробраться. Почему бы одному из этих людей не работать в том же отделе, где служит Дебора? Доказательств у меня не было, но подозрения возникли, и я расставила Марсдену ловушку. Я сказала ему, что у нас с Томми есть свой, особый пароль. Такой пароль у нас действительно был, но служила им открытка с собачкой Бонзо, а не мое семейное прозвище — Таппенс, как я уверила Марсдена. Расчет оказался верен, и Энтони попался на удочку. Сегодня утром я получила письмо, которое окончательно его выдало. А так как мы с Албертом обо всем условились заранее, мне осталось лишь позвонить портному и отменить примерку. Это означало, что рыбка клюнула.

— Ну, тут и я, понятное дело, не дал маху, — вмешался Алберт. — Переодеваюсь рассыльным, подгоняю к воротам «Сан-Суси» тележку — я ее у булочника достал — и проливаю целую лужу какой-то дряни. Не знаю только, что это была за штука. По запаху, похоже, анис.

— А затем, — продолжала Таппенс, — я выхожу из дому и ступаю ногой в лужу. Рассыльный с тележкой без всяких осложнений следует за мной до вокзала. У кассы кто-то встает в очередь прямо за мной и слышит, как я беру билет до Йерроу. Вот уж дальше вашим было, видимо, труднее.

— Нет, — сказал мистер Грант, — собакам помог запах. На станции в Йерроу они взяли след, оставленный шиной, которую вы пробовали ногой. След привел в рощицу, затем наверх, к каменному кресту, а уж оттуда, по холмам, прямо в Лезерберроу. Врагам в голову не приходило, что мы идем за вами: они ведь уехали только после того, как убедились, что вы уже далеко отошли.

— И все равно я набрался страху, — вставил Алберт. — Легко ли знать, что вы во вражеском логове, и не знать, что с вами? Мы обошли дом, влезли в окно и сгребли эту немку, когда она спускалась по лестнице. Пospели в самый раз.

— Я и не сомневалась, что вы поспеете, — сказала Таппенс. — Мне надо было только подольше тянуть. Я уже собиралась сделать вид, что

готова во всем сознаться, но увидела, что дверь открывается. Поразительно другое: именно в этот миг меня словно осенило и я поняла, какой дурой была все это время.

— Как же ты догадалась? — спросил Томми.

— «Гуси, гуси, вы куда?» — выпалила Таппенс. — Когда я бросила эту фразу капитану Хейдоку, он буквально побагровел и уж, конечно, не потому, что я ответила и глупо и грубо. Нет, я сразу сообразила, что для него эти слова что-то значат. А, кроме того, на лице Анны было точь-в-точь такое же выражение, как у той польки. Ну, тут я, понятно, вспомнила царя Соломона, и все встало на свое место.

— Вот что, Таппенс, — с отчаяньем воскликнул Томми, — если ты не перестанешь говорить загадками, я сам застрелю тебя. Скажи на милость, что встало на свое место? И при чем тут царь Соломон?

— Неужели ты не помнишь, как к Соломону явились две женщины с ребенком и каждая утверждала, что это ее ребенок. «Прекрасно! — ответил Соломон, — Рассеките его пополам». Та, что лишь притворялась матерью, воскликнула: «Рубите!», но настоящая мать сказала: «Нет, пусть лучше он достанется другой». Понимаете, она не могла допустить, чтобы убили ее дитя. Так вот, в тот вечер, когда миссис Спрот застрелила польку, вы все решили, что она лишь чудом не попала в Бетти. Уже тогда мне следовало все понять. Будь это ее ребенок, она никогда не рискнула бы выстрелить. Такая смелость означала лишь одно: Бетти — не ее дочь. Поэтому она и убила ту женщину.

— Зачем?

— Затем, что матерью девочки, несомненно, была Полонская, — дрогнувшим голосом ответила Таппенс. — Несчастливая, затравленная эмигрантка, без гроша в кармане, она с благодарностью согласилась на то, чтобы миссис Спрот удочерила Бетти.

— Но с какой стати было миссис Спрот удочерять девочку?

— Маскировка! Тонкий психологический расчет! Никто ведь не предположит, что матерая шпионка, выполняя задание, впутает в это дело своего малыша. Поэтому я и сбрасывала со счетов миссис Спрот. Да, да, именно из-за ребенка. Но родная мать Бетти только и мечтала, как бы вернуть себе девочку. Она раздобыла адрес миссия Спрот, приехала сюда, долго слонялась вокруг дома и, дождавшись удобного случая, выкрала ребенка. Миссис Спрот, разумеется, чуть не сошла с ума: ей надо было любой ценой предотвратить вмешательство полиции. Тогда она написала записку, сделала вид, что нашла ее у себя в номере, и вызвала на помощь капитана Хейдока. А потом, когда мы настигли несчастную польку, решила

избавить себя от лишнего риска и застрелила ее. Она не просто умела обращаться с оружием — она была первоклассным стрелком. Да, она — убийца, и мне ее несколько не жаль. Были еще два обстоятельства, — помолчав, продолжала Таппенс, — которые могли бы навести меня на верный след. Во-первых, сходство между Вандой Полонской и Бетти: недаром эта женщина мне все время кого-то смутно напоминала. И, во-вторых, нелепая игра со шнурками от ботинок, затеянная девочкой. Гораздо логичнее было предположить что Бетти подражает не Карлу фон Дайниму, а своей мнимой матери. Но как только миссис Спрот заметила, чем занимается ребенок, она подбросила в номер Карла разные подозрительные вещи. Самой опасной среди них был шнурок, пропитанный симпатическими чернилами. Она ведь знала, что мы непременно обнаружим эти улики.

— Очень рад, что Карл оказался невиновен, — перебил жену Томми. — Он мне нравился.

— Надеюсь, его не расстреляли? — спросила Таппенс.

— С Карлом все в порядке, — ответил мистер Грант. — Кстати, на этот счет у меня есть для вас маленький сюрприз.

— Как я счастлива за Шейлу! — с просветлевшим лицом воскликнула Таппенс. — Какими же мы были идиотами, подозревая миссис Перенну!

— Она действительно имела отношение к Ирландской республиканской армии, но и только, — пояснил мистер Грант.

— Кое-какие подозрения я питала насчет миссис О'Рорк, а одно время даже насчет супругов Кейли.

— А я подозревал Блетчли, — признался Томми.

— Подумать только! Все это время рядом с нами была истинная преступница — бесцветная миссис Спрот, а мы ее считали лишь... матерью Бетти.

— Я бы не назвал ее бесцветной, — поправил мистер Грант. — Очень опасная женщина, превосходная актриса и, к сожалению, англичанка по национальности.

— В таком случае меня не восхищает даже ее ловкость — она работала не на свою страну, — отозвалась Таппенс и обратилась к мистеру Гранту:

— Вы нашли то, что искали?

— Да. И содержалось это в потрепанных детских книжках.

— В тех самых, которые Бетти называла «похими»? — вскричала Таппенс.

— Они в самом деле плохие, — сухо согласился мистер Грант. —

«Маленький Джек Хорнер» скрывал в себе весьма полные сведения о дислокации нашего флота, «Джонни Хед в воздухе» — такие же сведения об авиации, «Человечек с ружьем», в соответствии с названием, — о наземных силах.

— А «Гуси, гуси, вы куда?», — полюбопытствовала Таппенс.

— После надлежащей обработки реактивом в книжке был обнаружен сделанный симпатическими чернилами полный список высокопоставленных лиц, собиравшихся помочь немцам при вторжении. Среди этих лиц оказались два начальника полиции, один вице-маршал авиации, два генерала, директор военного завода, министр, ряд старших полицейских офицеров, командиры гражданской обороны и всякая мелкая, сошка — армейские офицеры, моряки, а также сотрудники нашей Секретной службы.

Томми и Таппенс остолбенели.

— Невероятно! — выдавил Томми.

Грант только покачал головой.

— Вы недооцениваете немецкую пропаганду. Она играет на том, что сидит в тайниках души — на честолюбии, на жажде власти. Все, кого я назвал, готовились предать свое отечество не ради денег, а из своеобразной мании величия. В других странах было то же самое — мания величия и стремление к личной славе. Надеюсь, вы понимаете, что при поддержке таких людей, которые бы отдавали противоречивые приказы и путали все наши карты, вторжение наверняка увенчалось бы успехом.

— А теперь? — спросила Таппенс.

— А теперь, — с улыбкой заключил мистер Грант, — пусть попробуют. Мы приготовили немцам достойную встречу.

Глава шестнадцатая

— Знаешь, дорогая, был момент, когда я вообразила о тебе черт знает что, — сказала Дебора.

— Неужели? Когда же это? — спросила Таппенс, с нежностью глядя на темноволосую головку дочери.

— Когда ты удрала к отцу в Шотландию, а я пребывала в убеждении, что ты гостишь у тети Грейси. Я уже решила, что у тебя роман.

— Серьезно, Деб?

— Ну, не совсем, конечно. В твоём-то возрасте... И потом я знала, как крепко вы со стариком привязаны друг к другу. Просто один идиот, некий Тони Марсден, вбил мне это в голову. Кстати, — думаю, что тебе можно сказать, мама, — позднее выяснилось, что он из пятой колонны. Он и в самом деле вечно вел какие-то странные разговоры. Заявлял, что если Гитлер победит, все будет так же, как раньше, и даже лучше.

— А тебе... гм... он нравился?

— Тони? Что ты! Он был такой надоедливый. Извини, я обещала этот танец.

И Дебора унеслась в объятиях молодого. блондина, нежно улыбаясь своему партнеру. Таппенс несколько минут следила за кружащейся парой, цотом перевела взгляд на высокого юношу в летной форме, который танцевал с белокурой девушкой.

— Право, Томми, у нас очень красивые дети, — сказала она.

— Смотри! Шейла! — перебил Томми и встал.

К столику подошла Шейла Перенна.

— Как видите, я сдержала слово и пришла, — сказала она. — Но я так и не понимаю, почему вы меня пригласили.

— Потому что мы вас любим, — с улыбкой ответил Томми.

— Seriously? За что? Я же отвратительно вела себя по отношению к вам... Но все равно, спасибо.

— Сейчас мы найдем вам хорошего партнера, и вы потанцуете, — объявила Таппенс.

— Я... — начала было Шейла и запнулась — через зал к ним шел Карл фон Дайним. Шейла ошеломленно глядела на него. — Ты? — чуть слышно вымолвила она.

— Я собственной персоной, — отозвался Карл.

— Я знала, что ты признан невиновным, но не думала, что тебя

выпустят из лагеря.

— Интернировать меня нет никаких оснований, — покачав головой, ответил Карл. — Прости, Шейла, но я обманывал тебя. Понимаешь, я вовсе не Карл фон Дайним. Мне пришлось принять это имя по ряду соображений. Карл фон Дайним был моим другом. Мы познакомились с ним несколько лет тому назад здесь, в Англии, а перед самой войной возобновили наше знакомство в Германии, куда я ездил... с особым заданием.

— Ты состоял на секретной службе? — спросила Шейла.

— Да. Во время моего пребывания там со мной начали происходить непонятные вещи. Несколько раз я чуть не погиб. Планы мои становились известны, хотя разгадать их сами немцы, конечно, не могли. Я понял, что дело плохо: разложение, выражаясь любимым словечком нацистов, проникло и в то ведомство, где я служил. Меня предавали наши же люди. Мы с Карлом были немного похожи друг на друга (у меня бабушка немка) — поэтому, кстати, меня и направили в Германию. Карл не был нацистом. Он интересовался только своей химией, которой когда-то занимался и я. Незадолго до войны он решил бежать в Англию. Братья его сидели в концлагере, и он думал, что выехать ему будет нелегко, но все трудности, словно по волшебству, разрешились сами собой. Когда Карл рассказал мне об этом, у меня возникли подозрения. С какой стати немецким властям облегчать Карлу отъезд из Германии, если братьев его упрятали в лагерь, да и сам он на заметке из-за своих антинацистских убеждений? Создавалось впечатление, что нацистам почему-то выгодно, чтоб он оказался в Англии. Мы с Карлом жили в одном доме. Однажды, к великому своему горю, я нашел его мертвым в постели: он покончил с собой в минуту депрессии, оставив письмо, которое я прочел и спрятал. Мое собственное положение стало к тому времени совсем уж ненадежным. Поэтому я решил устроить подмену и превратиться в фон Дайнима — это давало мне возможность не только выбраться из Германии, но и узнать, почему нацисты так благосклонно отнеслись к желанию Карла уехать. Я натянул на покойника свой костюм, перенес тело к себе и уложил в постель: я знал, что моя хозяйка наполовину слепа. С документами Карла фон Дайнима я приехал в Англию и отправился по адресу, по которому надлежало явиться покойному — в «Сан-Суси». Все время, что я прожил там, я старательно играл роль Карла. Вскоре я выяснил, что кто-то заранее принял меры, чтобы мне дали работу на химическом заводе. Сначала я думал, что нацисты будут заставлять меня работать на них. Однако со временем мне стало ясно, что моему бедному другу предназначалась совсем другая роль

— он должен был стать козлом отпущения. Когда меня взяли на основании сфабрикованных улик, я ничего не рассказал. Мне важно было подольше оставаться Карлом фон Дайнимом — я хотел посмотреть, как развернутся события. Правда всплыла на свет божий всего несколько дней тому назад, когда меня узнал один из наших сотрудников.

— Ты должен был довериться мне, — сказала Шейла.

— Жаль, что ты так считаешь, — мягко ответил он. Взгляды их встретились. Гнев в глазах девушки растаял:

— Да, ты должен был поступить именно так.

— Дорогая... — Он встал. — Пойдем танцевать.

Молодые люди ушли.

Таппенс вздохнула.

— Кстати, — спросила она, — зачем он тогда забрался ко мне в комнату? Это же навело нас на ложный след.

— По-моему, он счел личность миссис Бленкенсоп недостаточно подлинной, — рассмеялся Томми. — Словом, мы подозревали его, а он нас.

Вскоре близнецы вернулись и вместе со своими партнерами уселись за столик. Дерек сказал отцу:

— Рад был узнать, что тебе дали работу.

— А я рада, что маме разрешили перебраться к отцу и тоже подыскали занятие, — вставила Дебора. — Видишь, как она повеселела! Ты там не очень скучала, мама?

— Там было вовсе не скучно, — отозвалась Таппенс.

— Вот и чудесно! — заявила Дебора. — Когда война кончится, я кое-что порасскажу тебе о своей работе. Она, действительно страшно интересная, только совершенно секретная.

— Неужели? — восхитилась Таппенс.

— Еще бы! Летчиком, правда, быть еще интереснее, — ответила Дебора, с завистью взглянув на брата. Дерек встал, его белокурая партнерша тоже.

— Не стоит пропускать танец — я ведь сегодня последний день в отпуске.

— Пошли, Чарлз! — скомандовала Дебора, и обе парочки упорхнули.

«Только бы с ними ничего не случилось! Только бы они уцелели!» — твердила про себя Таппенс.

— Как насчет девочки? — спросил Томми. — Возьмем?

— Ты о Бетти? Ох, Томми, как хорошо, что и ты подумал о том же самом! Мне казалось, что во мне просто говорит материнский инстинкт... Нет, ты серьезно?

— Вполне. Почему бы нам не удочерить ее? Малышка совсем одна на свете, а нам будет приятно видеть, что у нас под боком растет этакое юное существо.

— Ох, Томми!

Таппенс взяла руку мужа и сжала ее.

— Мы всегда хотим одного и того же, — счастливым голосом сказала Таппенс.

— Ты только посмотри на эту парочку! — негромко бросила брату Дебора, поравнявшись с ним. — Они за руки держатся!.. Все-таки ужасно милые у нас старики. Мы просто обязаны быть к ним повнимательнее — им война принесла только скуку.